

А.С. Пушкин на «удаленке»

Болдинская осень
как расцвет творчества великого поэта

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

В ОТВЕТЕ ЗА ПРОИСХОДЯЩЕЕ

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ словно кто-то проверяет на прочность. Едва Юго-Восток Украины начал привыкать к режиму прекращения огня – притом что сам кризис далек от завершения и разрешения, – как союзная с Россией Белоруссия оказалась сотрясаема сильнейшим за все время после образования республики внутривластным кризисом.

Сами по себе истоки кризиса нужно искать внутри страны, однако извне оказалось немало желающих поиграть на обострение, и не только против властей Белоруссии в данном случае, но и против России.

Не обошлось без внешних «интересантов» и в отношении Нагорного Карабаха, где началась пока еще ограниченная, но вполне серьезная война между двумя близкими России странами – Арменией и Азербайджаном. И именно по этой причине Россия не может в этом конфликте занять однозначно позицию только одной из воюющих сторон. Но она может – и уже делает шаги в этом направлении – способствовать хотя бы прекращению огня, а затем установлению мира на основе долгосрочного урегулирования карабахской проблемы.

В Средней Азии в результате внутренних межклановых столкновений оказалась в глубоком политическом кризисе Киргизия, член ОДКБ и Евразийского союза. И там тоже многие смотрят на Москву: какое она предложит решение, какие приложит посреднические и миротворческие усилия?

На постсоветском пространстве, таким образом, многие проблемы по-прежнему требуют внимательного «кураторства» со стороны России. Она не может позволить себе уйти с этого геополитического пространства, которое в конечном счете во многом является исконной территорией Русского мира.

ИНТЕРВЬЮ

06 «Мир искусства как поезд: ты садишься и мчишься, мчишься...»

14 «Почти своя» Византия

20 Зияющие пустоты

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

28 Путь танкиста

ИСТОРИЯ

34 Болдинская осень 1.0

42 Доктор Ди vs Борис Годунов

50 Хозяин «Маркизовой лужи»

НАСЛЕДИЕ

56 L'amî inconnu Бунина

62 «Мудрый разумеет»

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

68 Невольный странник

КУЛЬТУРА

74 Сквозь яркое стекло

СИТУАЦИИ

82 Убрать нельзя оставить

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

86 Мечта мастера

ПУТЕШЕСТВИЕ

90 Сибири
радожитель

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Мария БАШМАКОВА
Марина БЕРЕЖНЕВА
Александр БУРЫЙ
Алексей ГУДКОВ
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Дмитрий ЗЛОДОРОВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Зинаида КУРБАТОВА
Алексей МАКЕЕВ
Анастасия МАК КЕЙБ
Вячеслав НИКОНОВ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Денис ХРУСТАЛЁВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

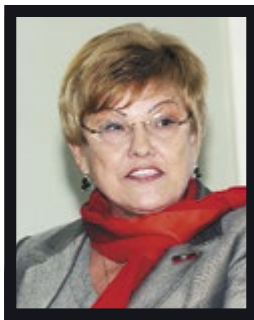
Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Сайт журнала:
<https://rusmir.media>
Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.

Помощник президента
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент межрегионального общественно-государственного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.

Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.

Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.

Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.

Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.

Помощник заместителя председателя правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.

Посол по особым поручениям МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.

Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.

Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

«МИР ИСКУССТВА КАК ПОЕЗД: ТЫ САДИШЬСЯ И МЧИШЬСЯ, МЧИШЬСЯ...»

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

НАРОДНАЯ АРТИСТКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СВЕТЛАНА ЗАХАРОВА СЕГОДНЯ ГЛАВНАЯ РУССКАЯ БАЛЕРИНА, ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ НАШЕГО НАЦИОНАЛЬНОГО БАЛЕТА. КАК БЫ ВЫСОКОПАРНО ЭТО НИ ЗВУЧАЛО, НО ЭТО ИМЕННО ТАК. НЕТ СМЫСЛА УПОМИНАТЬ, КАКОЙ ЭТО ТЯЖКИЙ, БЕСКОНЕЧНЫЙ, ЖЕСТОКИЙ ТРУД, НО, КОГДА ВИДИШЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНИЦУ НА СЦЕНЕ, ГЛАЗ НЕВОЗМОЖНО ОТВЕСТИ. ЭТО НЕ ТОЛЬКО ТРУД – ЭТО БЕЗУПРЕЧНОЕ СОЧЕТАНИЕ ТЕХ РЕДКИХ КАЧЕСТВ, КОТОРЫЕ СОЗДАЮТ НАСТОЯЩУЮ ЗВЕЗДУ, – ДАРА, ТАЛАНТА, ОБАЯНИЯ, КРАСОТЫ И ДОБРОГО, СВЕТОЛОГО ОТНОШЕНИЯ К МИРУ...

— **С**ВЕТЛАНА, КАЖДАЯ БАЛЕРИНА с училища мечтает станцевать в «Лебедином озере»...

– Не каждая. Будучи ученицей, я мечтала станцевать «Жизель». Мне нравились костюмы, но главное – как героиня меняется: в первом акте озорная девочка, живая, чувственная, влюбленная, а во втором – полное отрешение от жизни. Потом приоритеты менялись. Когда семнадцатилетней девочкой я пришла работать в Мариинский театр, мой педагог Ольга Николаевна Моисеева спросила, какой спектакль я хотела бы станцевать. И удивилась, когда я назвала «Баядерку», а не «Лебединое озеро»...

– Но вы не смогли бы пройти мимо главного балета для любой звезды...

– У меня не было мысли сразу исполнить главную роль в этом спектакле. Ее опасно давать начинающей балерине – к этому материалу нужно прийти и технически, и физически, и прежде всего эмоционально. Это один из самых сложных балетов: две совершенно разные героини, которых должна исполнить одна балерина! Да, многие молодые артистки, способные, талантливые, имеют хорошую технику, но внутренне еще просто не сформировались. В первые годы работы в театре я часто смотрела «Лебединое озеро» в исполнении моих старших коллег, сидела в зале и представляла себя в партии Одетты-Одиллии, как бы я сделала это движение, как бы посмотрела на принца в этот момент... Наблюдала и потихонечку на себя примеряла образы обеих героинь. Можно чисто технически выполнить все движения, показать красоту «лебединых рук», но именно эмоционально испол-

нить достаточно сложно. Как правило, «выстреливает» черный лебедь – Одиллия: там есть страсть, динамика, скорость, техника... И коварство – черта, заложенная у многих женщин. Зло исполнить проще, нежели показать нежность, трепетность, беззащитность Одетты. Над этой ролью нужно очень много и долго работать.

– То есть актеру выразить агрессию легче, чем обнажить на сцене ранимость и беззащитность – не каждая готова показать свою слабую сторону?

– Не нужно показывать слабую сторону, здесь речь не об этом... Как правило, завоевать, заманить противоположный пол дерзостью легче, нежели привлечь его внимание чистотой и нежностью. Особенно это качество присуще нынешней молодежи, молодые парни чаще реагируют на девушек дерзких, напористых, «знающих себе цену». В принципе, в Одиллии заложены все качества соблазнительницы, она заманивает, завораживает принца своим напором, увлекает в свои сети. А Одетта – противоположность. Недаром это образ белого лебедя – он чистый. Тут должны быть чистые помыслы. С одной стороны – печаль, беззащитность и покорность. С другой – радость, надежда на счастье, чувство влюбленности, ведь в конце первого акта принц клянется ей в любви, и она ему верит. Столько красок в настроении. Многие ошибочно считают, что Одиллию исполнять сложнее, потому что там есть знаменитые 32 фуэте и много сложной техники, но это только техника. Я по своему опыту могу сказать, что эмоционально образ Одетты намного труднее. Завлечь публику своим танцем, своим искусством, своим исполнением гораздо сложнее Одетте, нежели Одиллии.

Балет
«Кармен-сюита».
Кармен –
Светлана
Захарова,
Хозе – Денис
Родькин

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА СВЕТЛАНЫ ЗАХАРОВОЙ

– Влияет ли воспитание девочек в училищах, в интернате, где закаляется характер, вырабатываются сильные качества, на то, что так трудно быть на сцене чистой и ранимой?

– Не обязательно быть в жизни ранимой или слабой, чтобы показать это состояние на сцене. И не могу сказать, что Одетта – слабая. Да, она путается при первой встрече с прекрасным принцем, старается спрятаться, убежать от него. Но своим отношением к ней принц доказывает, что он ничего плохого ей не сделает, и тогда она ему открывает душу. Знаменитое «Белое адажио» – это же диалог между ними и такое откровение души! А кода – это апофеоз, ее маленькая счастливая победа над всем гнетущим. К этому нужно прийти и мысленно, и эмоционально, и духовно, и душевно. О таком наполнении образа нужно думать, нужно глубже видеть эту роль, нежели многие балерины к ней относятся.

– В своей книге Майя Плисецкая пишет, что у каждой исполнительницы в этом балете должны быть «свои руки»... Вы уже много лет танцуете «Лебединое озеро» и в одном из интервью рассказали, что руки вам ставила Наталья Макарова: это было и удобно, и образу давалась характеристика...

– Нет, в спектакль меня вводила мой репетитор в Мариинском театре, Ольга Николаевна Моисеева. А с Натальей Романовной Макаровой я встретилась впервые в Бразилии, в Рио-де-Жанейро она ставила свою редакцию «Лебединого озера» и пригласила меня исполнить главную роль. Во время первой репетиции она показала и предложила мне другие позиции рук, повороты головы, пор-де-бра, которые я раньше не делала, и это было очень красиво и гармонично для меня. И признаюсь, спустя все эти годы я так и продолжаю танцевать «Белое адажио», как показала мне великая Макарова.

Когда готовишь новую роль, все равно невольно кого-то копируешь. Во-первых, ты учишь порядок, значит, нужно на кого-то смотреть, за кем-то повторять: либо копируешь своего педагога, который передает тебе роль, либо смотришь записи других исполнителей, выбираешь, кто тебе ближе, и учишь по ним – набираешь материал. В процессе работы с педагогом, конечно же, балерина обязана искать свою индивидуальность. Но это не сразу происходит. Проходит премьера – и дальше еще глубже погружаешься в поиск образа. И спустя несколько спектаклей у тебя вдруг открывается какая-то свобода, появляются свои интерпре-

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА СВЕТЛАНЫ ЗАХАРОВОЙ

Балет
«Иван Грозный».
Царица
Анастасия –
Светлана
Захарова,
Иван Грозный –
Михаил Лобухин

тации. Иногда во время спектакля происходят вещи, которые ты делаешь спонтанно, приходят идеи и рождаются новые чувства и ощущения. И постепенно складывается твой образ – совершенно другой!

– Наверное, большинство балерин сталкиваются с проблемой: как не повторить предшественниц, быть особенной?

– Я никогда не думала на эту тему и не ставила себе такой задачи: во что бы то ни стало быть совершенно другой, не похожей ни на кого... Просто потому, что я сама по себе другая, и все у меня будет по-другому. Использую свои возможности, свои данные, в общем, я – это я. А хореография не должна меняться, она та же, и вольно или невольно все равно ты будешь похожа на предшественников, потому что они танцуют эту же хореографию. Главное – добавлять свою интерпретацию роли, придумать свой образ, дать новое дыхание героине, которую уже все давно станцевали и много раз! В этом и есть индивидуальность, я считаю.

– Недавно вы станцевали «Кармен» в Севастополе, на руинах древнего Херсонеса. Это особенная площадка. В таких условиях непривычно танцевать?

– Площадка представляла собой уникальную огромную конструкцию, сцена такого же размера, как в Большом театре, очень хороший пол, занавес, кулисы, оркестровая яма, все выглядело не совсем так, как бывает на open-air. Открыты были только две стороны в зрительном зале, публика сидела под крышей, мы танцевали тоже в закрытом пространстве – было ощущение театральной сцены. Я знаю, что такое открытые площадки: бывает, танцуешь под звездным небом, за спиной или плещется море, или шуршит листвою парк, или вместо декорации – стена старинного замка. И здесь все было продуманно и комфортно. Несмотря на то, что в первый вечер было очень жарко, эмоции оказались на невероятном подъеме, ведь это долгожданное возвращение на сцену

после четырехмесячного перерыва. Действительно первый спектакль! Мы все вышли наконец-то на сцену и были так счастливы! Признаюсь, я не испытывала большого волнения. Не было страха и даже ощущения, что это первый спектакль. Просто хотелось танцевать и дарить публике свое искусство. А публика была такой теплой, эмоциональной, все соскучились. Все этого ждали!

– Вы танцуете Кармен уже пятнадцать лет – она как-нибудь поменялась у вас?

– Ну, вообще, все роли меняются с опытом, с возрастом, с какими-то пережитыми чувствами, ощущениями... После пандемии, придя в зал работать, я почувствовала, что столько внутри меня поменялось в связи со всей ситуацией и столько переосмыслилось, что даже сейчас не только роли, но и вся жизнь по-другому воспринимается. А если говорить о ролях, которые были впервые мною исполнены пятнадцать лет назад, то они, конечно, со временем меняются, трансформируются и переосмысливаются. Иногда – заново.

– Кстати, в вашем репертуаре очень мало русских героинь, в основном вы танцуете французенок, есть испанки, немки, восточные Никия, Мехменэ Бану и Шехеразада. Как вы думаете, почему так несправедлив русский балет к русским героиням – их же так мало?

– Мне трудно сказать. Но я танцую, наверное, одну из самых великих русских героинь – царицу Анастасию в «Иване Грозном». Весь спектакль пропитан нашей историей – это Русь! Там все: и молитва, и любовь и нежность, женская покорность – настоящая русская женская царственная суть. Все спектакли Юрия Николаевича Григоровича очень яркие, ты не просто их танцуешь, ты проживаешь целую жизнь! Действительно, настоящие героини...

– Драматические образы дарят и исполнителям, и публике так много – и танца, и чувств, и общения к истории балетного искусства. Но вы много танцевали в бессюжетных балетах Джорджа Баланчина...

– Не могу сказать, что очень много станцевала Баланчина – максимум пять балетов. Когда я работала в Мариинском театре, руководство приняло решение, что труппе необходим репертуар Баланчина. Пригласили репетиторов, бывших артистов Баланчина, которые раньше сами танцевали его хореографию, и уже они переносили его балеты на нашу сцену. Но Баланчин славится не только бессюжетными балетами. Мне посчастливилось исполнять Машу в его «Щелкунчике» – в Нью-Йорке.

Все новое для артистов всегда интересно. Конечно, сложнее работать с начинающими хореографами, когда все ставится с нуля и ты не знаешь, что из этого получится. Относишься с осторожностью, когда делают что-то новое, но все рав-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

но с интересом. Новость о том, что в театре будут ставить балет Баланчина, Форсайта, Ноймайера, воспринимается всегда с воодушевлением: «да, я хочу в этом участвовать», потому что это большие имена. Красивый балет и возможность поработать со знаменитым хореографом это большая удача и счастье для артиста. Подготовка к премьере всегда что-то особенное. Тем более что балеты Баланчина были давно поставлены, ты их видел и, конечно, с удовольствием танцуешь. Сегодня Баланчин – это уже классика.

– В 1973 году Джордж Баланчин сказал в интервью о танцовщиках: «Мы вроде цветов. Цветок вам ничего не говорит. Он сам по себе красив. <...> Многие ходят в театр, чтобы увидеть свою жизнь, свои переживания. В балете мы не даем им такой возможности. Мы им даем что-то меньшее...» Если артисты с восторгом участвуют в его постановках – значит, им нравится быть «цветком» и «давать меньшее»?

– Балет Баланчина – движение, движение, движение, музыка, движение... Здесь действительно зритель не увидит драму, как в «Лебедином озере» или в «Щелкунчике», где есть сюжет, история, но полу-

чит другую эстетику, красоту, чистое исполнение. У Баланчина свой особенный стиль, манера, музыкальность, очень красивые рисунки в массовых сценах кордебалета, это всегда приводит в невероятный восторг. Он любил женщин, балерина в его балетах главная, она всегда будет в спектакле на переднем плане. А танцовщик – это прежде всего партнер. В его труппе работали просто идеальные партнеры, которые могли поддерживать балерин буквально двумя пальцами. И вся работа партнера выглядела очень изящно, легко и красиво.

– Вы создали на балетной сцене образ с нуля – до вас никто не танцевал Коко Шанель. Расскажите об этой работе – как раскрылась для вас героиня? Примечательно, что она принимала участие в жизни русской эмиграции...

– Да, действительно, Шанель много общалась с русскими. Она была близка с великим князем Дмитрием Павловичем, кузеном последнего русского царя. А в ее ателье вышивали умелицы – русские аристократки. Двери ее парижской квартиры всегда были открыты для русских артистов. Она приносила в своем загородном доме Игоря Стравинского с семьей в сложные для композито-

Светлана
Захарова
в образе
модельера
Коко Шанель

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА СВЕТЛАНЫ ЗАХАРОВОЙ

ра времена. Она дружила с великим импресарио Сергеем Дягилевым, который создал знаменитые Русские сезоны, где работали русские артисты, любила смотреть, как танцует Серж Лифарь. Мало кто знает, но Шанель помогала Дягилеву, давала деньги на постановки новых балетов, придумывала костюмы... Когда Дягилев умер, она его хоронила...

– А вы делали акцент на ее общении с представителями русской культуры, в балете есть такая линия?

– Да, эта сцена так и называется – «Русские сезоны». Мы показываем костюмы, которые создала Шанель для балета Дягилева «Голубой экспресс» –

Blue Train. И также есть отрывочек из балета «Аполлон» – ведь Коко Шанель первые костюмы для балета делала именно к этому спектаклю.

– Светлана, это же уникальный случай – станцевать реального человека!

– Да, не часто можно встретить биографический балет. Было интересно создавать спектакль о личности, которая жила, влюблялась, страдала, взбиралась на олимп, падала оттуда и потом снова поднималась. Создавала новую эстетику в одежде для женщин и сделала революцию в мире моды. Шанель прожила яркую, насыщенную жизнь, полную разных событий. Для спектакля мы выбрали ключевые события, связанные с переломными моментами в ее жизни. Те чувства, которые мне приходится ощущать во время спектакля, дают мне повод совсем по-другому относиться к Шанель. Я как бы узнаю ее изнутри: о чем она мечтала, как любила, как страдала, я как бы открываю ее тайны, ее страдания, боль – то, о чем она не любила рассказывать... Порой мне кажется, что за маской этой сильной женщины скрывалась беззащитность маленькой девочки, которая всегда нуждалась в поддержке и очень-очень много работала. Думаю, для многих женщин она должна быть «путеводной звездой», которая не раз возрождалась, как птица феникс.

– Если о реальных героинях говорить, то и царица Анастасия – историческая фигура, но мы все-таки мало о ней знаем. А Шанель по времени – рядом с нами.

– Это, в принципе, второй раз в моей творческой карьере, когда я танцую реального, современного персонажа. Первый раз – балет «Нуреев», где я танцевала небольшой монолог «Письмо Дивы». Это ныне живущие балерины Наталья Макарова и Алла Осипенко, которые по замыслу режиссера написали письма своему партнеру, где вспоминают Рудика, обращаются к нему... Это было непросто: в коротком монологе передать образ ныне живущих женщин, с такими разными сценическими судьбами и жизнью. Поэтому, каждый раз выходя на сцену, я до последней минуты не знала, чей образ – Натальи или Аллы – сегодня во мне прозвучит сильнее, так как во время моего исполнения читаются оба их письма, да еще и вперемежку. Сложно. Но в то же время интересно – присутствует магическая сила перевоплощения. Я надеялась, что однажды они увидят мою работу и, возможно, внесут свои коррективы по образам. Мне очень интересно мнение этих великих женщин.

– И они так и не увидели вас в этом монологе и ничего не сказали?

– Нет, не увидели пока.

– Это письмо – их отношение к Нурееву, обе его очень любили и любят до сих пор, я думаю.

– И, наверное, много интересного могли бы рассказать о нем. Особенно Наталья Макарова. Я слы-

шала о непростых отношениях между ними. Два великих артиста на Западе сошлись на сцене и – разошлись как в море корабли... Много слухов вокруг этой ссоры, но Наташа не любит об этом рассказывать, приходится только догадываться. Когда я готовилась к премьере, чтобы быть убедительной и понятной, сразу выбрала для себя один образ и сконцентрировалась на Наташе Макаровой. Я знаю ее хорошо, общалась лично, была у нее дома в Лондоне, работала с ней. Прекрасно помню, как она двигается, разговаривает, ее манера общения, жесты очень отличаются. В монологе я старалась передать всю сущность Натальи Макаровой – и как балерины, и как человека.

– Алла Евгеньевна Осипенко?

– Во время монолога играет оркестр, и одновременно актер читает текст писем. Как правило, музыка главенствует, поэтому я не прислушиваюсь к тексту. Однажды, на одном из спектаклей, я вдруг четко начала прислушиваться к словам и вникать в суть – это оказалось письмо от Аллы Осипенко. В этот миг я почувствовала сильную внутреннюю боль! Совсем другие эмоции, нежели раньше. И поняла, что сегодня я – не Наташа, я – Алла Осипенко, у которой очень сложно сложилась судьба. Своим танцем в тот вечер я рассказала о судьбе совершенно другого человека, которого почти не знаю, но почувствовала ее присутствие на сцене. Мой педагог Людмила Ивановна Семеняка, с которой я готовилась к выступлению, после спектакля мне сказала: «Ты сегодня была Аллой Осипенко». Я спросила: «Вы это увидели?» Вот такие моменты иногда на сцене происходят...

– Поразительно... И особая тема – ваша многолетняя работа с детьми. Это и проект «Большие и маленькие» на канале «Культура», и ваш фестиваль «Светлана», который прошел уже в шестой раз.

– Фестиваль был задуман для того, чтобы показать, насколько многогранны и талантливы российские дети. Обычно у нас участвует более 20 коллективов со всей России. Когда они все встречаются – это грандиозное событие!

Гала-концерт, в котором приняло участие около 800 детей, в этом году был посвящен 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Нынешнему поколению уже меньше говорят про тот драматичный период нашей истории, но благодаря своим педагогам ребята так прониклись военной темой, что просто заставляли зал рыдать! Потрясающе были исполнены номера, что-то феноменальное, до сих пор вспоминаю и дух захватывает – так здорово! И, конечно же, на фестивале были представлены наши знаменитые профессиональные хореографические училища: школа Ансамбля имени Игоря Моисеева, Московская хореографическая академия, Хореографическое училище имени Лавровского, Академия Бориса Яковлевича Эйф-

из личного архива Светланы Захаровой

мана, школа-студия «Гжель» – все были, как всегда, на высоте. И много интересных номеров, которые привезли ребята со всей России, огромные коллективы с потрясающими талантливыми детьми. В общем, фестиваль детского танца и на этот раз получился светлым, радостным, несущим хорошее настроение. Канал «Культура» показал его запись 1 мая.

А еще... Знаете, произошла удивительная история. Обычно мы проводим фестиваль в конце марта. Но в этом году так сложились обстоятельства, что привычный график нам пришлось сдвинуть на месяц. Вся команда, работающая для фестиваля, заволновалась, когда узнала об этом. Как правило, времени на подготовку всегда не хватает. Но мы все успели, и VI Благотворительный фестиваль детского танца «Светлана» в этом году состоялся 1 марта. А буквально через пару недель были отменены все массовые мероприятия, начали закрываться театры, концертные залы, в итоге мы все ушли в самоизоляцию. Я верю в то, что это чистое, светлое, радостное детское событие в мире танца очень необходимо – поэтому оно должно было состояться! Но, увы, в следующем году, скорее всего, мы не сможем его провести. Говорю об этом с сожалением, но это так. Дождемся лучших времен...

– Вы активно занимаетесь поддержкой самодеятельных танцевальных коллективов. Огромное вам за это спасибо! Я обратила внимание, как восторженно дети на вас смотрят, ловят ваш взгляд, ждут одобрения – это накладывает какую-то ответственность, что вы об этом думаете?

– Я об этом не думаю. Для меня важно, чтобы дети, которые к нам приезжают, получили яркие эмоции и запомнили их на всю жизнь. Знаете, в детстве любая поездка или мероприятие запоминаются надолго. Когда становишься взрослым, то обычно поездки – просто картинки за окном поезда. Они уже не отпечатываются в памяти так сильно, как в детстве. Поэтому прежде всего

Фестиваль детского танца «Светлана» в 2020 году. В финале праздника на одной сцене собрались все участники – коллективы со всех концов России!

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

наш фестиваль создан для того, чтобы подарить детям радость, событие, которое они будут вспоминать долго. А еще для меня важно, чтобы все участники фестиваля, все дети ответственно относились к тому, что делают, и набирались опыта. Ведь их отобрали, пригласили в Москву, они вышли на сцену знаменитого фестиваля. Отбор у нас очень строгий. Во многом это продиктовано тем, что фестиваль – благотворительный. Причем благотворительность заключается абсолютно во всем, начиная с приезда коллективов, их проживания в Москве и заканчивая распространением билетов. Поэтому на сцену выходят только те, кто действительно этого достоин.

– Со стороны кажется, что вы невероятно заняты, полностью погружены в искусство. И в таком марафоне, может быть, даже не замечаете, что происходит за окном – как будто в поезде проезжаете мимо. Но периодически возникают довольно сложные политические ситуации...

– Вы знаете, искусство всегда было вне политики. Поэтому, слава богу, санкции и запреты нас не коснулись. Я гастролировала до тех пор, пока не случилась пандемия. Я делаю свое дело честно:

выступаю, отрабатываю все намеченное, репетирую, готовлюсь... Действительно, мир искусства как поезд: ты садишься и мчишься, мчишься... Я работаю для того, чтобы зритель пришел в театр и погрузился в атмосферу сказки, расслабился, получил заряд эмоций, с которым он выйдет из театра и будет какое-то время жить. Для меня вот это важно. Несмотря на то, что мировая политическая ситуация такая нестабильная, сложная, культурный обмен все равно живет. Интерес за границей к русской культуре огромный! Люди любят русских исполнителей, русское искусство. Причем как современные постановки, так и наши знаменитые классические балеты.

– А много русских зрителей приходит за границей на ваши выступления?

– Думаю, немало. Многие приезжают специально из других стран, где бы я ни выступала. Мне очень приятно, когда я выхожу после спектакля и мне говорят: «Светлана, здравствуйте! Как мы рады вас видеть! Мы вами гордимся». Я очень люблю слышать русскую речь после спектаклей за границей. Очень приятно, когда говорят: «Приезжайте к нам еще, мы вас ждем!»... 📞

«ПОЧТИ СВОЯ» ВИЗАНТИЯ

БЕСЕДОВАЛА

ФОТО

ЗИНАИДА КУРБАТОВА

АНДРЕЯ СЕМАШКО

О НАСЛЕДИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
И ЕГО ЗНАЧЕНИИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ,
О НЕПРОСТОЙ СУДЬБЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВИЗАНТИНИСТИКИ «РУССКОМУ МИРУ.RU»

РАССКАЗЫВАЕТ ОДИН ИЗ ВЕДУЩИХ
РОССИЙСКИХ ВИЗАНТИНИСТОВ, АКАДЕМИК РАН
ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ МЕДВЕДЕВ. НЕСМОТРЯ НА ТО,
ЧТО В НОЯБРЕ НЫНЕШНЕГО ГОДА АКАДЕМИКУ
ИСПОЛНИТСЯ 85 ЛЕТ, ОН ПРОДОЛЖАЕТ РАБОТАТЬ
И ПУБЛИКОВАТЬ ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ ВИЗАНТИНИСТИКИ.

— ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ, НЕ УСПЕЛО мировое сообщество привыкнуть с мыслью, что в Святой Софии отныне действует

мечеть и знаменитые мозаики завешены занавесками, как теперь уже и церковь Христа Спасителя в Полях древнего монастыря в Хоре превращена в мечеть. Как вы отнеслись к этому событию? Почему, по-вашему, это особенно печально для православных россиян?

— Как можно к этому отнестись? Превращение Святой Софии в мечеть — это возмутительное событие. И, главное, непонятно, что делать.

Святая София — это сакральный символ православия. И поэтому как-то очень досадно, что этот символ опять превращается в турецкую мечеть. Ведь Святая София — это выдающийся храм, один из самых первых построенных при Юстиниане Великом в VI веке. Его внутреннее пространство, его купол — это шедевр архитектурного искусства. Святая София стала центром притяжения всего мира, не только православных людей, что естественно, но и католиков. Там, собственно говоря, происходили главные события, связанные с жизнью и церемониалом императорского константинопольского дома. И там же была крещена и наша княгиня Ольга.

— Знаете, я вспоминаю гимн «древников», то есть специалистов по древнерусской литературе в Пушкинском Доме. Слова написала талантливая Милена Рождественская, пели его на мотив песни «Дорогая моя столица». Там были такие строчки: «Византия почти что античность, и к тому же почти своя». Почему же Византия для нас «почти своя»? Ведь не только потому, что Русь приняла православие?

— Княгиня Ольга просто приняла там крещение и вернулась в Киев. А ее внук князь Владимир уже решил не только сам креститься — как вы наверняка помните, это произошло в Херсонесе, — но и крестить всех россов, своих подданных. Обратить их в православие. Надо сказать, он долго вынашивал эту идею. Сначала отправил посланников в Рим. Они вернулись и рассказали, что у католиков все выглядит помпезно. Тогда в качестве альтернативы он решил отправить этих же четырех посланников в Константинополь, чтобы узнать, как все это выглядит в православии. Этих послов водили по Константинополю, все показывали и объясняли. Естественно, они попали и на богослужение в Святую Софию. И были потрясены. Рассказывая об этом князю Владимиру, они признались: «Не знаем, на небе мы были или

на земле». Этот момент был запечатлен в древнерусских летописях, и его подробно исследовал академик Александр Панченко.

Для Руси было важно тогда преодолеть языческую, скажем так, неполноценность. Общей тенденцией мирового процесса того времени был отход от древнего язычества к монотеизму, в частности к христианству, одна из ветвей которого – православие. Крещение превращало Русь в полноценного члена международного сообщества того времени. А князь Владимир, женившись на сестре византийского императора Анне, стал членом византийской императорской фамилии. Если иметь в виду государственную систему, то очень многое было воспринято Русью из византийского императорского обихода. Особенно четко это прослеживается в духовных и договорных грамотах русских князей. Например, Дмитрий Донской обязал своего двоюродного брата, князя Серпуховского Владимира Андреевича, считать его, великого князя, отцом. Не братом, а отцом. А своего старшего сына, Василия, – фактически двоюродного племянника Владимира Андреевича – признать братом старейшим. В чем тут дело? А дело в том, что все это заимствовано из византийской иерархической системы, которая наглядно представлена в книге «О церемониях» императора Константина VII Багрянородного. Место каждого иностранного государя в этой официальной иерархии по отношению к византийскому императору определялось терминами родства, заимствованными из терминологии семейного права, – отец, сын, брат. Причем употребление терминов родства в этом контексте не риторика, а титул, который давали на основе взаимного соглашения. Русский князь включался в эту систему на правах сродного брата или племянника.

Кроме того, не стоит забывать еще об одном важном аспекте. Двойственность Византии заключалась в динамике взаимоотношений светской культуры и церковности. Эти две половины византийской цивилизации находились в диалектическом взаимодействии. В отдельные периоды церковность овладевала всем обществом. Но всегда находились люди, которые в сложных ситуациях продолжали культивировать античные традиции интеллектуальной культуры. Иногда это приводило к очень печальным последствиям. К примеру, один из учеников философа и гуманиста Георгия Плифона закончил тем, что его приговорили к смертной казни и утопили. Я имею в виду Ювеналия, который отстаивал античные идеи, критиковал христианство и в конце концов был казнен.

– Вы много занимались и правовой культурой Византии. Многим сейчас сложно представить, что в империи, существование которой закончилось в XV веке, уже были юристы и нотариусы. И в обществе обсуждались те же вопросы, что и в наши дни. Например, по поводу наказаний.

– Византийская империя – самое крупное, самое великое государство Средневековья, в основе которого лежала правовая культура. Все было основано на ней, вся жизнь общества регулировалась законами. Законы не просто обычные, не закрепленные в рукописях. Это были письменные кодексы. Все регулировалось, так сказать, документальными процедурами. Были нотариусы, юристы. Все заключавшиеся сделки документально фиксировали в присутствии свидетелей. Византийская правовая система распространилась в Европе. В семейном праве большую роль играло каноническое право, церковное. Правонарушения пресекались и наказывались. Существовала целая система наказаний, включавшая смертную казнь. Хотя в своей книге «Правовая культура Византии» я подчеркиваю, что смертная казнь не всеми воспринималась положительно, многие ее отвергали. Например, патриарх Антиохийский, канонист Феодор Вальсамон в XII веке комментировал «Номоканон в 14 титулах» – это один из основных памятников, источник византийского права. И он изложил свои взгляды на то, что надо, например, отменить смертную казнь. Поскольку это не наказание, а бессилие судебной системы. В качестве аргументов он выдвигает те же самые резоны, которые приводили юристы Новейшего времени. Повод для отмены смертной казни прежде всего в том, что человек уже не сможет раскаяться. И если была допущена ошибка в следственном деле, а человека уже казнили, то исправить эту ошибку невозможно. Это то, к чему пришла современная правовая культура. Но именно об этом уже в XII веке говорили в Византии!

– А кто из российских императоров более всех интересовался Византией?

– Екатерина Великая мечтала, чтобы Константинополь снова стал православным. Чтобы над Святой Софией вновь возвысился крест. Она случайно назвала внуков Александром и Константином. Одного из них Екатерина Великая планировала посадить на константинопольский престол.

Русские князья не раз помогали византийским правителям, неоднократно отправляли на помощь войска. Уже после падения Константинополя в 1453 году, когда турки окончательно овладели Византией и Афоном, российские императоры много и часто жертвовали средства афонским монастырям.

Идея вернуть Константинополь, сделать его русским и посадить на его престол представителя династии Романовых постепенно сошла на нет. Собственно, уже при Екатерине II стали возникать сомнения: стоит ли заикливаться на этом? Хотя для Екатерины этот проект не был утопическим, она всерьез размышляла на эту тему. Но одно дело хотеть, другое – мочь. Наконец все осознали невозможность реализации проекта и отказались от него.

– *Екатерина покупала византийские раритеты и всячески способствовала изучению Византии...*

– Изучение византийской цивилизации началось во время правления этой императрицы. Но у нас в России инициаторами изучения византийского наследия были, увы, не столько русские представители науки и культуры, сколько немцы, которые начиная с эпохи Александра I заполнили Академию наук. И они как раз привили мысль о том, что именно русские должны изучать византийскую цивилизацию. Я занимался наследием академика Иоганна Филиппа Круга, которого на русский лад звали Филиппом Ивановичем. Канцлер граф Николай Петрович Румянцев переписывался с Кругом, переписка велась на французском языке. Румянцев хотел, чтобы в России издавались византийские письменные памятники, прежде всего те, которые

имели отношение к истории Руси. Но поскольку эти документы находились за рубежом, он и хотел, чтобы зарубежье работало на русскую культуру. Чтобы изучать Древнюю Русь, надо иметь опубликованные источники. И вот почему я в свое время перешел к изучению переписки Румянцева и Круга, прекратив заниматься Византией как таковой.

Много десятилетий византинистов интересовала «Записка готского топарха», немало было споров о ее происхождении и подлинности. Что это за документ? Это путевые записки византийского топарха, чиновника, который в X веке побывал в низовьях Дона. Имя его не называется. В XIX веке «Записка» якобы была обнаружена в Париже. Где она находится сейчас – неизвестно. «Записку» пытались отыскать многие, в том числе знаменитый византинист Владимир Николаевич

Бенешевич. Мой друг, американский византист Игорь Иванович Шевченко, тоже потратил на это немало времени. А меня история «Записки» привела к изучению архивных материалов, связанных с деятельностью парижской группы, которая по заданию и на средства Румянцева занималась, так сказать, «византийским проектом». Посредником между Румянцевым и французским ученым немецкого происхождения Карлом Бенедиктом Газе как раз и был Круг. Газе издал «Историю» Льва Диакона – крупнейшего византийского автора X века, а также анонимную «Записку готского топарха». Я работал в архивах Академии наук и в отделе рукописей Ленинки. Изучал всю живую историю этих проектов, их задумки, разработки превращения в нечто практическое. Румянцев все время просил Газе искать новые тексты и обещал за это вознаграждение. А от

крывать все время новое непросто. Газе был замечательным ученым, он превосходно знал и древний, и современный греческий язык. Он, как выяснилось, компоновал эти тексты. Игорь Иванович Шевченко и я поставили жирную точку в споре о подделке «Записки готского топарха». Мне удалось выявить литературный источник, которым пользовался Карл Бенедикт Газе. Это сочинение Вольтера «Кандид». Если не брать имена и названия – вся стилистика, мотивация, очень многое в «Записке» из Вольтера. Когда у меня вышла статья об этом, Шевченко был просто в восторге. Он мне даже позвонил и сказал: «Вы спасли мою репутацию». Дело в том, что наследники Газе, коих немало, хотели подать в суд на Шевченко за то, что он оклеветал их предка. Позже у меня вышла вторая статья. Оказалось, Газе хотел сотворить еще одну подделку, чтобы

удовлетворить интересы графа Румянцева. Газе даже одному своему приятелю писал: мол, эти петрополитане черт знает что вытворяют, им только подавай все, что касается Древней Руси. Откуда я им возьму...

К примеру, Румянцев спрашивает у Газе, почему в источниках не находится сведений о крымском Судак. Газе садится и сочиняет очередную подделку. Я ее даже «раскусил»: это письмо XII века некоего Максима Катилианоса, который отправился в плавание по Черному морю, попал в шторм и чуть не погиб. И вот он высадился на крымском берегу и попал в одно городище. А это и был Судак. Игорь Иванович Шевченко стал разыскивать сведения о Катилианосе, заподозрив подделку. Я в тот момент работал в отделе рукописей Публичной библиотеки, просматривал каталог фонда историка и археолога Алексея Николаевича Оленина. А он был связан с Румянцевым и был задействован в проекте по изданию «Истории» Льва Диакона. С Оленина все и началось: к нему обратился Румянцев, Оленин – к Кругу, а тот – к Газе. Я работаю с каталогом Оленина и вижу, что в описи есть письмо какого-то неизвестного Максима Катилианоса. Кем написан текст – непонятно. Я тут же его заказал, мне его приносят. И я вижу, что документ написан на двух языках: письмо Катилианоса на греческом и рядом его латинский перевод. А я к тому времени так начитался в подлиннике писем Карла Бенедикта Газе, что сразу узнал его почерк... В итоге я подготовил публикацию. Шевченко тут же откликнулся на нее и на один день прилетел из Бостона в Париж. Там ему удалось обнаружить рукопись, которая стала источником вдохновения Газе. Выяснилось, что письмо Катилианоса основано на одной из речей византийского писателя Иоанна Евгеника, брата Марка Евгеника – известного участника Флорентийского собора. Текст Иоанна был издан Ламбросом в 1912 году. Речь представляет собой благодарения Христу за спасение от бури во время плавания из Венеции в Константинополь в 1438 году.

Постепенно я стал заниматься историей отечественной византистики. Отчасти меня к этому склонили и Евгения Эдуардовна Гранстрем, которая хранила греческие рукописи в Публичной библиотеке. Я стал исследовать архивы византистов. Так появились три больших тома по истории византистики.

– *Вы считаетесь лучшим специалистом по истории византистики. В свое время много бурных обсуждений вызвала ваша книга «Петербургское византиноведение», где вы опубликовали и интересные архивные данные – стенограммы «проработок» ученых в сталинское время. Вы сейчас продолжаете заниматься этой темой?*

– Уже в 1870-е годы византистика стала той областью гуманитарных знаний, в которой

Россия вышла на мировой уровень, приобрела свою систему координат в науке, добилась общезначимых результатов. С этим считались европейские ученые. Например, в письме Владимиру Бенешевичу нашу византистику назвал «великой» один из корифеев в этой области – Франц Дельгер. Очаги византиноведения были в университетских городах, но особая школа сложилась в Петербурге. Здесь в 1894 году начал выходить академический периодический сборник «Византийский временник». Петербургская школа византистики приобрела особый размах. Один из самых авторитетных и значительных византистов, Василий Васильевский, был главой петербургской византиноведческой школы. К его ученикам примкнули некоторые выпускники Духовной академии и юридического факультета университета. Владимир Бенешевич, кстати, окончил именно юридический факультет. Бенешевич, конечно, выдающийся ученый, он объехал почти весь мир, работал с рукописными коллекциями во многих странах, выявлял неизданное, составлял каталоги. В частности, и по каноническому праву. Он издал и «Номоканон в 14 титулах». Тридцать лет он занимался археографической деятельностью, подготовил и продумал многотомное издание корпуса источников византийского права. Проект не был осуществлен по не зависящим от ученого причинам. Это было уже в 1920-х годах. У него были тесные связи с византистами Ватикана, которые присылали ему копии рукописей. И органы не могли не обратить на это внимания. За ним стали наблюдать.

Фатальным для византистики стал 1928 год. В Академии наук Владимира Бенешевича хотели избрать академиком, но в 1928 году его арестовали, обвинили в связях с Ватиканом и отправили в лагерь на Соловки. Потом было «академическое дело» – сфабрикованный политический процесс. Пострадало немало византистов. В 1936 году, вернувшись из ссылки, умер известный историк, специалист по русскому Средневековью Николай Петрович Лихачев. Владимира Бенешевича расстреляли в 1938-м.

В начале 1960-х я, тогда молодой аспирант, занимался в рукописном отделе Публичной библиотеки. И Евгения Эдуардовна Гранстрем, которая там работала, указала на скромную пожилую женщину, посоветовала мне подойти к ней. Сказала, что это может быть полезное знакомство. Это была вдова Владимира Бенешевича Людмила Фаддеевна, в семье ее звали Аматой. Я по своей молодой дурости не подошел, о чем потом, конечно, пожалел. У Аматы был расстрелян не только муж, но и оба сына, она сама была в ссылке. Вернувшись в Ленинград, преподавала латынь. В конце жизни она составила библиографию трудов своего мужа. Сейчас я готовлю новое издание – уже скоро в Москве должна выйти моя большая книга о Владимире Бенешевиче. ■

ЗИЯЮЩИЕ ПУСТОТЫ

БЕСЕДОВАЛА

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ИХ ВОРОВАЛИ И ВЫВОЗИЛИ, ОНИ ПЕРЕЖИЛИ ЭВАКУАЦИЮ И ОККУПАЦИЮ. МНОГИЕ ИЗ НИХ ПОГИБЛИ, КТО-ТО, БЛАГОДАРЯ ВЫСОЧАЙШЕМУ МУЖЕСТВУ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМУ СПАСАВШИХ ИХ, ВЫЖИЛ. ОНИ – КАМНИ, ДЕРЕВО, ХОЛСТЫ, НО МЫ СКОРБИМ ОБ ИХ ПОТЕРЕ И РАДУЕМСЯ ИХ ПРИСУТСТВИЮ. НЕ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ОНИ БЕСЦЕННЫ И ПРЕКРАСНЫ. ОНИ – ХРАНИТЕЛИ НАШЕГО КУЛЬТУРНОГО КОДА. ЦЕРКОВЬ СПАСА НА НЕРЕДИЦЕ И БОЛЬШОЙ ГАТЧИНСКИЙ ДВОРЕЦ, СОФИЙСКИЙ СОБОР ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА И ЗОЛОТОЙ САМСОН ПЕТЕРГОФСКИХ ФОНТАНОВ, НОВО-ИЕРУСАЛИМСКИЙ МОНАСТЫРЬ И АГАТОВЫЕ КОМНАТЫ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ДВОРЦА – И ЕЩЕ БОЛЕЕ МИЛЛИОНА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ, НАВСЕГДА ИЛИ ЧАСТИЧНО УТРАЧЕННЫХ РОССИЕЙ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ТОЧНАЯ ЦИФРА ЭТИХ ПОТЕРЬ ДО СИХ ПОР НЕ ОПРЕДЕЛЕНА.

ПЕРВУЮ ПОПЫТКУ ОБОБЩИТЬ МАСШТАБ разрушений в области культурных ценностей предприняла Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК), созданная в ноябре 1942 года для сбора данных о злодеяниях гитлеровских захватчиков. Комиссия установила размер материального ущерба, нанесенного 64 особо ценным из 427 пострадавших советских музеев, а также 4 тысячам библиотек и архивов 19 областей. Уже тогда было очевидно, что этот список – неполный. Но даже приведенные в нем данные потерь свидетельствуют о культурной катастрофе, пережитой нашей страной. «В Екатерининском дворце Царского Села числились по описям 42 172 предмета, утрачен 30 151 предмет. В царскосельском Александровском дворце из 30 382 предметов утрачено 22 628», – цифры сухо описывают масштаб грабежа.

Самые последние сведения о потерях собрал коллектив специалистов Министерства культуры РФ. Перечень утраченных Россией культурных ценностей представлен в каталоге, изданном в 18 томах и 50 книгах. Издание перечисляет утраты 9 областей, культурным ценностям которых война причинила особенно большой ущерб. Список насчитывает 1 177 291 единицу хранения.

Но и этот перечень специалисты считают неполным. Поиски и уточнения продолжаются.

Среди регионов, более других пострадавших от нацистского варварства, был Северо-Запад России. Каков характер культурных потерь этой территории? Как вывозили мировые шедевры из Советского Союза и как потом искали? Какие утраты невосполнимы и где еще сохраняется надежда на чудо? Об этом рассказывает ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук Борис Ковалев.

– Прежде чем разбираться в характере потерь, понесенных нашей страной, давайте определим их базовую причину – оккупационную политику гитлеровцев в отношении культурных ценностей Советского Союза. Какой она была и как вписывалась в общую идеологию нацизма?

– «Идеология» – точное слово. Есть общие принципы завоевателей, которыми они руководствуются на контролируемых пространствах. Разрушая древние храмы и прекрасные дворцы, оскверняя памятные места и вывозя национальные шедевры, захватчики стремятся уничтожить историческую память покоряемого ими народа, размывают его национальное самосознание. «Войну на востоке»

нацистские идеологи рассматривали как столкновение цивилизаций, как очистительный поход высшей расы по изгнанию «недочеловеков» с занимаемой ими земли. В этих условиях любой ценный объект на оккупированной территории, в том числе в области культуры, рассматривался как трофей. Причем трофей особого свойства. Это был не просто боевой трофей, завоеванный ценой «жертв, которые понесли Германия и ее союзники». Этот трофей должен был доказывать прежде всего самим немецким солдатам, что их усилия оправданны, а цели – высоки. Поэтому помимо банального обогащения за счет присвоения шедевров мирового уровня идеологи нацизма настаивали: в культурных ценностях оккупированной ими страны надо искать доказательства величия немецкого духа и цивилизаторской миссии арийской расы.

– Реализовывать этот план должны были две организации – Аненербе и так называемый Оперативный штаб Z?

– Планы нацистов по сбору и изъятию объектов культурного наследия русской цивилизации доказывают, насколько серьезно и профессионально они готовились к войне против Советского Союза. К этому далеко не самому главному в условиях

боевых действий направлению было приковано пристальное внимание. Еще до вторжения на территорию СССР все материальные ценности русской цивилизации, которые могли представлять интерес для будущего Германии, были взяты нацистами на карандаш. С этой целью в июле 1940 года был создан так называемый Оперативный штаб Z, возглавил который Альфред Розенберг. Уроженец Ревеля и выпускник Московского высшего технического училища, рейхсминистр восточных оккупированных территорий, автор ключевого для нацизма понятия «расовая теория», один из главных гитлеровских преступников, казненных по решению Международного военного трибунала в Нюрнберге, – Розенберг был знаковой фигурой. Он отвечал за «общее духовное и мировоззренческое воспитание» членов нацистской партии. Именно в ключе подобной идеологической работы и стоит рассматривать деятельность его штаба. На территории Советского Союза Оперативный штаб Z занимался конфискацией книг, архивных документов и материалов большевистской пропаганды. При нем работали особые группы, которые изымали документы и артефакты, имеющие отношение к разным областям науки, древней истории, фольклористике, генеалогии, музыке,

а также архитектуре, изобразительному и декоративно-прикладному искусству. Филиалы штаба действовали практически во всех крупных оккупированных городах СССР.

– *Какие артефакты представляли для штаба Розенберга особый интерес?*

– Прежде всего штаб искал все, что в действительности или вымышленно было связано с немецкой культурой. И Северо-Запад России – Новгород, Псков, окрестности Петербурга наряду с Прибалтикой и Крымом – занимал в подобных поисках особое место. Эти земли рассматривались как традиционно германизированные, где можно было найти немало объектов, имеющих прямое отношение к немецкой культуре. Найденные художественные и исторические ценности, по мнению нацистских идеологов, подтверждали, что территории русского Северо-Запада – исконно немецкие или же находившиеся под влиянием немецкой культуры земли.

Важной составляющей работы с солдатом вермахта Розенберг считал просвещение. Немецкому солдату нужно доказать, что он находится на самом важном участке фронта, полагал идеолог нацизма. Например, во время оккупации Пскова

немецких солдат регулярно водили на экскурсии в краеведческий музей – они должны были осознать, на какую древнюю землю несут освобождение и сколь велика их цивилизаторская миссия. Отделы пропаганды вермахта выпускали для офицеров и рядовых путеводители по оккупированным русским городам. Гид, посвященный Новгороду, назывался «Новгород – восточный столп немецкой Ганзы». Гитлеровская пропаганда всячески подчеркивала: Новгород процветал, пока не был захвачен в XV веке «московитом» Иваном III. С московским царем на эту землю пришла еще и так называемая «ересь жидовствующих» – группа разнородных религиозных движений, не признававших божественной природы Иисуса Христа и следовавших в религиозной практике отдельным элементам иудаизма. Таким образом, гитлеровцы использовали историю Новгорода не только для антимосковской, но и для антисемитской пропаганды.

– *Почему именно Северо-Запад России понес такие катастрофические потери культурных ценностей?*

– Великий Новгород – единственный из крупных городов средневековой Руси, который избежал

разграбления во время монгольского нашествия XIII века. На Новгородской земле сохранилось немало архитектурных памятников домонгольской эпохи – всего около полутора десятков веками существовавших национальных христианских святынь, богатых монастырей и храмов. Вторая особенность Северо-Запада России определилась строительством Петербурга. С XVIII века вокруг императорской столицы концентрируются самые богатые и пышные дворцы. Архитектурные ансамбли Царского Села, Петергофа, Павловска, Гатчины формировались именно так. К тому же значительная часть дворянских усадеб вокруг Петербурга была построена во времена Екатерины II, немки по национальности, что придавало хранившимся там художественным объектам еще большую ценность в глазах гитлеровцев.

– В каком состоянии находилось все это богатство накануне 1941 года?

– В 1917–1921 годах, пережив национализацию, многие дворянские усадьбы превратились в музеи. Некоторые из них были уже разграблены, но немалой части посчастливилось – создание в них выставочных экспозиций позволило сохранить наиболее значимые коллекции. Создавая музеи дворянского быта, музейщики пытались спасти остатки аутентичной обстановки и подлинных вещей. Однако к 1929 году большинство «музеев дворянского быта» ликвидировали как идеологически вредные. Усадьбы вновь обрели хозяйственное назначение. При этом проходила вторая волна изъятия собственности. Вывозили всё – мебель, посуду, гардины, мебель, паркет. К началу 1930-х музеи в основном закрылись за ненадобностью, а в имениях расположились школы, клубы, дома отдыха, административные помещения. В то же время передача дворянских усадеб под разнообразные советские конторы, дома отдыха и дворцы пионеров позволила сохранить если не их интерьеры, то здания. Наиболее ценные экспонаты концентрировались в запасниках и экспозициях областных музеев – факт, который сыграет немаловажную роль в судьбе этих коллекций в годы войны. Отметим еще одну особенность ценностей, перемещенных из дворянских усадеб. Многие из них не попали в описи. К началу 1930-х годов музейная отрасль испытывала острый недостаток специалистов. Многие музейные сотрудники, имевшие неправильное «классовое происхождение», попали под репрессии или лишились работы. Это тоже аукнется в военные годы.

– Вторым типом архитектурных объектов, особо пострадавших во время Великой Отечественной, были церкви, храмы, монастыри. В каком состоянии они находились к июню 1941 года?

– В предельно запущенном. К счастью, в провинции, в отличие от Москвы, их уничтожали реже, чаще использовали для хозяйственных нужд. Наиболее выдающиеся образцы церковной

архитектуры были переделаны в музеи. Что такое Софийский собор в Новгороде накануне войны? Антирелигиозный музей. В 1928 году новгородский окрисполком предложил: «В целях повышения культурного уровня трудящихся передать Иерусалимский собор под центральную библиотеку, Дмитриевскую церковь – под клуб завода им. Халтурина, Власьевскую – под клуб сезонников, Фрола и Лавра – под клуб строителей, часовню Чудного Креста – редакции газеты «Звезда», Антониевскую церковь – под мастерские Дома юношества». Очень много артефактов древнерусского искусства, которые сегодня для нас представляли бы наибольшую ценность – иконы, церковная утварь, – тогда воспринимались «пережитком прошлого», лежали в запасниках и толком не инвентаризировались.

– Последние в этой триаде будущих культурных потерь – собственно музеи. Художественные, этнографические, исторические, литературные.

– Когда гитлеровцы оккупируют русские города и получают доступ к музейным экспонатам, уникальные артефакты будут тотально вывозиться. Предельная концентрация вещей, изъятых из дворянских усадеб, в данном случае окажется роковой. Так, например, произойдет с вывезенными и впоследствии утерянными полотнами Рубенса и Ватто из Новгородского музея, которые попали в экспозицию из коллекции усадьбы Выбиты князей Васильчиковых.

– Еще одной особенностью северо-западных территорий, определившей масштабы бедствия, была стремительность немецкого наступления.

– У Новгорода был месяц, чтобы хоть что-то спасти. Псков был захвачен через три недели после начала войны – 9 июля 1941 года. Официальная советская пропаганда еще утверждала, что «будем малой кровью воевать на чужой территории». При этом об эвакуации, в том числе музеев, даже запрещали говорить – это «вредительство, трусость и паникерство».

Из всех музеев европейской части СССР только Эрмитаж имел эвакуационный план, который был разработан еще до войны с Германией в качестве страховки при неблагоприятном исходе финской кампании. Таким образом, даже при желании эвакуировать Псковский музей было невозможно. А в спешно эвакуирующемся Новгороде действует установленная военным временем шкала приоритетов. В первую очередь из города вывозят промышленные предприятия. Кто же даст 10 вагонов под холсты и черепки? Ящики с ювелирными украшениями и церковными окладами, известнейшие экспонаты из ризницы Софийского собора вывезены в первую очередь. А древнерусские иконы, картинную галерею, экспонаты исторического отдела, антикварную мебель старинных усадеб сотрудники музея лишь успевают подготовить к отправке в Вятку. В по-

следнем уходящем из Новгорода поезде музею выделяют всего два вагона. Большая часть экспонатов так и не была вывезена.

– История эвакуации культурных ценностей знает и случаи подлости, и примеры профессиональной самоотверженности музейных работников. Ослабевшие от голода сотрудники Эрмитажа в блокаду не покидают здания, чтобы гасить зажигательные бомбы. А сопровождающий передвижную выставку Русского музея в Ялте, завидев немцев, бросает бесценные экспонаты на произвол судьбы. Новгород тоже знал подобные примеры?

– В истории новгородской археологии есть два известных имени – Николай Порфиридов и Василий Пономарев. Николай Григорьевич Порфиридов в 1918 году возглавил Управление новгородских губернских музеев. Его стараниями в 1920-м открыли первую в Новгороде экспозицию древних икон. Он много сделал для сохранения и постановки на учет наиболее ценных экспонатов. В 1933 году Порфиридов проходил по так называемому «делу Новгородского музея». Сотрудники губернского музея проводили огромную работу по спасению архитектурных и художественных ценностей Новгорода, что потом им и вменили в вину. Музей объявили «базой контрреволюционной организации «Российское студенческое христианское движение». По мнению чекистов, контрреволюционная деятельность выражалась в «выдаче охранной грамоты Церкви и помещичьим усадьбам под предлогом, что они имеют историко-художественную ценность, дабы сохранить их... рассчитывая на реставрацию монархического строя». Порфиридов был приговорен к пяти годам лагерей, отбыв наказание, вновь вернулся к работе, и в 1941 году самые ценные экспонаты новгородских музеев отправляются в эвакуацию при его деятельном участии.

По тому же делу был осужден и его коллега, заведующий Новгородским антирелигиозным музеем Василий Пономарев. Он также отсидел пять лет и также к началу войны оказался в Новгороде. В то время как Порфиридов последним эшеленом уезжал в советский тыл, увозя в эвакуацию новгородские древности, Пономарев принял предложение оккупантов стать бургомистром города, а потом до 1944 года руководил археологическими раскопками в Пскове. Заодно помогал немецким офицерам составлять посылки в тыл с экспонатами Псковского музея. Фигура Пономарева оценивается новгородскими историками неоднозначно. Одни защищают его, утверждая, что таким образом он пытался защитить музеи Пскова от серьезных разграблений, другие считают приспособленцем и предателем.

То, что Пономарев остался жив, советским ученым стало известно в 1955 году на международном форуме историков в Риме, куда он приехал в составе германской делегации. Там его узнал известный новгородский археолог Артемий Владимирович Арциховский. И не подал ему руки.

– Самая громкая история спасения культурных ценностей Новгорода это, конечно, эвакуация Магдебургских врат Софийского собора.

– Произошло чудо. Еще в 1940-м в Новгородский кремль приезжал сотрудник германского посольства в Москве и детально отснял этот шедевр XII века, захваченный, по преданию, новгородцами в качестве трофея. Немцы вошли в Новгород 15 августа 1941 года. За считанные дни сотрудники музея демонтировали многокилограммовые бронзовые ворота. Их удалось упаковать, погрузить на баржу и проскочить под налетом немецкой авиации в тыл. Это тоже было чудом, ведь следующая баржа с детьми, женщинами и ранеными была безжалостно затоплена фашистскими бомбардировщиками.

Когда немцы осознали, что знаменитая новгородская реликвия уплыла у них из-под носа, с ними случилась истерика. По городу поползли слухи, что на самом деле Магдебургские врата остались в Новгороде, их закопали где-то под крепостными стенами. Представители Оперативного штаба З пошли на поклон к презираемым ими костоломам из нацистской контрразведки – Абвера. Там, по личному ходатайству Розенберга, создали специальную группу во главе с опытным агентом Заниным. И Занин через свою агентуру пытался выяснить, где же большевики спрятали Магдебургские врата.

– Ряд ценных артефактов – статуи, интерьеры, барельефы – эвакуировать было просто невозможно. Как спасали эти произведения искусства?

– Все, что могли сделать оставшиеся на месте сотрудники музея, – это попытаться спрятать иконы. Но в Пскове даже это было невозможно из-за стремительности немецкой атаки. А вот в пригородных усадьбах Ленинграда организуют множество схронов. Из Петергофа в Новосибирск и Удмуртию удалось эвакуировать лишь около 14 тысяч предметов искусства. Еще часть скульптур паркового ансамбля получилось спрятать на Товарной станции Московского вокзала и в Исаакиевском соборе Ленинграда. Оставшиеся скульптуры сотрудники музея закапывали в ящиках прямо в парке, а бронзовые статуи прятали в тоннеле фонтана Большой каскад. Готовили к бомбежкам и сами дворцы: заклеивали окна, засыпали песком паркетные полы, заклеивали панно на стенах.

К сожалению, важным фактором, усугубившим культурные потери на этой территории, было время оккупации. Это в Истру и Тверь немцы пришли на один-два месяца – впрочем, хватило и этого. Псков был оккупирован более трех лет, Новгород – два с половиной года. Города Северо-Запада России можно было грабить с толком, чувством, расстановкой. Красноречивее всего цифры, хорошо известные историкам: педанты-немцы все скрупулезно фиксировали. Только за первый год войны из СССР через Прибалтику и Восточную

Пруссию было отправлено около 40 вагонов, груженных произведениями искусства. В 1943 году Оперативный штаб Розенберга на территории СССР провел акций по изъятию культурных ценностей: 375 – в архивах; 402 – в музеях; 531 – в институтах; 957 – в библиотеках. 427 музеев было полностью разграблено. Только из дворцов Ленинграда было вывезено более 9 тысяч картин, в том числе Репин, Айвазовский, Крамской, Рембрандт, более 2 тысяч произведений графики, более 3 тысяч икон, свыше 30 тысяч предметов прикладного искусства, более 150 тысяч предметов мебели, фарфора, хрусталя, скульптуры и бронзы. После войны в Советский Союз вернулось более 500 тысяч музейных экспонатов, но 70 тысяч все еще не возвращено.

– *Нацистская пропаганда пыталась представить Новгород как германскую зону влияния. Не умеряли ли, хотя бы немного, эти просветительские попытки того варварства, с которым оккупанты относились к русским святыням?*

– Ни на грамм. Дмитрий Сергеевич Лихачев, описывая свой первый приезд в Новгород после его освобождения, фиксирует факты варварских надругательств над новгородскими святынями:

«На стенах лестницы Георгиевского собора охотнее до искусства испанцы рисовали голых баб – прямо по остаткам фресок XII века...» В усадьбе Пушкина Михайловском немцы вначале демонстрировали свое уважение к «великому русскому поэту», а при отступлении все заминировали, включая могилу поэта. И несколько наших саперов погибли при ее разминировании.

– *Наряду с грабежом, организованным нацистским государством, существовал и личный грабеж. Насколько был велик его масштаб?*

– Он был поставлен немцами и их союзниками на широкую ногу. У испанцев считалось неприличным возвращаться домой без прихваченной в русских церквях иконы Святого Николая. Судьба Псковского музея была в этом смысле особенно трагичной. Немецкие офицеры туда ходили на экскурсии – выбирать экспонаты на сувениры. О размахе частных грабежей говорит такой факт. В 2012 году в Тверской музей из Германии вернулось более 800 археологических артефактов, которые немецкий офицер отправил семье в посылках. А единственную обнаруженную панель бесследно исчезнувшей Янтарной комнаты вывез в своем рюкзаке немецкий унтер-офицер.

– С 1941 по 1944 год множество памятников древнерусского зодчества оказалось на линии фронта...

– Некоторые новорожденные «историки» пытаются доказать, что «гадкие красноармейцы» специально стреляли по Павловскому дворцу и Софийскому собору. Лживые мерзавцы! Это была редчайшая, крайняя, вынужденная мера. Вот как пишет об этом все тот же авторитетнейший очевидец – Дмитрий Сергеевич Лихачев. В одной из фронтовых газет он прочитал, что линия обороны под Новгородом проходила по тем высотам, где стояли знаменитые храмы домонгольской эпохи. И, вернувшись сразу после освобождения в Новгород, он воочию убеждается в чудовищных потерях. «Наша артиллерия не обстреливала новгородские церкви (был дан специальный приказ), – отмечает Лихачев. – Немцы пользовались этим и устраивали в верхних точках исторических памятников наблюдательные и корректировочные пункты. В церкви Спаса на Ильине улице наблюдательный пункт был особенно опасен для наших войск, наступавших с востока. Был выпущен по наблюдательному пункту один-единственный снаряд, но, увы, он повредил в месте попадания фрески Феофана Грека». Тут Дмитрий Сергеевич отме-

чает несопоставимый характер этих редких ударов с теми разрушениями, которые нанесли европейским памятникам архитектуры союзники, и вспоминает бомбардировку Милана американской авиацией, когда был разрушен монастырь Санта Мария делле Грацие, а «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи «сохранилась только каким-то чудом».

Некоторые выдающиеся памятники архитектуры – Кириллов монастырь, Новгородский кремль, пригородные дворцы Ленинграда – находились непосредственно на линии огня. Кириллов монастырь был заложен на острове Селезневе в XII веке. В XVIII столетии туда перенесли мощи святого преподобного Арсения Новгородского. В августе 1941 года немецкие войска превратили монастырь в оборонительное сооружение. Нашим солдатам пришлось выбивать их оттуда с большими потерями. Сегодня на месте монастыря осталось поросшее кустами поле.

Говоря о потерях русского Северо-Запада, невозможно не вспомнить храм Спаса на Нередице – выдающееся произведение древнерусского искусства. Его гениальные фрески были образцами средневековой живописи мирового уровня. Храм был построен в 1198 году на правом

берегу реки Малый Волховец. Фрески Нередицы считались самым ценным памятником новгородской монументальной живописи XII века. Осенью 1941 года при отступлении Красная армия заняла оборону по руслу реки Волховец. Противостояние двух сил продолжалось около полутора лет, в течение которых древний храм на линии обороны был превращен в дот и подвергался регулярному артиллерийскому обстрелу. В результате он был практически полностью разрушен. Уцелели лишь те части здания, которые оказались под завалами рухнувшего купола, сводов и верхних стен. Погибла практически вся роспись храма.

– *Когда после войны стал понятен характер потерь? Что было решено восстанавливать в первую очередь, когда новгородцы вернулись в свой город?*

– Первые эвакуированные вернулись в Новгород весной 1944 года. Дмитрий Сергеевич Лихачев с присущим ему литературным даром зафиксировал весь трагизм этого возвращения. «В Новгород я приехал утром, – вспоминает он. – Поезд остановился в поле. Поле это и был Новгород... Прибыл состав, это были семьи бывших новгородцев. Боже, какой поднялся плач, когда люди увидели, что долго мечтаемый ими Новгород не существует. Это был плач, который надо было записать. «Новгород ты наш распрекрасный, что же с тобою сделали? Что же от тебя осталось?»... Плакал весь поезд красных товарных вагонов, плакали дети; женщины ничком бросались на землю...». И далее Лихачев представляет нам картины стертого с лица земли древнего города, показывающие степень разрухи: «Земляной вал на Софийской стороне был весь изрыт траншеями и немецкими блиндажами. Люди в них жили... Улиц не было заметно. Они поросли травой, довольно высокой для мая месяца, камнем одной из церквей была вымощена на Софийской стороне улица».

Сразу же после освобождения города в храм Спаса на Нередице в августе 1944 года была направлена экспедиция видного археолога Михаила Константиновича Каргера. В конце 1960-х была предпринята первая попытка реставрации руинированной живописи группой под научным руководством супругов Александра и Валентины Грековых. Семьдесят лет они по кусочкам собирали фрески! В результате этого профессионального подвига часть утраченных шедевров удалось восстановить.

– *Как ведется работа по поиску и возвращению пропавших культурных ценностей?*

– Легче всего искать и возвращать то, что было украдено на уровне государства. По немецким описям можно проследить путь украденных ценностей – Новгород, Псков, Рига, далее – Австрия и Западная Германия. В течение нескольких лет

после Победы эти экспонаты вернулись. Например, средневековые иконы новгородского Софийского собора после войны вернулись в Советский Союз с немецкими пометками. Нам несказанно повезло: по этим пометкам видно, что иконы, в отличие от западноевропейской живописи, не очень заинтересовали господ военных.

В России возвращением культурных ценностей занимается Министерство культуры. В Германии есть несколько организаций, содействующих этому процессу. Однако отыскать ценности, оказавшиеся в частных руках, а тем более доказать их принадлежность российским музеям, практически невозможно. Остается лишь призывать к чувствам и эмоциям обладателей ворованных ценностей.

В 2019 году в Новгородском музее прошла выставка «Музей и война. Судьба коллекций», где были представлены ценности, вывезенные из Советского Союза. Они оказались на Западе в разных частных коллекциях, а затем были возвращены. Но это лишь вершина айсберга. Подавляющее количество украденных вещей продолжает храниться в семейных коллекциях. И даже когда вывезенные из российских музеев вещи всплывают на антикварных аукционах, доказать их происхождение почти невозможно. Правда, иногда бывают люди, готовые выкупить подобный лот и вернуть его уже от себя лично в тот самый музей, из которого эту вещь когда-то украл.

– *Часть экспонатов осела и в США?*

– Представьте, что муж некой Марты убит под Ленинградом, его семья находится в американской зоне оккупации. Есть хочется. И какая-то присланная мужем «картинка» выменивается у американского солдата на тушенку. Первые послевоенные годы Германия жила плохо, и немцы спасались этими военными трофеями. Таким образом значительная часть русского культурного наследия перемещается в США. Доказать факт кражи и тогда, и сейчас невероятно трудно. Но хуже всего были кражи «господ офицеров». Им позволялось брать ценные вещи, а проследить путь посылки от музея до адресата невозможно. Таких эпизодов было очень много.

– *Можем ли мы сегодня оценить масштаб потерь в культурной памяти страны из-за последствий войны?*

– Мы никогда не сможем объективно оценить, что потеряли, потому что ни тогда, ни сейчас не знаем объемов этих потерь. Остается разве что верить в чудо, как в истории с возвращением креста Софийского собора. Сколько лет на самом высоком уровне искали Янтарную комнату, а пришлось все равно сделать новую. Но пока пропавший экспонат не занесен в регистр безвозвратных потерь, остается надежда: когда-нибудь он вернется на родину.

ПУТЬ ТАНКИСТА

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

НА КАНАДСКОМ «ВАЛЕНТАЙНЕ» И АМЕРИКАНСКОМ «ШЕРМАНЕ» – ТАНКАХ, ПОСТАВЛЕННЫХ В СССР ПО ЛЕНД-ЛИЗУ, – МЕХАНИК-ВОДИТЕЛЬ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВ ОСВОБОЖДАЛ СМОЛЕНСК, КИЕВ, БУДАПЕШТ, БУХАРЕСТ, ВЕНУ, ПРАГУ И МАНЬЧЖУРИЮ. ВОЙНУ ЗАКОНЧИЛ В ПОРТ-АРТУРЕ. 9-Й ГВАРДЕЙСКИЙ МЕХАНИЗИРОВАННЫЙ КОРПУС, В КОТОРОМ ВОЕВАЛ СЕРГЕЕВ, ВСЮ ВОЙНУ ПРОШЕЛ НА ТАНКАХ-«ИНОМАРКАХ».

...В О ВРЕМЯ ОДНО-го из построе-ний капитан Зем-линский сказал курсантам: «Все, братцы, отучи-лись. Завтра на фронт». На станции Мятлево молодых танкистов уже ждали канад-ские танки «валентайн». О том, что придется стать водителем иностранной боевой машины, 19-летний Алексей Сергеев и представить не мог. Дома, в деревне, Алексей сначала пас коров. После седьмого класса пошел учиться на тракториста и комбайнера. Успел немного по-работать в поле. А в августе 1942 года был призван в пехотный полк в Арзамасе. Оттуда его пере-вели в Горький – в техническую школу, которая находилась ря-дом со знаменитым Горьковским автозаводом. Здесь ему предстоя-ло стать танкистом.

Фотографии мужа Татьяна Михайловна знала наизусть, но рассматривала так, будто видела в первый раз

«ВАЛЕНТАЙН» И «ЭМЧА»

В школе учили управлять отечественными танками, работавшими на бензине, а иностранные машины работали на дизтопливе. Переучиваться не дали. Бросили на передовую в Калужской области. Там, на станции Мятлево, в июне 1943 года и состоялось боевое крещение Сергеева, попавшего под вражескую бомбардировку. Он с товарищами только что поделил на четыре части выданный кирпич хлеба. Только собрался чаю пригубить, как налетела четверка «юнкеров». Едва успели спрятаться в укрытии, вырытом для новеньких танков... Алексей Дмитриевич раскладывает перед нами на столе старые пожелтевшие фотографии и благодарности от командования, которые его жена, Татьяна Михайловна, достала из комода. Осторожно разглаживает

их и рассказывает, что на своем первом «валентайне» освобождал Спас-Деменск, потом большое село Стодолище, затем Смоленск. На нем же въехал в Белоруссию. Во время Оршанской наступательной операции 9-й механизированный корпус потерял много танков. Вот и «валентайн», на котором бился экипаж Сергеева, не уцелел. Бол-

По этим удостоверениям можно проследить весь боевой путь танкиста Сергеева

ванка (сплошной бронебойный снаряд) попала в колесо. «Валентайн» завалился на бок, экипажу пришлось бросить машину.

Остатки танкового батальона отправили на базу в подмосковную Кубинку. Здесь они и познакомились с новыми машинами – американскими «шерманами» модификации М4А2, которые советские танкисты называли «эмча». Пересел Сергеев с одной «иномарки» на другую. С «шерманом» он освобождал не только родную землю, но и Европу и Дальний Восток. Алексей Дмитриевич вспоминает, как на этом танке преодолел понтонный мост через Днепр и прогремел по Крещатику. Как участвовал в боях за Белую Церковь.

– Я почему так точно могу рассказать про войну с немцами и про войну с японцами? В школу часто зовут выступать, научился рассказывать складно. Жена в шутку зовет меня свадебным генералом, – смеется Алексей Дмитриевич.

В школу ветеран ходит выступать без медалей. Жена дала медали и ордена ребятишкам, а они их потеряли. Документы на награды остались, но восстанавливать их Сергеевы не стали. Зачем они им в деревне, где Сергеевы прожили всю жизнь?

ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ

Участие 9-го корпуса в Корсунь-Шевченковской операции запомнилось Сергееву особо. Дороги раскисли и стали непроходимыми. Снаряды и топливо для танков подвезти было невозможно. День и ночь по длинной цепочке передавали люди из рук в руки снаряды и канистры с топливом. А когда во время продвижения по полям наткнулись на большой ров, загнали в него пару танков и по ним проехали как по мосту. После освобождения города Умани танковое подразделение Сергеева вышло к Днестру. Переправились через реку, заняли город Сороки. Ветеран говорит, что запомнилась операция на Днестре большим числом плененных немцев.

«Шерман» Сергееву нравился, он вспоминает о нем с теплотой. И даже признается, что опасался: вдруг его пересадят на тридцать-четверку? У «шермана» и скорость выше, и сам танк был комфортабельнее, объясняет Алексей Дмитриевич. Вспоминает, как делали омлет из яичного порошка из бортпайка, в который входили еще колбаса, чай, гречневые и пшеничные брикеты. Обменять у пехотинцев продукты из бортпайка на что-нибудь нужное не составляло труда. Но главное, говорит Алексей Дмитриевич, боекомплект. В «шермане» снаряды размещались в «мокрой» укладке на дне танка. То есть снаряды находились в специальных капсулах-трубках, заполненных водой с этиленгликолем. «Мокрая» укладка реже детонировала при попадании в танк снаряда или при пожаре...

Сергеев помнит весь свой экипаж. Командир танка – москвич Тарутин. Наводчик – Кузьма Ледеев из Волгоградской области.

Заряжающий – Василий Лото со станции Узловая Тульской области. А Алексей Дмитриевич – механик-водитель из деревни Алексеевки. Той самой, где доживал свои последние годы знаменитый адмирал Федор Ушаков.

О гибели товарищей на фронте ветеран говорит с трудом. В Калужской области в самом начале службы Сергеева и еще 16 человек отправили рыть яму для боечек с дизтопливом. Яму вырыли, сели передохнуть под елями, и тут из леса вышла группа легкораненых солдат, которые шли с передовой: у кого голова перевязана, у кого голова забинтована. Вдруг налетели немецкие самолеты. Сергеев побежал к яме, чтобы спрятаться, споткнулся, упал, пополз... Бомба попала точно в ту самую яму, которую они выкопали и в которую, как видел Сергеев, успел прыгнуть его товарищ Иван Корсаков. Секунда – и ничего не осталось от Корсакова. Сергеев скатился в ту же яму, повторяя про себя сло-

ва, которые слышал еще в деревне от мужиков, воевавших в Первую мировую: в одну воронку снаряд дважды не падает... Когда он выбрался из ямы и побежал искать своих – ужаснулся. Вокруг – погибшие. Сержант Вронский, который вел их группу, убит. Из 17 танкистов, копавших яму, выжили лишь четверо. Чуть поодаль – полуторка, в кабине – погибшие офицер и солдат-шофер. В кузове – мертвый старшина... Сергеев с товарищами погрузили всех погибших в кузов, привезли в расположение части. У старого дуба вырыли братскую могилу. Устали ее шинелями. Один из погибших, Назаренко, был гармонистом, гармонику с ним и похоронили... На этих словах Алексей Дмитриевич умолкает, отворачивается и утирает слезы.

– Он у меня сентиментальный человек! – приходит на помощь супругу Татьяна Михайловна. – Война в нем живет до сих пор. Все помнит!

Татьяна Михайловна и Алексей Дмитриевич заботились друг о друге всю жизнь

Механик-водитель «шермана» Алексей Сергеев (справа). Снимок сделан после разгрома Квантунской армии в 1945 году

ДОРОГАМИ ЕВРОПЫ

...В юности на летних каникулах Сергеев ходил на пасеку – помогал колхозному пчеловоду. Об этом он рассказал своим товарищам, когда в каком-то саду, где бойцы собирали черешню, был замечен пчелиный рой. Раздобыл Сергеев два ведра, одно наполнил водой, в другое положил черпак. Взобрался на дерево, привязал себя ремнем к ветке и водой на пчел побрызгал, чтобы их успокоить. А потом черпаком пчелиный рой собрал в пустое ведро. Пригодились и пустые минные ящики. Зубилом Сергеев вырубил леток, высыпал пчел в минный ящик, закрыл его и поставил рядом со штабом. В заботах о пчелах прошло две недели, а потом Сергеева предупредили: «Думай, куда пчел девать. Будет артподготовка!» С расставания с пчелами началась для Сергеева знаменитая Ясско-Кишиневская наступательная операция.

– Война, она какая? – грустно продолжает ветеран. – Выколотят людей и технику, жди, когда придут новые. Мы стояли на формировании три месяца. А мед с товарищами слопали. Килограммов семь пчелы тогда успели натаскать. На фронте все бывало...

Во время Ясско-Кишиневской операции Сергеев запомнил монастырь (возможно, монастырь

16 благодарностей от Верховного главнокомандующего Вооруженными силами СССР получил танкист Сергеев за отвагу, мужество и мастерство

Куртя-де-Арджеш. – Прим. авт.). В обители русским танкистам рассказали, что здесь часто бывает мать короля Румынии Михая I – греческая и датская принцесса Елена, которая ухаживала за ранеными и спасала евреев от нацистов.

Алексей Дмитриевич помнит, как население Румынии встречало советские войска, как угощали солдат чем могли. Экипажу Сергеева, например, подарили целую бочку повидла. Танкисты мазали его на хлеб и ели прямо на ходу. Сергеев признается, что вообще во время освобождения Европы в их «шермане» были всегда припрятаны подарки – два ящика шоколадных конфет и два ящика колбасы. И так было в каждом танке бригады.

После Бухареста 9-й гвардейский механизированный корпус вышел к Дунаю. Сергеев помнит, как танки мчались через города, казавшиеся вымершими. На улицах ни души, окна закрыты ставнями. У города Турды столкновение с врагом окончилось неудачно: подразделение потеряло семь танков и немало бойцов. Специальная группа обошла противника, заняла город Дебрецен и ударила по немцам с тыла...

Когда танк шел по узким серпантинам Альпийских гор, Сергеев впервые увидел так близко облака – казалось, протяни руку и коснешься их.

Под венгерским селом Кишкёрёш танкисты попали под вражеский обстрел. Позади «шермана» Сергеева разорвался снаряд, он был ранен в голову и ногу. Из уха шла кровь: была разорвана барабанная перепонка. Медсестра помогла ему добраться до медсанбата, но там Сергеева принять не смогли: после обстрела госпиталь был переполнен тяжелоранеными. Тогда старшина их танковой роты нашел квартиру в селе Кишкёрёш. Сергеев прожил у сельчан месяц, даже научился немного говорить по-венгерски. В итоге узнал, что приютили его в доме, где родился знаменитый венгерский поэт Шандор Петёфи.

Дальше был Будапешт. Подразделение Сергеева вело бои за Буду – западную часть венгерской столицы. Ситуация в городе была ужасной: не работали ни водопровод, ни канализация. Оголодавшие люди проклинали немцев и просили у советских солдат хлеб. Алексей Дмитриевич вспоминает, как танкисты раздавали детям, старикам и женщинам весь паек – до последней крошки... Сергеев готов перечислить названия всех городков Австрии, которые освобождал на своем «шермане». Запомнилась ему центральная площадь Вены, на которой он танцевал с какой-то дамой, поскольку в связи с освобождением столицы Австрии объявили праздник. И все свободные от нарядов и службы бойцы отправились на городскую площадь. Из репродукторов звучали вальсы Штрауса. Сергеев тогда был 21 год, а его даме – не менее 40.

Из Вены механизированный корпус направился в Братиславу. Рядом с городком Зволена танки попали в засаду, немцы обстреляли колонну фаустпатронами. Один из них угодил в «шерман» Сергеева. Танк загорелся. Сергеев выбрался через нижний люк. А заряжающий Василий Лото застрелял в люке. Это была первая и единственная за всю войну потеря в экипаже Сергеева...

После освобождения Братиславы корпус двинулся на Прагу. Когда вступили в чешскую столицу, удивились. Вокруг – множество девушек с цветами, парней с гармошками, целуют, обнимают танкистов, называют «братушками». Откуда-то появились пироги, лепешки, вино.

Союзников-американцев Сергеев впервые увидел на реке Влтаве (левый приток реки Эльбы, ставшей знаменитой благодаря встрече на ней союзных войск, освобождавших Европу. – **Прим. авт.**). Советские и американские солдаты обменивались значками и сувенирами. Среди американцев были и русскоговорящие, так что быстро условились устроить

Вот таким молодым танкистом Сергеев освобождал столицы Европы

совместную вечеринку. Но без спиртного, подчеркивает Алексей Дмитриевич...

9-й гвардейский механизированный корпус воевал и после 9 мая. В окрестностях чешского городка Пршибрама скрывались отказавшиеся капитулировать немецкие подразделения. Правда, сопротивлялись они недолго. Пленных было много, причем некоторые из них неплохо говорили по-русски. Часть из них даже привлекали в качестве шоферов вспомогательной техники.

БРОСОК НА ВОСТОК

Наконец пришел приказ подразделению Сергеева двигаться к Праге. Там его «шерман» вместе с другими танками погрузили в эшелон и отправили на родину. И только через полтора месяца на какой-то станции в Читинской области «шерманы» сгрузили с эшелона и приказали двигаться своим ходом в Соловьевск, в Амурскую область... Сергеев и его товарищи по экипажу уже знали, что им придется сражаться за освобождение Маньчжурии.

– Алексей Дмитриевич, ты помнишь, как из Порт-Артура при-

вез китайский шелк? – спрашивает Татьяна Михайловна.

– Я его в Мукдене купил! И чемодан! – оживляется ветеран, когда супруга напоминает ему о давнем подарке. На что пошел китайский шелк и куда делся чемодан из Мукдена, Сергеевы уже не помнят.

Познакомились супруги в родной деревне Алексея Дмитриевича – Алексеевке, куда молодой ветеринар Татьяна Михайловна приехала в командировку. А он – в отпуск из Порт-Артура. Своей будущей жене Сергеев без устали рассказывал о бескрайних монгольских степях и холодных водах реки Халхин-Гол. И о том, как в занятом войсками монастыре видел странную красавицу в синем платье с золотыми узорами, укачивающую младенца. Кто-то сказал, что ее муж, местный князь, бросил ее и сбежал в Японию из-за наступления советских войск... В августе 1945 года Сергеев все на том же «шермане» уже преодолевал пустыню. Перед броском экипаж решил запастись дополнительной канистрой воды. Приволок ее Кузьма Ледяев, прицепил к танку. А в пустыне обнаружилось, что в канистре вместе с водой были остатки солянки. Досталось тогда Кузьме от товарищей...

Алексей Дмитриевич вспоминает, что когда двигались по Внутренней Монголии, то пыль стояла такая, что ничего не было видно. Сутками шли во мгле. У монгольского города Тунлюа японцы взорвали дамбу, как только увидели приближающуюся колонну советских танков. Вода хлынула на дорогу, пришлось на два дня задержаться. Когда танки вошли в Тунлюа, японцев там уже не было. Получили приказ идти дальше. Причем по железной дороге. Автор книги «Танкист на «иномарке» Дмитрий Лоза, воевавший в том же, 9-м гвардейском механизированном корпусе, описывает этот марш так: «Пришлось одну гусеницу направлять между рельс, а вторую – на гравийную подсыпку шпал. При этом танк

Всю свою скромную трудовую жизнь Сергеевы отдали родному краю

имел большой боковой крен. Вот в таком перекоsobоченном положении под лихорадочную тряску на шпалах пришлось двигаться не одну сотню километров. <...> В 17 часов 19 августа первый батальон, идя головным в колонне части, вышел к полустанку Бахута <...> Неожиданно послышалась команда: «Воздух!» Сергеев помнит этих японских камикадзе. Один из них спикировал на передний танк колонны. Огонь охватил танк, но танкисты успели выбраться из машины. Быстро убрали обломки с полотна, танк домкратами опрокинули в болото, и колонна продолжила движение. Заняли китайский Лобэй. Ветеран вспоминает, что танкисты страдали от жирного мяса, которое ели без хлеба. Его не было. С Филиппин самолеты «дугласы» возили русским танкистам горючее и мешки сухарей, которые экипажи распределяли между собой – по три штуки на брата. Боевые столк-

новения с самураями произошли за Лобэем, где находился японский укрепрайон. Когда советские войска заняли Мукден и Порт-Артур, объявили о капитуляции Японии.

Алексей Дмитриевич вспоминает, как комбат приказал ему собрать бригаду из японцев для очистки «шерманов» от грязи. Организовать бригаду ему взялся помочь русскоговорящий японец из Харбина Исида Якеда. Правда, признается ветеран, когда командир батальона видел, что японцы танки чистят, а экипажи бездельничают, наказывал и ругал своих гвардейцев. Не разрешал он танкистам и на рикшах ездить.

После войны механика-водителя «шермана» пригласили работать мастером производственного обучения в училище Темникова. Позже он стал его директором. Располагалось училище рядом с Темниковом,

в стенах знаменитого Санаксарского монастыря, где находилась могила знаменитого русского адмирала Федора Ушакова. Сколько разговоров провел о его баталиях с учащимися Сергеев! «Мы же не варвары, мы образованные люди!» – повторял он ученикам, которых заставлял за порчей монастырских росписей. А затем добился, чтобы училище из стен монастыря все-таки перевели.

С 1972 года Алексей Дмитриевич стал председателем сельсовета родной деревни Алексеевки Темниковского района. Той самой, в которой доживал свой век после выхода в отставку адмирал Федор Ушаков. Сергеев восстановил пруды, бывшие при адмирале, парк, второе здание школы построил, поставил памятник землякам, ушедшим на фронт. Дождался пяти внуков и пяти правнуков.

Но, увы, до 75-летия Победы над Германией и Японией ветеран не дожид.

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ 1.0

АНДРЕЙ СЕМАШКО

АВТОР

ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ

КОГДА ПУШКИН ТВОРИЛ, ТО МЕНЬШЕ ВСЕГО ДУМАЛ О ТОМ, КАК ОБЛЕГЧИТЬ ЖИЗНЬ СВОИМ БИОГРАФАМ. ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ НЕВОЗМОЖНО ДАЖЕ РАСПОЛОЖИТЬ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ, ПОТОМУ ЧТО В ОДИН И ТОТ ЖЕ ДЕНЬ ОН МОГ ПИСАТЬ СРАЗУ НЕСКОЛЬКО РАЗНОПЛАНОВЫХ ТЕКСТОВ, БРОСАЯ ИХ И ПО ВДОХНОВЕНИЮ ВОЗВРАЩАЯСЬ К НИМ ВНОВЬ.

В БОЛДИНЕ ПУШКИН НАЧИНАЕТ ПИСАТЬ 7 СЕНТЯБРЯ. ОН ПИСАЛ ТО, ЧТО ЕМУ ХОТЕЛОСЬ ПИСАТЬ.

В эту минуту, в этот час. Он мог сесть, точнее, прилечь, поскольку предпочитал работать лежа, и не отрываясь написать многостраничный шедевр. Или, наоборот, не закончить одно четверостишие и переключиться на прозу или публицистику, одновременно оставляя на полях и оборотах листов стихотворные строки, а также портреты, рисунки. Или писать одно произведение годами – как «Онегина». А сколько всего осталось незаконченным... Поэтому отступления от строгой хронологии при изложении болдинских подвигов Пушкина просто неизбежны. И, безусловно, Пушкин был человеком настроения. Это еще мягко сказано. Настроение, в котором Пушкин приехал в Болдино, можно однозначно определить как отвратительное – тоска, тоска. Он тяжело входил в рабочий ритм.

Чтобы заставить себя заняться делом, сперва решил просто дописать и переписать набело (перебелить) начатое еще на Кавказе стихотворение «Делибаш».

Расписавшись, Пушкин тут же выплескивает все копившиеся в нем бешеные эмоции в самом тревожном из

своих шедевров – в «Бесах». Под заглавием припишет «Шалость», «небрежным словом прикрывая жуткость видений». Бушующая метель, сквозь белые хлопья снега стон и плач.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспросветной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне.

Гершензон, вероятно, был недалек от истины, когда писал: «Слишком густо сдвинулась, обступила со всех сторон липкая, темная сущность, загораживала ему жизненный путь,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.С. Пушкин. Автопортрет. 1829 год

Продолжение. Начало см.:
«Русский мир.ru» №10.

по которому он когда-то шел так легко и беззаботно. Он чувствовал себя точно в плену у этой косной стихии; вся эта семья Гончаровых, дедушка, теща, «тетушки, бабушки, сестрицы», московские сплетни о нем, приданое, мучительная мысль о деньгах, раздел Болдина, холера – хватали его цепкими когтями, дразнили красными языками, манили как блуждающие огни и поминутно снова оставляли во тьме. Судьба и людская толпа, как он уже давно о них мыслил, сплелись вокруг него в бесовской пляске: так представилось ему теперь его положение; этот образ жизни он и нарисовал в «Бесах». Здесь боль и от смерти дяди, и, может быть, от другой безвозвратной потери.

Пушкинский символ тревоги и трагедии даст имя пророческому роману Федора Михайловича Достоевского. «Закружились бесы разны» – эти слова отзовутся и в поэзии XX века, особенно в блоковских «Двенадцати».

И где-то в это время Пушкин пишет «Сказку о медведихе», которая окажется неоконченной, не войдет в составленный им самим сборник сказок и будет впервые напечатана только в 1855 году. Пронзительно грустная сказка, жесткое описание гибели медведицы и трех ее медвежат. И плач медведя-боярина, отца. Сказка эта считается образцом подлинно народного стиля у Пушкина. По стиху она приближена к народной песне или похоронному причитанию. Но при этом пушкинисты не обнаружили никакого «народного источника» «Медведихи» в русском сказочном фольклоре. Что это было? Полагаю, у меня есть объяснение. Предложу его чуть позже.

8 сентября Пушкин явно пытается взять себя в руки и пишет «Элегию», исполненную стоицизма.

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино – печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией утюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть – на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Иллюстрация Н.Н. Каразина
к стихотворению А.С. Пушкина «Бесы»

«Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...» – в этом стихе поначалу было «мыслить и мечтать», но замена глагола укрупнила смысл. Жизнь как страдание, а не как мечта. Вполне соответствовало тогдашнему настроению. На следующий день настроение Пушкина меняется кардинально. В непроглядной темноте мелькнул яркий луч. Пришла почта, и в ней короткое письмо от Натальи Николаевны. Нам неизвестно, что конкретно в нем было, как и в других посланиях невесты поэта в Болдино. Но об их содержании можно судить по письмам

В.И. Гай. Портрет Н.Н. Пушкиной.
1842–1843 годы

к ней самого Пушкина. Иван Сергеевич Тургенев выкупит эти письма у дочери Пушкина, графини Меренберг, и в 1878 году опубликует их в «Вестнике Европы». Великий русский поэт писал Наталье из Болдина по-французски (за исключением одного письма), тогда как друзьям по-русски. И еще: в письмах невесте сквозит шутливость сквозит неуверенность, несвойственная Пушкину натянутость. Он, у которого самый обширный словарный запас из всех современников, как будто боится написать лишнее слово.

Невеста и ее мама, которая, по всей вероятности, тоже принимала участие в написании текста, решили не пользоваться тем обстоятельством, что он вернул Наталье слово. Свадьба не отменялась. Но дамы не преминули напомнить и о просьбах дедушки. 9 сентября Пушкин отвечает как-то сухо и безжизненно, механически: «Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна, я у ваших ног, чтобы поблагодарить вас и просить прощения за причиненное вам беспокойство.

Ваше письмо прелестно, оно вполне меня успокоило. Мое пребывание здесь может затянуться вследствие одного совершенно непредвиденного обстоятельства. Я думал, что земля, которую отец дал мне, составляет отдельное имение, но, оказывается, это – часть деревни из 500 душ, и нужно будет произвести раздел. Я постараюсь это устроить возможно скорее. Еще более опасаясь я карантин, которые начинают здесь устанавливать. У нас в окрестностях – Choléra morbus (очень миленькая особа). И она может меня задержать еще дней на двадцать! Вот сколько для меня причин торопиться! Почтительный поклон Наталье Ивановне, очень покорно и очень нежно целую ей ручки. <...> еще раз простите меня и верьте, что я счастлив, только будучи с вами вместе».

И тут же Пушкин пишет деду невесты Афанасию Николаевичу: «Из письма, которое удостоился я получить, с крайним сожалением заметил я, что Вы предполагаете во мне недостаток усердия. Примите, сделайте милость, мое оправдание. Не осмелился я взять на себя быть ходатаем по Вашему делу единственно потому, что опасался получить отказ, не в пору приступая с просьбой к Государю или министрам.

Сношения мои с правительством подобны вешней погоде: поминутно то дождь, то солнце. А теперь нашла тучка... Вам угодно было спросить у меня совета насчет пути, по которому препроводить Вам к Государю просьбу о временном вспоможении: думаю, всего лучше и короче чрез А.Х. Бенкендорфа. Он человек снисходительный, благонамеренный и чуть ли не единственный вельможа, чрез которого нам доходят частные благодеяния Государя».

Зато сколько жизни и брызжащих эмоций в помеченном тем же днем письме Плетневу: «Теперь мрачные мысли мои порассеялись; приехал в деревню и отдыхаю. Около меня колера морбус. Знаешь ли, что это за зверь? того и гляди, что забежит он и в Болдино, да всех нас перекусает – того и гляди, что к дяде Василью отправлюсь, а ты и пиши мою биографию. Бедный дядя Василий! знаешь ли его последние слова? приезжаю к нему, нахожу его в забытии, очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом, помолчав: как скучны статьи Катенина! и более ни слова. Каково? вот что значит умереть честным воином, на щите, *le cri de guerre à la bouche!* (фр. с боевым кличем на устах! – Прим. авт.). Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать. Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат. При ней пиши сколько хочешь. А невеста пуще цензора Щеглова, язык и руки связывает... Сегодня от своей получил я премиленькое письмо; обещает выйти за меня и без приданого. Приданое не уйдет. Зовет меня в Москву – я приеду не прежде месяца, а оттоле к тебе, моя радость. <...>

Ах, милый мой! что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; езди верхом сколько душе угодно. Пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов».

Теперь Пушкина не остановишь! «Одинокая осень в Болдине была одной из самых царственных страниц в блистательной творческой жизни Пушкина. <...> Русский язык, со всеми своими богатствами, был ему подвластен, как никому. Слова сами бежали ему навстречу». Чем объяснить «феномен Болдина»? Попыток объяснения было много.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Портрет Петра Александровича Плетнева.
1836 год

Академик Дмитрий Лихачев в одном интервью нашел любопытный образ: «Знаете, это поезд идет, идет, а потом останавливается. Останавливается он на станции, и все спешат в буфет. Так вот остановка в жизни гениального человека – это остановка, позволяющая ему творить так, как он хочет. В Петербурге и в Москве он все-таки творил в какой-то мере по заданию – по заданию мгновения, по заданию потребности своих родных, знакомых и самого себя.

А в Болдине он был окружен кордонами. Он был окружен карантином. И поэтому было такое внутреннее напряжение – шаровая молния».

«Обычный осенний творческий «запой», по признанию Пушкина, случался у него, во-первых, раз в году, а во-вторых, в течение двух-трех недель, не более, редко – месяц...

Болдинская осень словно осуществила в искусстве заветную мечту – удержат мгновение бушующей пламенем стихии, продлить его. Навероятно сконцентрированная творческая энергия, составляющая феномен Болдинской осени, существовала три месяца! – пишет Фортунатов. Болдинские три месяца – «это не просто время и местопребывание в пору, когда хорошо работается, а очень напряженное, нервное состояние поэта».

«Настроение Пушкина противоречиво: то он рад тому, что убежал от жизни, то снова скучает по ней. Эта непрерывная смена намерений и создает необходимый ритм письма. У че-

ловека-мира два полюса: склонность к уединению и общительность. Напряжение между ними – источник творения. Той осенью оно достигло максимума – в этом возможное объяснение болдинского прорыва», – пишет современный пушкинист Владимир Новиков.

«Вся болдинская лирика Пушкина, его драматургия и даже его проза замешаны на беспокойстве, достигающем порой трагических высот, – подчеркивал выдающийся нижегородский литературовед Всеволод Грехнев. – Душевное спокойствие и гармония – не точка исхода в болдинском творчестве Пушкина, но его цель, обретаемая (именно обретаемая – не обретенная) в творческих муках».

Возможно, были и более прозаические объяснения. После потрясений Пушкину требовалась трудотерапия. Перо и лист бумаги помогали прийти в себя, собраться и задышать полной грудью.

И повышенное чувство ответственности. Писательством Пушкин зарабатывал на жизнь. Он спешил создать задел текстов, понимая, что в столице после свадьбы много писать не получится. Пушкин пытается обеспечить финансовую подушку безопасности, выскочить наконец из постоянной долговой ловушки.

И, конечно, Пушкин просто исполнял свою Миссию, которую назвал еще в «Пророке»: «Ляголом жечь сердца людей». Это духовное состояние, которое китайцы и японцы могли бы определить как дзен – полная отрешенная сосредоточенность разума, души, тела и воли. Полная концентрация. Пушкин подробно опишет свой болдинский распорядок в письме Наталье Николаевне в 1833 году, но тремя годами ранее он вряд ли был другим. Подъем в семь, работа до трех – в кровати или на канapé. После восьмичасового творчества скачка «верхом в степи» или многокилометровая прогулка. И, разминаясь физически, он продолжает генерировать новые идеи, чеканить строфы и фразы. В пять – всегда ванна. Заметим, чаще всего холодная, нередко со льдом. «Потом обедаю картофелем, да гречневой кашей. До девяти читаю». Без чтения трудно вытеснить из головы собственные мысли, которые не дадут заснуть, мысли чужие, напротив, могут быть весьма усыпляющими.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Нельзя сказать, что перо Пушкина летало, с размаху рождая шедевры. Сплошь перемаранные черновики говорят и о муках творчества, и о переизбытке образов и мыслей, о непрерывном звучании стихов. Первый измаранный, с трудом читаемый черновик обычно переписывался им набело. Этот второй вариант очень скоро утрачивал свой чистый вид и превращался во второй черновик. Только после работы над вторым черновиком стихотворение переписывалось и принимало окончательный вид. Однако для некоторых произведений и третья редакция не являлась последней. Эти три-четыре стадии работы над стихами нередко сильно разнесены по времени. «Пушкин бережно хранил все свои рукописи, черновые наброски, планы и заметки и нередко возвращался к старым черновикам и превращал их в то, что шло в печать. Черновые рукописи его прозы – художественных, критических работ и даже писем – также покрыты густой сетью исправлений». О внелитературных занятиях Пушкина в ту осень известно немного. Звездин расспрашивал болдинских старожилов, но узнал только это: «Один из них, столетний старик Михей Иванович Сивохин, хорошо помнит, что курчавый барин, Александр Сергеевич, каждый день ездил верхом в соседние Казаринские кусты и в Кистенёвскую рощу и записывал, «какие местам звания, какие леса, какие травы растут»; каждый день, по словам Сивохина, барину готовили кадушку теплой воды; это была импровизированная ванна». Гроссман уверял, что Пушкин посвящал время этнографическим изыска-

Село Болдино. Флигель, в котором жил поэт.
Начало XX века

ниям: «В Болдине, как и на юге, и в Михайловском, Пушкин остается поэтом-этнографом: к песням о Разине, к свадебным и похоронным мотивам Псковского края он присоединяет напевные сказания средневолжского бассейна. В Казаринских кустах, на «Поганом конце» Болдина, на Кривулице своего опального сельца, в чащах Лучинника и Осинника он неизменно прислушивается к народному говору, запоминает своеобразные местные приветствия, отмечает особенности горюхинского языка, «исполненного сокращениями и усечениями», записывает крестьянские стихи, изучает кистенёвский фольклор, идущий, по его определению, от солдат-писателей и боярских слуг». Подтверждение сло-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Пруд в Болдине. Конец XIX века

вам Гроссмана находим в пушкинских записях, сделанных в Болдине. Например, «изучение старинных песен, сказок и т.п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают». Или – «разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований». Пушкин изредка навещал соседние имения в селах Черновском и Апраксине. В семье Новосильцевой сохранились воспоминания о неоднократном посещении Пушкиным принадлежавшего ей села Апраксина. Т. Толычева (Е.В. Новосильцева) писала: «Имение, где Пушкин жил в Нижнем, находится в нескольких верстах от села Апраксина, принадлежавшего семейству Новосильцевых, которых поэт очень любил, в особенности хозяйку дома, милую и добрую старушку. Она его часто журила за его суеверие, которое доходило, действительно, до невероятной степени. Г-жа Новосильцева праздновала свои именины, и Пушкин обещал приехать к обеду, но его долго ждали напрасно и решились, наконец, сесть за стол без него. Подавали уже шампанское, когда он явился, подошел к имениннице и стал перед ней на колени: «Наталья Алексеевна, – сказал он, – не сердитесь на меня: я выехал из дома и был уже недалеко отсюда, когда проклятый заяц пробежал поперек дороги. Ведь вы знаете, что я юродивый: вернулся домой, вышел из коляски, а потом сел в нее опять и приехал, чтобы вы меня выдрали за уши». Желая видеть прославленного поэта, в Болдино более чем за 50 верст приезжает Астафьев, брат хозяйки именина Н.А. Новосильцевой, участник Отечественной войны, любитель поэзии. Астафьев был лично знаком с дядей Пушкина Василием Львовичем, встречался с ним в Нижнем Новгороде, где тот вписал в его альбом свои стихотворения. Захватив с собой альбом, он в ноябре приезжал в Болдино. Свидетельством их встречи осталось вписанное Пушкиным в альбом стихотворение Державина «Река времен в своем стремлении». Вот и все. Пушкин нацелен на работу.

Результат был потрясающим. «Анна Керн говорила, что по-настоящему Пушкин любил только свою Музу, — замечала Тыркова. — В Болдине он с юношеским упоением бросился ей навстречу. Может быть, никогда в жизни не был он так счастлив, как в этой глуши, где никто и ничто не стояло между ним и вдохновением. Никогда не оставался Пушкин так долго в таком полном, таком сосредоточенном одиночестве. Точно судьба нарочно подняла его на гребень, откуда он мог оглянуться на прошлое, претворить в художественные образы чувства и мысли, накопленные в его бурной и страстной жизни. <...> Свои глубокие мысли, свои слова щедро роздал он своим героям и героиням. <...> В его голове одновременно уживались, нарождались самые разнообразнейшие напевы, мелодии, размеры, ритмы. Лирические стихотворения, короткие драмы, исторические поэмы, шутовская повесть в стихах, главы Онегина, прозаические рассказы, первые им написанные. <...> Пушкин переходил из страны в страну, от одного характера к другому, обозревал русскую историю, описывал человеческие страсти, то любовь, то скупость, то дерзкий вызов судьбе, то нежность, то мрачную зависть, передавал переходы, оттенки человеческих переживаний, героических, темных, возвышенных, радостных, глубоких, жалких».

Теперь уже Пушкин беспощадно расправляется с бесами из стихотворения «Бесы», одновременно работая над «Сказкой о попе и о работнике его Балде» и начав «Повести Белкина». Балда берет безоговорочный реванш у чертей:

Вот из моря вылез старый Бес:

«Зачем ты, Балда, к нам залез?»

— Да вот веревкой хочу море морищить,

Да вас, проклятое племя, корчить.

Пишет сказку Пушкин явно для себя, не для печати, иначе не вывел бы вторым главным героем лицо духовного звания, смеяться над которыми было непозволительно. И Пушкин, как никто другой, знал об этом после расследования дела с «Гавриилиадой», когда его спасло только заступничество императора. Жуковский, чтобы опубликовать «Сказку о попе и о работнике его Балде», в 1840 году лично заменит «поп толоконный лоб» на «купец Кузьма Остолоп».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ИВАН ПЕТРОВИЧ БЕЛКИН

Пушкин как-то писал Вяземскому, еще из Одессы: «Меня тошнит от прозы».

До Болдина он писал почти исключительно стихи, если не считать писем, нескольких журнальных статей и неоконченного «Арапа Петра Великого». Той осенью проза впервые чуть ли не преобладала. Пушкин написал пять «Повестей Белкина».

«Повести Белкина» считаются первыми реалистическими произведения-

Рисунок А.С. Пушкина к «Сказке о попе и о работнике его Балде». Балда и бесенок

ми русской прозы. Пушкин предстает в них как превосходный новеллист, которому одинаково доступны и трогательная повесть, и новелла с острым сюжетом, и очерк нравов.

9 сентября Пушкин стремительно дописывает «Гробовщика». Фабулу навеяла вывеска гробового мастера Адриана Прохорова по соседству с домом Гончаровых. Последние пожитки Адриана были взвалены на похоронные дроги, и тощая пара притащилась «с Басманной на Никитскую, куда гробовщик переселялся всем своим домом». Неподалеку от Басманной родился автор, там недавно отпевали дядю, на Большой Никитской обитала Наталья Николаевна. Под текстом «Гробовщика» в тетради значится: «Письмо от Nat.».

Вся бесовщина с воскресшими клиентами главного героя оказывается всего лишь сновидениями перепившегося Адриана. Мораль выходит простой и исключительно актуальной на все времена — пить надо меньше. Упиваться до потери ориентации в пространстве и времени вредно для здоровья. И зомби, и бесы, и врата ада могут замаячить.

14 сентября закончен «Станционный смотритель», бытовую оправу которому составили странствия самого автора, ожидания и ночевки на почтовых станциях. Начало — панегирик станционным смотрителям и в их лице всем труженикам транспортной отрасли

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П. (С.-Пб., 1831).

Обложка первого издания

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иллюстрация А.С. Пушкина к повести
«Гробовщик». Сцена чаепития. 1830 год

России. «Кто не почитает их извергами рода человеческого, равными покойным подьячим или по крайней мере муромским разбойникам? <...> Что такое станционный смотритель? Суший мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда <...> Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут – а виноват смотритель. <...> Сии столь оклеветанные смотрители суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые».

Далее, казалось бы, простой сюжет. Самсон Вырин сам не понял, как позволил своей Дуне уехать вместе с гусаром. «Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там поддержал да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе и бархате, а завтра, поглядишь, метут улицы вместе с голюбо кабацкой». И, казалось бы, мораль тоже проста: даже если получается завоевать столицу, как Дуне, нельзя забывать родителей. Она вернулась «в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с черной моською», но уже к могиле спившегося от горя, потерявшего дочь отца.

В литературоведении справедливо считается, что именно в «Станционном смотрителе» Пушкин обозначил еще одну новую «экологическую

нишу» русской прозы: именно с Самсона Вырина начнется литературная история образа «маленького человека». Хотя Достоевский глубинный смысл повести увидит в том, что маленьких людей не бывает, и такую интерпретацию вложит в уста Макара Девушкина в «Бедных людях».

Гершензон разглядел в «Станционном смотрителе» более глубокий смысл: «Это итерация притчи о блудном сыне. Главное – не сама ситуация, а ее восприятие человеком, на стенах комнаты которого Пушкин в самом начале

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иллюстрация Д.А. Шмаринова к повести
«Барышня-крестьянка». Алексей застаёт
Лизу за чтением письма. 1937 год

повести развешивает немецкие картинки, иллюстрирующие притчу о блудном сыне. Именно ее увидел в исчезновении дочери несчастный Самсон». «В притче герой – блудный сын, у Пушкина – отец, смотритель; и картины повествуют о нем. <...> Так, как в этих картинках рассказана история блудного сына, – так верит и смотритель, и потому, что он верит именно так, ему уже все вещи видятся в неверном свете. Дуня, бежав с Минским, вышла на путь своего счастья; <...> Но смотритель непоколебимо убежден, что в немецких картинках изображена универсальная истина, что офицер, сманивший Дуню, несомненно, поиграет ею и бросит, – потому он не видит вещей, впадает в отчаяние и спивается».

20 сентября к двум повестям добавляется «Барышня-крестьянка» – до и после нее стремительно пишутся строфы завершающих глав «Евгения Онегина». Меня в «Барышне-крестьянке» привлекают прежде всего потрясающие обобщающие женские образы и типы. «Те из моих читателей, которые не жилали в деревнях, не могут себе вообразить, что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знания света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам. Для барышни звон колокольчика есть уже приключение, поездка в ближайший город полагается эпохой в жизни, и посещение гостя оставляет долгое, иногда и вечное воспоминание. Конечно, всякому вольно смеяться над некоторыми их странностями, но шутки поверхностного наблюдателя не могут уничтожить их существенных достоинств, из коих главное: *особенность характера, самобытность (individualité)*, без чего, по мнению Жан-Поля, не существует и человеческого величия. В столицах женщины получают, может быть, лучшее образование; но навык света скоро сглаживает характер и делает души столь же однообразными, как и головные уборы».

А вот, вообразите себе, – типаж тогдашнего гастарбайтера, гувернантки мисс Жаксон: «сорокалетнюю чопорную девицу, которая белилась и сурмила себе брови, два раза в год перечитывала «Памелу», получала за то

две тысячи рублей и умирала со скуки в этой варварской России».

Ключевые мысли «Барышни-крестьянки»: «боязнь, сопровождающая молодые наши проказы, составляет и главную их прелесть». И «можно ли с точностью определить, о чем думает семнадцатилетняя барышня, одна, в роще, в шестом часу весеннего утра?». Глубокое знакомство автора с психологией и говором крестьянок помогает главной героине Лизе успешно выдавать себя за дочь кузнеца и морочить голову влюбленному Алексею. Который, «несмотря на роковое кольцо, на таинственную переписку и на мрачную разочарованность, был добрый и пылкий малый и имел сердце чистое, способное чувствовать наслаждения невинности».

И кто бы мог подумать, что родители героев неожиданно помирятся и все ухищрения Лизы с переодеванием окажутся излишними? Еще один важнейший вывод: никогда не говори никогда. Даже вражда не вечна.

Затем в работе над «Повестями Белкина» Пушкин сделал перерыв, занявшись «Онегиным» и другими немаловажными текстами, о которых вы скоро узнаете. Нарушим хронологию и перенесемся сразу в воскресенье 12 октября, когда повести продолжатся и будет окончена первая редакция «Выстрела». В основе сюжета, как считают, воспоминания о старинном кишиневском приятеле – бесстрашном дуэлянте и боевом офицере полковнике Липранди. Но Пушкин тоже был завзятым дуэлянтом, поэтому «Выстрел», безусловно, автобиографичен. Его самого видели сажавшего, как и его герой Сильвио, пулю за пулей в карту. Он прогуливался с чугунной тростью в руке; подбрасывая ее в воздух, кисть тренировал. Пушкинист Арнольд Гессен уверял: «В повести «Выстрел» мы встречаемся с эпизодом личной жизни Пушкина – описанием его дуэли в Кишиневе, в 1822 году, с офицером Зубовым. На поединок Пушкин явился с черешнями в фуражке и, пока противник целился в него, спокойно завтракал ими, выплевывая в его сторону косточки...» Вишни в фуражке графа на дуэли – запоминающийся символ пренебрежения к смерти. Предельно серьезный «Выстрел» ставит неразрешенную нравственную дилемму: надо ли отстаивать свою честь (или представле-

Иллюстрация В.В. Гельмерсена к повести «Выстрел». Первая дуэль Сильвио и графа. 1900 год

ние о ней) до конца, рискуя жизнью, или считать ее гордыней и делать себе снисхождение.

Повесть резкая, как лезвие клинка, по которому ходят главные герои, играющие в азартную игру чести и самолюбия со смертью. Чтобы в конце спросить, как граф: «Будете ли вы стрелять, или нет?» А в ответ услышать от Сильвио: «Не буду, я доволен: я видел твоё смятение, твою робость; я заставил тебя выстрелить по мне, с меня довольно. Будешь меня помнить. Предаю тебя твоей совести».

Пушкинское нравоучение: «Недостаток смелости меньше всего извиняется молодыми людьми, которые в храбрости обыкновенно видят верх человеческих достоинств и извинение всевозможных пороков». 14 октября «Выстрел» закончен.

История села Горюхина. Заставка-рисунок А.С. Пушкина. 1830 год

И почти сразу Пушкин приступает к «Метели» с ее хеппи-эндом, завершив повесть вчерне 20 октября.

Романтическая и ироничная история, где метель выступает силой судьбы. Сначала она заставляет заблудиться Владимира, опаздывающего на тайное венчание с Марьей Гавриловной. А затем та же метель ведет навстречу ей Бурмина. Выяснилось, что они суженые, судьбой предназначенные друг для друга, как это и обнаружится три года спустя, когда Бурмин возвратится с фронта. Гершензон считал, что «здесь Пушкин изобразил жизнь – метель не только как властную над человеком стихию, но как стихию умную, мудрейшую самого человека. Люди, как дети, заблуждаются в своих замыслах и хотениях, – метель подхватит, закружит, оглушит их, и в мутной мгле твердой рукой выведет на правильный путь, куда им, помимо их ведома, и надо было попасть. Она знает их подлинную, их скрытую волю – лучше их самих».

И здесь же, в «Метели», потрясающая, всплывшая из памяти Пушкина картина возвращения на Родину победителей Отечественной войны: «Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоеванные песни: Vive Henri-Quatre (фр. «Да здравствует Генрих IV». – Прим. авт.), тирольские вальсы и арии из Жоконды. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

П.П. Кончаловский. Пушкин. 1932 год

и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *отечество*! Как сладки были слезы свидания! С каким единодушием мы соединяли чувства народной гордости и любви к Государю! А для него какая была минута!

Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: ура!

И в воздух чепчики бросали.

Кто из тогдашних офицеров не сознается, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценнейшей наградою?»

Последней в цикле повестей должна была стать «История села Горюхина», работал над ней Пушкин 29–30 октября. «Село Горюхино» – образ, безусловно, собирательный, но наиболее свежие штрихи в нем навеяны наблюдениями за окрестными городами и селениями, за собственными нижегородскими владениями. «История» изложена в ироничной форме и, скорее всего, как пародия на выходявшие с начала XIX века монументальные труды по истории России. Тот же слог, но масштаб описываемого объекта сильно мельче.

Там есть множество колоритных наблюдений о быте и нравах «села

Горюхина», принадлежавшего испокон веков уважаемому семейству Белкиных. «Обитатели Горюхина большей частью росту середнего, сложения крепкого и мужественного, глаза их серы, волосы русые или рыжие. Женщины отличаются носами, поднятыми несколько вверх, выпуклыми скулами и дородностью. <...> Язык горюхинский есть решительно отрасль славянского, но столь же разнится от него, как и русский. Он исполнен сокращениями и усечениями – некоторые буквы вовсе в нем уничтожены или заменены другими. Однако ж великороссиянину легко понять горюхинца, и обратно».

Повести были почти в сборе. Недоставало теперь только самого Белкина. Он появился на свет в воскресенье 16 ноября, когда автор окончил писать предисловие «От издателя» к «Кратким повестям покойного И.П. Белкина» и дал общий эпиграф к ним из «Недоросля». В этом предисловии Пушкин придумал Белкину полноценную «легенду»: «Иван Петрович Белкин родился от честных и благородных родителей в 1798 году в селе Горюхине. Покойный отец его, секунд-майор Петр Иванович Белкин, был женат на девице Пелагее Гавриловне из дому Трафилиных».

«Иван Петрович вел жизнь самую умеренную, избегал всякого рода излишеств; никогда не случалось мне видеть его навеселе (что в краю нашем за неслыханное чудо почестся может); к женскому же полу имел он великую склонность, но стыдливость была в нем истинно девическая».

«Иван Петрович осенью 1828 года занемог простудною лихорадкою, обратившейся в горячку, и умер, несмотря на неусыпные старания уездного нашего лекаря, человека весьма искусного, особенно в лечении закоренелых болезней, как то мозолей и тому подобного. Он скончался на моих руках на 30-м году от рождения и похоронен в церкви села Горюхина близ покойных его родителей. Иван Петрович был росту среднего, глаза имел серые, волосы русые, нос прямой; лицом был бел и худощав».

«Повести Белкина» – трогательные, добрые, саркастичные, со счастливыми концовками (даже, по-своему, в трагичном «Станционном смотрителе»). Пушкин опубликовал их анонимно, полагают, «не надеясь на успех, настолько они отличались от популярной тогда романтической и дидактической прозы». Предчувствия его не обманули. Повести вышли в свет в конце октября 1831 года, по свидетельству Виссариона Белинского, «холодно принятые публикой и еще холоднее журналами». Писатель Николай Полевой отозвался о «Повестях Белкина» как «о фарсах, затянутых в корсет простоты, без всякого милосердия».

Но сам Пушкин остался доволен. В Царскосельском парке он тогда встретился с юным лицеистом Павлом Ивановичем Миллером, который поинтересовался: «Кто этот Белкин?» На что Пушкин, смеясь, ответил: «Кто бы он ни был, а писать вот так и надо – просто, коротко, ясно».

Ну а сегодня читателю и писателю можно дать тот же совет, что Лев Толстой давал историку и литератору Павлу Голохвастову в апреле 1873 года: «Давно ли вы перечитывали прозу Пушкина? Сделайте мне дружбу – прочтите сначала все «Повести Белкина». Их надо изучать и изучать каждому писателю. Я на днях это сделал и не могу вам передать того благотворного влияния, которое имело на меня это чтение». ❀

Продолжение следует.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Джон Ди
(1527–1609)

ДОКТОР ДИ vs БОРИС ГОДУНОВ

АВТОР

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

РАССКАЗЫ О ТОМ, ЧТО НЕ СЛУЧИЛОСЬ, НАПОМИНАЮТ ЗАБАВНЫЙ ТРЮК. НО, ПО ПРАВДЕ СКАЗАТЬ, ЗА НЕСБЫВШИМСЯ ВСЕГДА БРЕЗЖИТ РЕАЛЬНОСТЬ – ПУСТЬ МЫСЛИМАЯ ИЛИ СИТУАТИВНАЯ, НО ТОЧНО ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ, А ПОТОМУ ИСТОРИЧЕСКАЯ. НЕ ДАНО СОВРЕМЕННОКАМ ЗНАТЬ, ЧТО ДЕНЬ ГРЯДУЩИЙ ИМ ГОТОВИТ. ОНИ ВСЕГДА ГАДАЮТ, ПЫТАЮТСЯ ПРЕДВИДЕТЬ, ПРЕДСКАЗАТЬ.

И НЫНЕШНЯЯ МУДРОСТЬ РЕТРОСПЕКТИВНА НАСТОЛЬКО ЖЕ, НАСКОЛЬКО РЕТРОСПЕКТИВНЫ НАШИ ЗНАНИЯ. ПОРОЙ ГОТОВИТСЯ ГРАНДИОЗНЫЙ ПЛАН, ДОЛГО И КРОПОТЛИВО СВОДЯТСЯ ВОЕДИНО СЮЖЕТНЫЕ ЛИНИИ, А ПОТОМ – РАЗ, И ОН БЕСПОЛЕЗЕН, ИСЧЕЗ, ЗАБЫТ, АКТЕРЫ РАЗОШЛИСЬ. ПОТОМКИ РАССМАТРИВАЮТ ИХ РОЛИ, НО ВИДЯТ СОВСЕМ ДРУГОЙ СПЕКТАКЛЬ, ОЦЕНИВАЯ ДЕЙСТВИЕ ПО РЕЗУЛЬТАТУ.

И ВОТ ПЕРЕД НАМИ знаменитый на всю Европу маг и алхимик Джон Ди, который осенью 1586 года получает приглашение поступить на московскую службу с грандиозным – беспрецедентным по тем временам – жалованьем: 2 тысячи фунтов стерлингов в год от царя Федора, а также по тысяче рублей лично от «протектора» Бориса Годунова.

БЕСЕДОВАВШИЙ С АНГЕЛАМИ

Доктор Ди – математик, астроном, географ, историк, библиофил, автор многочисленных резонансных публикаций, знаток диалогов с потусторонним, ангельских языков и дьявольских злодейств, «колдун Ее Величества». «Мой философ» называла его королева Елизавета. Ему почти 60 лет, его карьера коснулась дворов десятка монархов, пятеро из которых выплачивали ему содержание.

Он родился в Лондоне в зажиточной семье выходцев из Уэльса; учился в Кембридже и Лёвене, где подружился с картографом Герардом Меркатором. Его звезда возшла, когда именно к нему обратились с просьбой высчитать наиболее благоприятную дату для коронации королевы Елизаветы в

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Джон Ди. Иероглифическая монада (Monas Hieroglyphica). 1564 год.
Титульный лист

1559 году. После этого он постоянно возвращается в придворных кругах. Его друзья – лорд Берли, Филипп Сидни, Уолтер Рэли, Фрэнсис Дрейк и другие. Его книги находят благожелательный отклик среди ведущих умов своего времени. В 1564 году вышла его знаменитая «Иероглифическая монада» (Monas Hieroglyphica) – опыт эзотерических поисков первосимвола. В 1570 году он публикует большое «Математическое предисловие» к переводу «Начал» Евклида. Известны его астрономические наблюдения. Среди его корреспондентов – астроном, астролог, алхимик Тихо Браге и математик, философ, врач и астролог Джероламо Кардано. Он – создатель и владелец крупнейшей в Англии частной библиотеки, каталог которой позднее насчитывал до 4 тысяч наименований. Активные поиски границ познания привели Ди к медитативным опытам, в ходе которых с помощью магического кристалла он вступал в контакт с потусторонним, добрыми духами, то есть ангелами. Кроме того, он много времени уделял поискам философского камня. После посещения императорского двора в Праге судьба занесла его в далекую чешскую провинцию, где в затрапезном замке Тршебонь, недалеко от Ческе-Будеёвице, он вдруг получил письмо из далекой России и призадумался. Что же хотели от заморского чудесника в Москве? Зачем звали и манили?

ЗНАТНЫЕ, ХИТРЫЕ, ДЕРЗКИЕ

Информации у нас немного. Но кажется, что ключевая фигура здесь – Годунов. Когда мы говорим о нем, то знаем, что он стал царем; полагаем, что стремился к трону; думаем, что все вело к этому. Такова ретроспектива. Так ли выглядела ситуация весной 1584 года, когда внезапно умер грозный царь Иван? Так ли – в 1586 году? Да, государем стал сын Ивана Васильевича – Федор, но он – бездетный. Да, брат его супруги

Борис Годунов.
Миниатюра
из Лицевого
летописца
XVII века

Генри Гиллард
Глиндони.
Джон Ди
проводит
эксперимент
перед королевой
Елизаветой I

Борис Годунов входит в круг ближайших советников – первый придворный чин конюшего он получил уже в мае 1584 года. Да, Борис влиятелен, хитер и умен. Но правит ли? Нет. У трона немало более авторитетных персон, и тогда никому не казалось, что это временно.

А кто были эти более влиятельные персоны? Боярин Никита Романович Юрьев – родной дядя нового царя, Федора Иоанновича, пожилой, но что с того. Он болел, с трудом передвигался (его носили), но первое время он – главный. За ним – знатнейший боярин князь Иван Федорович Мстиславский, тоже именитый и пожилой. Далее многочисленные Шуйские – родовая знать, коренные Рюриковичи в отличие от Годуновых. Среди них «спаситель отечества» – герой недавней обороны Пскова от поляков Иван Петрович Шуйский. А кроме того, фавориты царя Ивана Грозного – Нагие и Богдан Бельский. Были еще дьяки, худородные, но влиятельные бюрократы, такие как Щелкаловы, игравшие при дворе заметные роли. Вокруг царя тогда шла форменная толчея из знатных, хитрых и дерзких. Через несколько лет все изменится, но пока – именно так.

Нагих устранили всем миром уже весной 1584 года: выдали им Углич с округой и выпроводили туда. Тогда же беспокойного Бельского, пытавшегося заручиться поддержкой горожан и бунтовать, смирили и отправили в Казань. Летом 1585 года уехал на Соловки и принял постриг Иван Мстиславский. В Москве остался его сын, но он был еще молод и неопытен. С лета того же года боярин Юрьев начал болеть и фактически устранился от дел. 23 апреля 1586 года он умер. Остались Шуйские. Они держали важнейшие наместничества – в этом была их сила и слабость одновременно. В Москве постоянно не жили. В Пскове – Иван Петрович Шуйский, в Смоленске – Василий Иванович Шуйский, в Каргополе – Василий Федорович Скопин-Шуйский.

1586 год считается переломным в судьбе Годунова. По источникам нет четкого понимания событий, но примерно они реконструируются следующим образом. Весной в боярской думе обсуждался слух о контактах ведавших внешней политикой Годунова и Щелкалова с императором Священной Римской империи Рудольфом II, с которым якобы велись переговоры о новом браке царицы Ирины в случае смерти царя Федора Иоанновича. Информацию «слил» кто-то из поляков. Возможно, это была ложь, но конфликт разразился. Годунов «отведал царского посоха», но выдержал и стал готовить ответ. В мае начались волнения москвичей, которые прознали, что Борис собрался расправиться с Шуйскими – горожане пытались заступиться. Но и сами Шуйские испугались народного бунта, срочно пошли на примирение. Помог митрополит Дионисий. Зачинщиков-горожан казнили, бояре пожали друг другу руки. А потом просочились известия, что именно Шуйские вели какие-то изменнические переговоры с поляками, готовившими новую войну на Востоке. В итоге в октябре 1586 года Василий Иванович Шуйский наместничества лишился и был сослан, а вскоре в опалу попал и псковский герой Иван Петрович Шуйский – весной 1587 года он оказался на Белоозере, где и умер в Кирилловом монастыре 16 ноября 1588-го. Чуть ранее, в октябре 1586 года, кафедру русского первосвященника оставил Дионисий, на место которого пришел Иов – креатура Годунова. Иов и стал в 1589 году первым русским патриархом – тоже проект Годунова. В целом правитель – а именно так Бориса уже воспринимали к концу 1580-х годов – шел от победы к победе. А в 1591-м загадочная случайность унесла жизнь последнего наследника престола при бездетном Федоре – царевича Дмитрия. И казалось, сама судьба ведет Бориса на царство. Он и принял венцы в 1598 году. И должен был основать славную новую династию. Ведь и сына воспитал – на-

Великомученица
Ирина. Пелена.
Мастерская
Ирины
Федоровны
Годуновой.
Москва.
1598–1604 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

следника, образованного, готового. Но кажется, что ровно в день венчания на царство судьба отвернулась от Бориса. Дальше на протяжении многих лет его преследовали одни несчастья. В историю он должен был войти как один из лучших правителей нашей страны, лучший глава правительства на столетия до и после, но не царь. Царем он оказался трагическим, одиозным и несчастным. Но это потом.

Иов, первый
Патриарх
Московский
и всея Руси

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

СТРАХ ПОТУСТОРОННЕГО

А у нас 1586 год – все мысли придворных крутятся вокруг ожидания наследника. Царица Ирина постоянно беременна, но не может родить. Для Годуновых маячит угроза передачи трона Нагим, у которых подрастает последний сын Ивана Грозного – Дмитрий. На решение проблемы брошены все силы. В этой связи появляются слухи о новых браках. При этом однако используются все возможные на тот момент средства – врачи, аптекари, чародеи, колдуны. В сентябре 1585 года в Англию с царским приветствием едет Джером Горсей, служитель лондонской торговой компании в Москве. У него есть тайное поручение к королеве от Федора Иоанновича: выпросить опытного врача и сметливую акушерку. Он справляется с заданием и возвращается в Архангельск в июне 1586 года в сопровождении доктора Якоби с повитухой. Королева Елизавета I пишет о них личное письмо царице Ирине, рекомендует. И кажется, что это становится поводом для неприятностей у Годунова. Якоби в Москве уже бывал, его пропускают и слушают какие-то его советы, а вот акушерку останав-

ливают в Вологде. Там она проведет более года, а потом будет выслана на родину. Полагают, что бояре сочли неприличным поручать роды наследника православного престола иностранке-протестантке.

Тем же летом отправлено приглашение Джону Ди.

Английский поверенный Горсей однозначно писал об увлечении Бориса Годунова некромантией. И в этом ничего оригинального для того времени не было. Суеверные невроты преследовали тогда всех правителей Европы. Существование потустороннего, подтвержденное авторитетом церкви, не ставилось под сомнение. Проблему составляло отделение среди этих бесплотных сил добрых от злых. Такая сепарация, казалось бы, удел священников, но и среди них не было единства. Тем более что XVI век оказался насыщен религиозными смутами – от гнева Лютера до компромиссов Контрреформации и сектантских мудрствований. Периферийное православие, последние оплоты которого сохранились на окраинах континента, казалось, избежало смут, но никак не невротозов.

Внезапность и сокрушительность московского пожара в июне 1547 года со всей очевидностью указывали на колдовское происхождение. И с этим вполне согласились церковные

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

иерархи, подтвердив опасения царя. Иван Грозный был проникнут страхом чародейства. Казни сподвижников, знати и вообще близких были обоснованы для него угрозами магических злодеяний – так в случае с Адашевым, Сильвестром, Старицкими, митрополитом Филиппом Колычевым, князем Воротынским, новгородским архиепископом Леонидом и многими другими. Противоречивость сказывалась в том, что царь, с одной стороны, боялся ведовства, а с другой –

Царь и великий князь Иван Васильевич. Парсуна XVII века

А.Д. Литовченко. Иван Грозный показывает сокровища английского послу Горсею. 1875 год

активно им интересовался, читая отреченные книги и пользуясь запрещенными практиками. Уже Стоглавый собор в 1551 году по наущению блюстителей благочестия во главе с Иваном Васильевичем ввел запрет на многочисленные астрологические и гадательные книги: Рафли, «Аристотелевы врата», «Шестокрыл» и др. В 1552 году последовал специальный указ, воспрещающий обращения к кудесникам и требующий доносить о них – об этом читали на городских площадях. В народных преданиях царь предстает борцом с волхвованьем. Но при этом именно он для своей библиотеки заказывал обновленный перевод запретных Рафлей у Ивана Рыкова в Пскове в 1579 году, о чем тот и записывает свидетельство. С 1570 года в окружении царя находится врач Бомелий, выпускник Кембриджа, осужденный в Англии за колдовство, а русским современникам запомнившийся как «лютый волхв», отравитель и злодей. Доверия царя он в итоге лишился и был осужден на смерть. По сообщению Карамзина, его сожгли. Обычным тогда было влияние страхов потустороннего на реальную политику. Одним из ярких примеров этого является загадочный отказ Ивана Грозного от царского венца в 1575 году в пользу крещеного татарина Симеона Бекбулатовича. Летопись зафиксировала, что причиной этого якобы послужило предсказание смерти царю в этом календарном году. Ровно по окончании года царь вернул себе венец. Козни придворных в начале 1584 года заставили Ивана Васильевича буквально окружить себя чародеями – он вызвал к себе 60 ведьм из Лапландии, которые, как гласит легенда, и предсказали дату его смерти. Все наследники Грозного были ничуть не менее суеверны. Клятвы против порчи и колдовства включали в подкрестные присяги и царь Борис, и Василий Шуйский, и даже Лжедмитрий.

Можно предположить, что доктор Ди вызывали в Москву

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ради его магических знаний, например в связи с неспособностью к родам царицы Ирины. Карамзин допускал, что Ди предназначался стать воспитателем сына Бориса Годунова, что, конечно, модернизация. А может быть, его вызывали ради алхимических забав, которым предавались тогда почти при всех правящих дворах в поисках универсальной материи и бесконечной жизни. К примеру, императора Рудольфа II, кажется, вскоре все другое вообще перестало интересоваться. Не менее увлеченными алхимией были польские короли Стефан Баторий и Сигизмунд III Ваза. Впрочем, как и другие монархи.

Ситуацией злоупотребляли многочисленные шарлатаны, шпионы и проходимцы. Сам доктор Ди нередко оказывался в этой компании. Вся его жизнь тех лет проникнута геополитическими интригами, о которых мы и узнаем-то только из фрагментарных записей этого ученого. Ди вел дневник, который сохранился и стал важнейшим свидетельством не только его личной жизни, но и «европейской закулисы». Впервые он был издан в 1842 году, а недавно опубликован на русском.

Астрологи Джон Ди и Эдвард Келли вызывают духа. Гравюра Эбенезера Сибли. 1825 год

В КОМПАНИИ АВАНТЮРИСТА

Все началось весной 1583 года, когда в Англию прибыл польский магнат Альбрехт Лаский. Поводы для визита остались невыясненными, но он был принят на самом высоком уровне – королевой и ее близким кругом. Была даже оплачена специальная встреча в Оксфордском университете, после которой Лаский в сопровождении аристократа-поэта Филипа Сидни посетил Мортлейк – дом Джона Ди в пригороде Лондона. Лаский уже прежде был известен своими оккультными пристрастиями. Он фи-

А.М. Васнецов. Москва при Иване Грозном. Красная площадь. 1902 год

нансировал переводы на польский двух трудов Парацельса, а также еще некоторых книг, три из которых содержали посвящение ему. Сам магнат был автором ряда памфлетов на религиозные темы. Он владел несколькими языками и неплохо разбирался в политике, хотя, кажется, ориентировался прежде всего на самые доходные проекты. Его родовые владения находились в Трансильвании и граничили с землями Стефана Батория. Лаский был беспокойным и беспринципным соседом, который воевал с турками, когда другие жили в мире, грабил тех, кто слабее, интриговал где получится. Он поддерживал контакты с императорским двором в Праге и некоторыми другими монаршими дворами, но оставался польским подданным, когда это было выгодно. Начинать он как кальвинист, но вскоре осознал себя ревностным католиком, покался и был принят церковью в свое лоно «человеком одиннадцатого часа». Его антитурецкие акции создали ему ауру рьяного крестоносца и, соответственно, обеспечили поддержку католических иерархов. Но его интересовали более сложные комбинации. Некогда он поддерживал кандидатуру Генриха Французского на польский трон, потом – Максимилиана Австрийского, но никогда Батория. В 1580 году один из пойманных в Польше русских шпионов указал на пана Альбрехта как на состоящего в сговоре. Его допросили, и он действительно предъявил письмо от Ивана Грозного, где царь предлагал ему службу, но, как заявил магнат, он презрительно отверг такой комплот. Образ вдохновенного неопита и широкий круг связей помогли ему избежать наказания. Но король Стефан сохранил настороженное отношение к вассалу – они были давно знакомы и хорошо знали друг друга. Судя по всему, именно из-за желания не играть с огнем Лаский предпочел покинуть Польшу.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

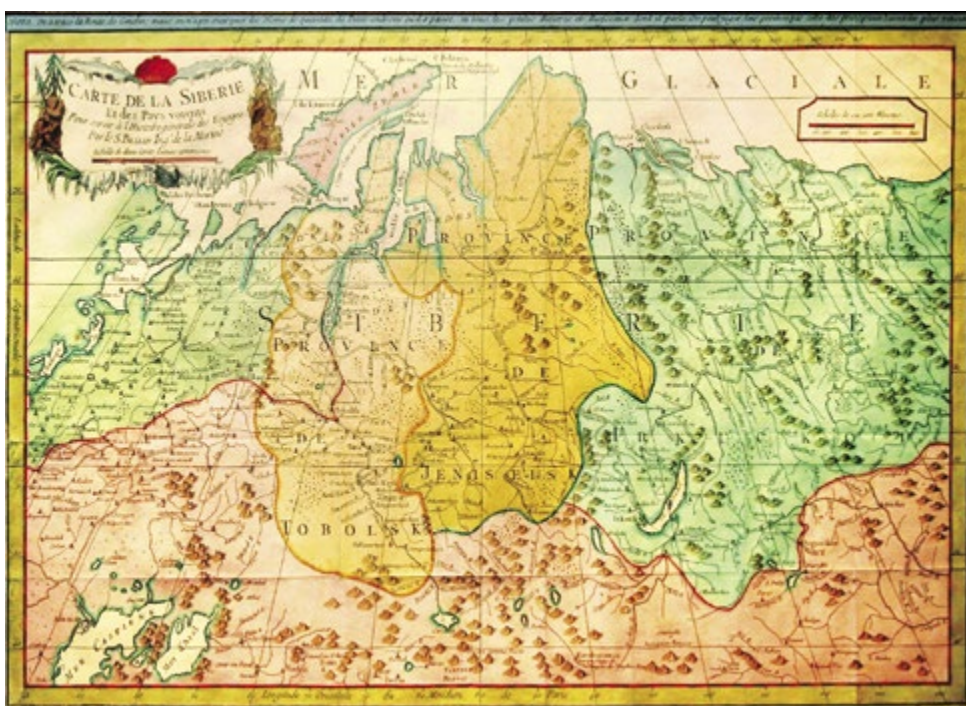
Царь Федор
Иоаннович
делает
правителем
России
Бориса Годунова.
1584 год.
Гравюра
Б.А. Чорикова.
XIX век

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В Англии играли в другую игру. Их интересовала Московия, а также война в Нидерландах, где католическая Испа-

ния наводила порядок среди смутьянов-лютеран. Польша грозила принять участие в этих делах. Кроме того, поль-

Ж.-Н. Беллин.
Российская
империя. Карта
Сибири. 1754 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ский король Стефан Баторий грозил протестантской Швеции и ее ливонским владениям. Преобладали ли здесь политические или мистические мотивы, мы точно не знаем, но в сентябре 1583 года, покидая Англию, Лаский прихватил с собой группу волшебников во главе с Джоном Ди, которого сопровождали его медиум Эдвард Келли и члены семьи. На двух кораблях экспедиция прибыла в Гамбург, а оттуда проследовала в Краков, где намеревалась встретиться с королем. Весь путь компания практиковала диалоги с ангелами и к чему-то готовилась. В Польше они выдали себя за католиков, знатоков границ познаваемого. Но случился новый скандал. Братья Зборовские, друзья Лаского, которых и раньше подозревали в связях с Москвой, вновь вступили в конфликт с канцлером Яном Замойским. Один из них, Самуил, даже заявлял о желании избавиться от Батория. Его арестовали, и вновь всплыло имя пана Альбрехта, который предпочел немедленно скрыться. Дело было в мае 1584 года, когда всех потрясла новость о внезапной смерти Ивана Грозного, интриговать в пользу которого стало бессмысленно. Самуила Зборовского казнили, но дальнейших репрессий не последовало. Ди с Келли в эти месяцы оказались брошенными своим патроном и вынуждены были перебраться в Прагу. Казалось, их миссия не состоялась. Потом, правда, Лаский проявился, и они даже еще раз попытались войти в доверие к Баторию. В мае-июне 1585 года состоялось несколько опытов в присутствии короля, но вскоре маги вернулись в Прагу, где тоже не все сложилось. Их покровителем стал граф Рожмберг, который обеспечил чародеям пребывание в своих владениях – в замке Тршебонь. Здесь их настигло внезапное приглашение службы из Москвы.

ПРИГЛАШЕНИЕ ИЗ МОСКВЫ

Доставил весть некий Томас Симкинсон (или Хэнкинсон – так в дневнике – и что-то из этого псевдоним) в сентябре 1586 года. Он подчеркнул, что приглашение – предварительное, а главное письмо придет только с гонцом Эдвардом Гарлендом, который, возвращаясь из Москвы, лично заедет в Тршебонь. Так и произошло. 8 декабря 1586 года Ди зафиксировал в дневнике прибытие Гарленда в сопровождении эскорта – с ним было восемь москвитов, шесть из которых собирались проводить Ди в Россию. Но доктор от предложения отказался. Зато он пригласил Гарленда и его брата Фрэнсиса присутствовать на алхимическом опыте, который провел через несколько дней Эдвард Келли. Все были впечатлены.

Москвитов отослали домой. А вот отношения с Гарлендами Ди сохранил на многие годы. Встречи с Фрэнсисом Гарлендом в дневнике Ди отмечены на протяжении последующих одиннадцати лет: он работал гонцом на линии Лондон–Прага, обеспечивая переписку, но и сам разбирался в ситуации и приглядывал за ней. Таими шпионами тогда служили многие актеры и вообще театралы, как, например, Кристофер Марло. Именно в эти годы он выполнял ту же роль, но во Франции и Нидерландах. Забавы ради упомянем версию, которую публично высказывали некоторые знатоки эзотерической истории, утверждавшие, что Фрэнсис Гарленд – это шпионский псевдоним Уильяма Шекспира, чья связь с секретной службой, впрочем, не доказана. Хотя для современников она не была бы удивительной.

Джон Ди отказал москвитам, а вскоре подошло к концу и его европейское турне. В декабре 1586 года умер Стефан Баторий, судя по всему, своей смертью и без воздействия волшебства. Медиум Эдвард Кел-

Карта России, составленная в 1613 году голландским картографом Гесселем Герритсом (1581–1632), дополненная и отпечатанная в 1614 году в Амстердаме

ли, без которого у Ди не получилось слышать ангельских голосов, нашел себе применение при императорском дворе в Праге, где потом даже получил дворянство. А Ди вернулся в Англию в 1589 году и потом восторженно вспоминал о московских авансах. В 1592-м он попал в опалу, и ему потребовалось составить описание своих успехов – там он пометил предложение из Москвы в качестве одного из высших своих достижений. Возможно, эти впечатления повлияли позже на решение его сына, ставшего квалифицированным врачом и алхимиком, отправиться на службу к русскому царю. Артур Ди почти четырнадцать лет был личным лекарем царя Михаила Федоровича, что особо отметил на титуле своего алхимического трактата, опубликованного еще до возвращения на родину.

Московские письма Ди хранил до конца жизни и неоднократно предъявлял свидетелям. Уже в 1599 году они были опубликованы в своде о заморских путешествиях историографа английской колонизации Ричарда Гаклюйта. И здесь они

представлены совершенно в ином ракурсе. «Похоже, это государево предложение императора Федора Ивановича и лорда Бориса Федоровича, протектора Его Величества, было сделано знаменитому ученому-математику г-ну Джону Ди отчасти ради его советов и указаний относительно некоторых открытий на Северо-Востоке и отчасти из-за некоторых других весомых причин; но поскольку их завоевание Сибири еще не совершенно упрочилось и по ряду других секретных соображений, оно было тогда со всей признательностью отвергнуто», – писал Гаклюйт.

При всей вовлеченности в магические эмпирии англичане оставались прагматиками. Джон Ди был не только математиком и алхимиком, но и известным знатоком географии и, более того, идеологом британской колониальной империи. Ему приписывают изобретение самого термина British Empire – он его активно использовал и буквально навязывал королеве Елизавете I захват заморских территорий. Особенное внимание он уделял так называемому Северо-

Западному проходу и вообще Северному морскому пути, который мог бы связать Англию с Китаем. Стоит вспомнить, что в те годы у Англии не только не было колоний – у нее не было владений и на континенте: в 1558 году был потерян даже Кале. Миров владела Испания, которая с 1580 года поглотила и Португалию. Америка была их, в Африку не пробиться, а на Востоке еще турки. Путь был один – Московия. Именно туда была ориентирована и единственная торговая компания в Англии – Московская. Но Ди выступал, настаивал, аргументировал. Он требовал двигаться дальше. Именно его консультациями пользовались Фрэнсис Дрейк и Уолтер Рэли. Первый впервые после Магеллана в 1578-м обогнул Южную Америку, а второй в 1584-м организовал первую экспедицию в Северную Америку, основав там колонию Вирджиния – «Девственница» – в честь королевы Елизаветы. Но Ди особенно увлекали сибирские маршруты. Он был постоянным консультантом Московской компании, внимательно собирая все данные о путях в тех направлениях. Известен его пространственный доклад про

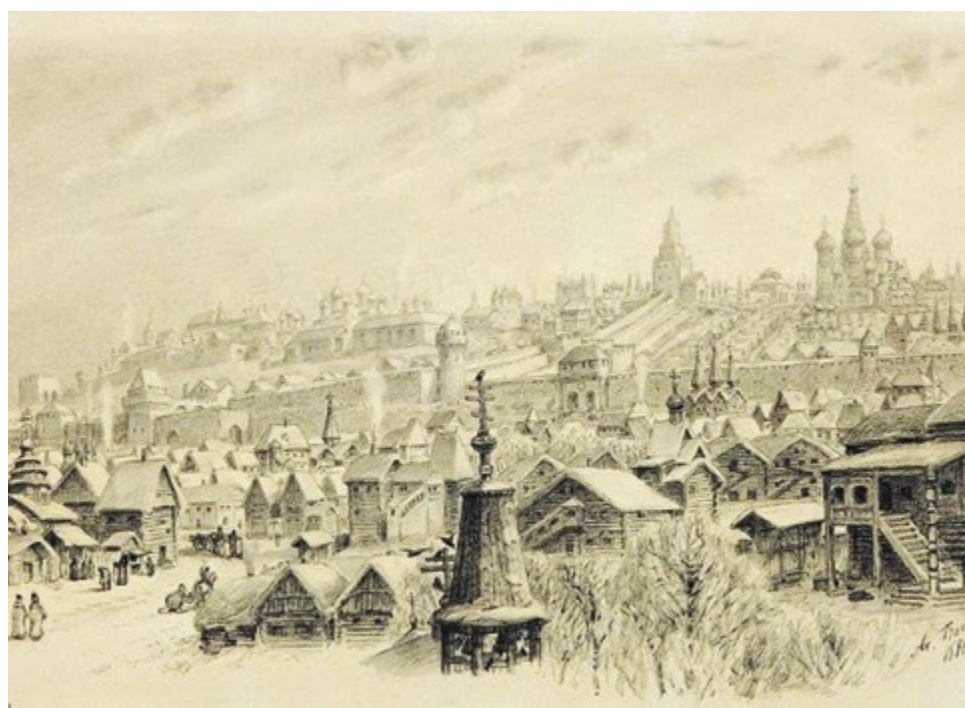
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

остров Вайгач. Его знания точно составляли опасность.

В эти годы едва только пришли известия о завоеваниях Ермака и были основаны первые сибирские города. В 1586 году – Тюмень, в 1587-м – Тобольск. Угрозы с моря упредило возведение в 1584-м крепости Архангельск. Россия вообще только начинала осваивать номинальные до поры до вре-

Доктор Джон Ди.
Портрет работы
неизвестного
автора

А.М. Васнецов.
Москва
XVI столетия.
1891 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

мени приобретения на юге и в Поволжье. Только в 1586 году строят Ливны и Воронеж, в 1591-м – Елец, а Курск восстаноят в 1596-м. Не стоит забывать, что в значительной степени это заслуга Бориса Годунова, строителя городов, колонизатора и завоевателя. Для чего же ему нужен был идеолог американской экспансии и автор Британской империи? Что ждало его в России, прими он предложение?

Сложно предположить, что такие деньги – более 3 тысяч рублей в год – могли кому-то платить за магические познания. И еще иметь при дворе протестанта, пусть и выдающего себя за католика. А вот пообещать золотые горы, а потом сгноить в монастыре – такое при Годунове случалось. Так произошло с несчастной Марией Старицкой, вдовой ливонского короля Магнуса, которую в 1586 году выманили из Елгавы в Москву беспримерными посулами, а потом постригли, чтоб не мешалась в очереди на престол.

И вот у нас Ди, которого завлек Годунов, чтоб упредить английские географические фантазии. В целом все сложилось, возможно, и без этой интриги. Елизаветинцы нигде не преуспели. Американские колонии все вымерли и были восстановлены только в XVII веке. На Вайгач и далее иностранцы не прошли. Сибирь застолбили русские. А вот если бы Годунов был чуть пассивнее?

Но не стоит – победителей не судят. Годунов справился, а потом... Потом была беда и Смута, но это другая история. Впрочем, может быть, Ди все знал наперед? Так, кстати, заключал рассказ Карамзин: «Ди, страстный в воображении только к искусственному золоту Философского камня, в гордой бедности отвергнул предложение Царя, изъявив благодарность и как бы угадав, по вычетам своей любимой Астрологии, грядущую судьбу России и Дома Борисова!» ❧

ХОЗЯИН «МАРКИЗОВОЙ ЛУЖИ»

АВТОР
ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

НА АНТИЛЬСКОМ ОСТРОВЕ МАРТИНИКА ВОЗДУХ ПРОПИТАН САХАРОМ И ВАНИЛЬЮ. ЗДЕСЬ СРЕДИ БУЙСТВА КРАСОК МОРЯ И ЗЕЛЕНИ ИЗДАВНА СЕЛИЛИСЬ ПОТОМСТВЕННЫЕ ВОРОЖЕИ. РОЗ ТАШЕ ДЕ ЛА ПАЖРИ, ЮНОЙ КРАСАВИЦЕ-КРЕОЛКЕ, ОНИ НАПРОРОЧИЛИ СКОРОЕ ЗАМУЖЕСТВО, ВДОВСТВО И НОВЫЙ БРАК, КОТОРЫЙ СДЕЛАЕТ ЕЕ «БОЛЬШЕ ЧЕМ КОРОЛЕВОЙ». ПРЕДСКАЗАНИЕ СБЫЛОСЬ: ПОД ИМЕНЕМ ЖОЗЕФИНА ЭТА ДЕВОЧКА СТАНЕТ ИМПЕРАТРИЦЕЙ ФРАНЦИИ.

Н О НИ ОДНА ГАДАЛКА не взялась бы предсказать, что через много лет портрет Роз украсит имение ее родственника в окрестностях Петербурга. Этот родственник займет пост морского министра России, его на русский манер станут величать Иван Иванович де Траверсе, а в письмах к семье он иногда будет вспоминать «кузена Бонапарта».

XVIII век породил немало искрометных судеб и необычайных личностей. К их плеяде по праву принадлежит маркиз де

Траверсе. Его имя – так уж распорядилась история – оказалось увековеченным в странном названии «Маркизова лужа», которое хорошо знают петербургские старожилы.

БЛЕСТЯЩАЯ КАРЬЕРА

Родился Жан-Батист Прево де Сансак, маркиз де Траверсе, 24 июля 1754 года. Его отец, капитан первого ранга, принадлежал к древнему роду из французской провинции Пуату, истоки которого уходят в XI век, к шевалье Угу Прево, вассалу герцога Гильома VI, графа

Жан-Батист де Траверсе. Портрет работы неизвестного автора. Частное собрание

Пуату. На Мартинике, в округе Ле-Дьяман (Бриллиантовый), ему принадлежала обширная плантация сахарного тростника, тянувшаяся вдоль красивейшей бухты. Рядом, посреди залива, и сейчас высится базальтовая скала-гигант, подобно драгоценному камню способная отражать свет в определенные часы дня. Здесь прошло детство будущего морского министра России, который по женским линиям родства восходил к фамилиям нормандских моряков, Дюкенам и де Лонгбренам. Вместо сказок ему рассказывали о подвигах предков: о том, как при Людовике XIV генерал-лейтенант Абраам Дюкен, заслуживший почетное прозвище Великий Дюкен, громил голландские и испанские флоты, как защищал крепость Ла-Рошель от армий кардинала де Ришелье ее легендарный мэр Жан Гитон.

Мальчик с детства мечтал продолжить семейные традиции. В 5 лет его отправили во Францию – настала пора «постигать науки». Первые уроки жизни «маленькому Траверсе из Америки» дал его дед, почтенный

Скала Дьяман. Вид с запада

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

года, данным графом д'Орвилле возле острова Уэссан, а затем в эскадре графа д'Эстена на фрегате «Ифигения» перешел в воды родной Вест-Индии. Здесь он командовал захваченным у англичан 18-пушечным корветом «Церера», фрегатами «Эгретт» («Белая цапля») и «Ирида». Презивший славой своих предков, Траверсе не упускал случая отличиться. Плавая на «Эгретте», он захватил большой английский фрегат, в другой раз вызвался доставить из Гаваны миллион пиастров для франко-испанской армии, отважно прошел через ад Чесапикского сражения и поставил жирную точку в своем послужном списке при захвате острова Сент-Кристофер (Сен-Китс), когда первым ворвался на захваченный форт и установил там французский флаг. Его героизм не осталось незамеченным. Из всех молодых офицеров только его военноморской министр маршал де Кастр представил к награде. В 1782 году – невиданная почесть для военного, не достигшего 30 лет: грудь Траверсе украсил крест Святого Людовика на огненно-красной ленте. Через три года рядом с ним появился орден Цинцинната, учрежденный в 1783 году, чтобы почтить подвиги сражавшихся в Войне за независимость. Таких наград в столь юном для военного возрасте удостаивались единицы – сбывались самые смелые мечты мальчика с Мартиники.

На этом этапе жизни судьба явно благоволела Траверсе, и все ему удавалось. Вскоре он сыграл свадьбу с красавицей Мари-Мадлен, дочерью адмирала Жана-Жозефа де Риуффа, за которой получил немалое приданое, а через год унаследовал родовые владения Сансаков. Продолжала свой блестящий взлет и карьера: в 1788 году Траверсе, уже полковник, как представитель древнего дворянского рода, получил право быть представленным Людовику XVI, занимать место

старец, осевший в старинном родовом гнезде в Пуату. Много повидавший на своем веку рубака-кавалерист, старый маркиз знал, чем пронять любопытного внука. «Я никогда не уставал от его рассказов, прерываемых долгими паузами... Я садился поближе к его любимому креслу с голубой обивкой – это происходило в нижней гостиной, расположенной в северной башне замка; здесь хранились все дорогие и памятные ему вещи. Когда рассказ прерывался, я смотрел в окно на однообразные пуатвинские поля, закутанные октябрьскими туманами, и мне чудились призраки этого кровавого лихолетья».

Окончив бенедиктинский коллеж в старинном Сорезе на севере Лангедока, Жан-Батист был зачислен в 1766 году в знаменитую школу гардемарinov в Рошфоре, окончил которую уже в Бресте, получив чин мичмана в 1773-м. Боевой путь Траверсе начал во время Войны за независимость в Северной Америке. Как и многие французские дворяне, молодой офицер горел решимостью сражаться

с ненавистными англичанами за идеалы свободы, провозглашенные веком Просвещения. В те времена, когда великий флот Людовика XVI соперничал с гордыми британцами и делил с ними океан, мичман Траверсе на корабле «Ванжёр» («Мститель») получил боевое крещение в сражении 1778

Битва при Уэссане 1778 года. С картины Теодора Гюдена. 1848 год. Париж, Национальный музей военного морского флота

Великий Дюкен [1610–1688], С портрета Антуана Бенуа Грейнкура. Версаль

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

в его карете и принимать участие в королевской охоте. Маркиз прибыл в Версаль в зал кордегардии и в числе еще нескольких человек, удостоенных такой же чести, предстал перед королем. Когда Траверсе склонился в низком поклоне, Людовик XVI, знавший толк в военно-морском деле, осведомился:

– Господин маркиз, отчего вы предпочитаете именоваться де Траверсе? Кому как не вам надлежало бы увековечить славное имя де Сансаков. Нельзя обречь его на забвение.

– Ваше Величество! Это имя покрыли славой мой дед, раненный под Мальплаком, и мой отец, служивший на флоте вашего величества. Надеюсь, моя любовь к королю и отчизне позволит и мне не посрамить его. Король приветливо улыбнулся: – Выбор делает вам честь, любезный маркиз. Ваш послужной список впечатляет.

НОВАЯ РОДИНА

Однако летом 1789 года все надежды на блестящую будущность в одночасье рухнули: придворный век завершился, началась Революция. Первые месяцы свободы обернулись тяжелыми испытаниями для французского флота. Веками создававшиеся институты власти, дисциплина и субординация уничтожались, офицеры подвергались гонениям. После отмены чинов и дворянских титулов между старым и новым порядком выросла непреодолимая стена ненависти. Чистки, доносы, подозрения в контрреволюционности превратили тысячи «бывших» в отверженных. Для французской аристократии настали тяжелые времена.

Беспорядки затронули и портовые города: в Рошфоре, Бресте, Тулоне, Гавре, Бордо народ захватывал оружейные склады, участвовали грабежи. Флот был брошен на произвол судьбы. На кораблях вспыхивали бунты, командующих флотами и офицеров смещали, заключа-

Адмирал Франции Шарль-Анри-Теодат, граф д'Эстен (1729–1794). Портрет работы неизвестного автора. 1778 год. Частное собрание

ли в плавучие тюрьмы, в Консьержери, отправляли на эшафот, порой убивали прямо на улице. Ощущение неминуемой катастрофы росло с каждым днем – флот фактически оказался брошенным на произвол судьбы. Переждать смутное время Траверсе и его родные решили в родовом имении. Но и там теперь было небезопасно: крестьяне, забыв о его былой славе борца за свободу, грозили спалить и разорить замок маркиза. Оставалось вслед за многими отринутыми революционной властью соотечественниками искать новую родину. В начале 1791 года де Траверсе, испросив отпуск, отправляется с семьей в Швейцарию для «лечения на водах»,

понимая, что уезжает, возможно, навсегда.

Как раз в это время Екатерина II, столкнувшись во время Русско-шведской войны 1788–1790 годов с нехваткой хороших офицеров, предпринимала попытки обновить ряды флотских командиров. Она отправила в Европу специальную миссию во главе с адмиралом Российского флота принцем Нассау-Зигеном. В Швейцарии он встретился с бывшим морским министром Людовика XVI маршалом де Кастром – тем самым, который представлял де Траверсе к высшей награде. Де Кастр самым лестным образом отрекомендовал маркиза, и тот поспешил в далекую Россию.

Вскоре по прибытии в Петербург Траверсе получил под свое командование гребную эскадру. С каким радостным чувством он вновь взмошел на палубу корабля! На первых порах пришлось нелегко: он привык плавать в южных широтах, на Балтике же, с ее туманами и размытыми очертаниями, условия навигации особые. К тому же на Российском флоте тон задавала «британская когорта», которая приняла новоявленного «французишку» в штыки: «Представляете, он даже не знает, что такое канонерки!» Такие «корабли-секреты» с фальшбортами, за которыми скрывались пушки, преобладали на Русском флоте. Траверсе проштудировал посвященный им трактат, законспектировал его и сопровождал чертежами. Он изучал рельеф дна Финского залива, провел тщательную рекогносцировку фарватера, часто навещался в Кронштадт. Талант и опыт сделали свое дело: летом 1791 года Траверсе благополучно крейсировал на Балтике, ходил в неразведанные места залива, проявил незаурядное искусство в маневрировании. Нассау-Зиген докладывал императрице, что этого «отменного командира», «образцового офицера и моряка» любят и ценят подчиненные.

Знак королевского и рыцарского ордена Святого Людовика

Петербург же просто околдовал Траверсе, о чем он писал жене: «Этот город, выстроенный на воде, невольно к себе привлекает. Адмиралтейство окружено каналом, его фасад омывают воды Невы, это настоящий остров». Маркиз был представлен ко двору, императрица ему явно благоволила. В ее окружении он познакомился с цветом петербургского общества, изыскавшегося на безупречном французском языке. И все-таки он чувствовал себя одиноким, ведь его семья по-прежнему оставалась в Швейцарии. В августе после разоружения фрегатов для зимней стоянки маркизу было дозволено «отлучиться в отечество на столько времени, сколько нужно для поправления дел его». Императрица желала удержать его на службе и в качестве особого отличия повелела выдать ему жалование вперед.

НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ

Так выглядела официальная версия. На самом деле бессрочный отпуск маркиза был прежде всего связан с возложенной на него тайной миссией. Императрица, все более склонявшаяся к войне против революционной Франции, решила послать денег оказавшимся в изгнании Бурбонам. В обстановке строжайшей секретности несколько человек, в числе которых был и маркиз, выехали в центр французских эмигрантов Кобленц – небольшой городок на Рейне рядом с французской границей.

О море Траверсе пришлось надолго забыть. В составе гвардейской роты он месяц за месяцем совершал бесконечные марши по немецким и бельгийским лесам, готовясь к походу на Париж. Из Франции между тем приходили неутешительные известия. Людовик XVI и Мария-Антуанетта были гильотинированы, многие родственники маркиза погибли или томились в тюрьмах, его замок сожгли, а имущество распро-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

тъянов в Париже» пришлось отказаться. В эти тяжелые дни Траверсе, оказавшись человеком без родины, принял судьбоносное решение – навсегда ехать в Россию. Там отныне будет его отечество.

В 1794 году Траверсе возглавил гребной флот в Петербурге, а затем получил перевод на север Финского залива, где принял командование Роченсальмским портом. Суровая крепость Роченсальм (ныне Котка) раскинулась на архипелаге «Шведский про-

Луи Гиллуэ, граф д'Орвилье [1710–1792], командующий французским флотом в сражении при Уэссане

ход» (финск. Руотсинсальми; шведск. Свенксунд). Екатерина II давно задумала создать здесь оплот русской Финляндии. За два года до назначения Траверсе в этой финской глухомани строил оборонительные линии против шведов великий Суворов. Теперь в пустынный приграничный городок, окруженный вековыми сосновыми лесами и поросшими мхом каменистыми скалами, приехал французский аристократ с женой и тремя детьми. Перед ним простиралось угрюмое побережье Финского залива, над крепостными сооружениями одиноко высился кирпичный маяк.

Стараниями маркиза провинциальное роченсальмское захолустье постепенно превратится в мощный укрепленный район, опиравшийся на островные форты, батареи и редуты. На островах архипелага система обороны предусматривала анфиладный огонь с 19 позиций.

Екатерина II благоволила маркизу. Когда в марте 1796 года у де Траверсе родился второй сын, императрица стала восприемницей новорожденного при крещении и пожелала, чтобы ребенка назвали Александром, как и ее любимого внука. История, правда, обернулась курьезом. Новорожденному в колыбель был положен презент от государыни – патент на чин мичмана. Однако ребенок был совсем слабенький, тяжело болел, и маркиз испросил позволения передать документы о пожалованном чине своему старшему сыну, Жану-Франсуа, и получил на то разрешение. Документы меж тем были уже выписаны на имя Александр и подписаны Екатериной II. В результате старший сын, Жан-Франсуа, получил чин вместе с именем; новорожденный же Александр выздоровел, но милости императрицы достались старшему сыну. В результате оба сына Траверсе вошли в историю как Александр-дры: вице-адмирал Александр

Знак ордена Цинцинната

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

1-й Иванович де Траверсе и генерал-майор Александр 2-й Иванович де Траверсе.

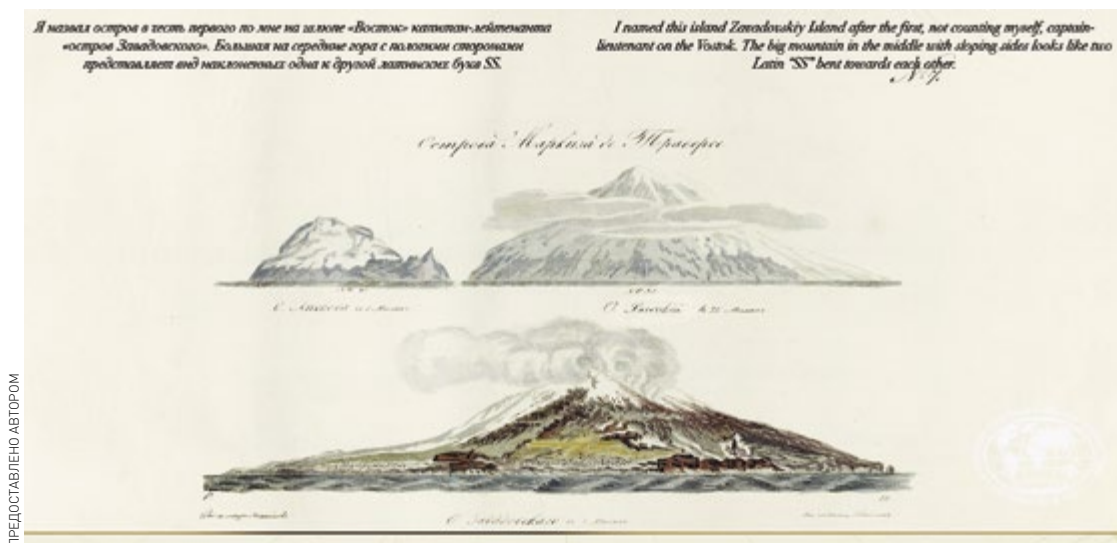
В 1797 году, уже при Павле I, Траверсе получил чин вице-адмирала и был назначен комендантом Роченсальма. К этому времени маркиз овдовел – заботы о детях целиком легли на его плечи. Семилетний Александр 1-й по прозвищу Фан-Фан стал любимцем команды брига «Роченсальм».

Личная жизнь маркиза вновь обустроилась в 1800 году, когда он женился на уроженке здешних мест Луизе Ульрике Брюин, дочери влиятельного шведского торговца. К этому времени маркиз принял русское подданство, и ему было пожаловано имение в Пензенской губернии и 500 душ крестьян.

Вершина деятельности Траверсе пришлась на царствование Александра I, который необычайно ценил его заслуги перед Российским флотом. При нем, уже в чине адмирала, маркиз почти десять лет провел в Новороссии: в 1802–1809 годах он занимал пост главного командира Черноморского флота и военного губернатора Николаева и Севастополя. Однако его ожидало новое головокружительное восхождение. В 1809 году военно-морской министр, адмирал Павел Чичагов, обвиненный в провале реформ на флоте, был отправлен в почетную отставку. Управление Морским министерством Александр I возложил на Траверсе.

МОРСКОЙ МИНИСТР

Приехав в Петербург, де Траверсе не узнал город Екатерины – наступали другие времена. Он поселился в Доме Морского министерства по Английской набережной, неподалеку от перестраиваемого архитектором Захаровым Адмиралтейства. Новое Адмиралтейство не походило на старую петровскую крепость, окруженную рвами и каналами. Оно приобрело изысканный столичный лоск,

Архипелаг маркиза де Траверсе: острова Завадовского, Лескова, Торсона (Высокий), открытые в 1819 году. Рисунок П.Н. Михайлова. Между 1821 и 1824 годами

вокруг разбили сад, устроили тенистый бульвар в три аллеи, превратившийся в место модных гуляний. Верфи и мастерские снесли, а в самом здании разместились департамент министра, Адмиралтейств-коллегия, библиотека и музей.

Кабинет маркиза располагался в смотревшем на Зимний дворец правом флигеле. В скромно обставленном помещении царил образцовый порядок. Карты на стенах, навигационные приборы и закладные доски спущенных на воду кораблей выдавали профессию владельца. Маркиз посмеивался: «Весь этот хлам напоминает мне об океане». Входящих в кабинет министров, вельмож и простых офицеров такая обстановка настраивала на деловой лад. Министр внимательно выслушивал собеседника и вкрадчиво направлял беседу в нужное русло. В разговорах с влиятельными особами и тем более с императором этот опытный царедворец всегда точно знал, когда обращаться с предложением или просьбой, а когда не стоит.

Траверсе принял министерство в тяжелый период Наполеоновских войн, выделявшийся ему бюджет с каждым годом таял. Не хватало денег на обмундирование, на ремонт ветшавших судов и на строительство новых кораблей. Из Министерства финансов шли

циркуляры, предписывавшие, например, оставить рекрутам «одежду из старого сукна» или, вследствие нехватки средств, готовить к плаванию не восемь кораблей, а «сколько возможно будет». Министру удавалось преодолеть многие сложности – непостижимым образом количество кораблей неуклонно росло, а моряки сохраняли боевой дух и боевую мощь. В войне с Наполеоном флот показал это, когда участвовал в операции по захвату Данцига и вместе с англичанами блокировал голландское побережье.

Выйдя победительницей из войны, Россия стала определять мировую политику, влияние Петербурга расширилось за пределы Европы. Началось строительство гигантской морской империи, и все нити этого морского проникновения сходились в кабинете Траверсе. В какую бы отдаленную точку Мирового океана ни заходил российский корабль, рапорты об этом тотчас ложились на стол министра. Траверсе подходил к карте и помечал флажками пройденные русскими мореплавателями маршруты. При нем Василий Головин на «Камчатке» исследовал берега Русской Америки и Гавайские острова, Отто Коцебу на «Рюрике» и Михаил Васильев с Глебом Шишмаревым на «Открытии» и «Благонамеренном», продираясь сквозь ледя-

ные торосы Берингова пролива, искали загадочный проход из Атлантики в Тихий океан. Настал звездный час великой русской одиссеи! Отряды Петра Анжу, Фердинанда Врангеля и Федора Литке методично осваивали северное побережье России от Новой Земли и устьев Лены до Берингова пролива. Экспедиция Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева, так называемая «первая дивизия», в поисках шестого континента штурмовала Южный полюс. В морских атласах появлялись открытые ими земли с русскими именами: острова Петра I, атолл Суворова, мыс Крузенштерна – перечислять можно долго.

ЧУДАК-МАРКИЗ

Есть в Тихом океане и острова Траверсе, но вспоминают маркиза чаще всего в связи с «Маркизовой лужей». Так с XIX века называют горловину Финского залива, его «предморье». «Лужа» – а по сути, небольшое внутреннее море – протянулась от устья Невы до низменного Крысего острова, который финны некогда называли «Ретусаари». Петр I переименовал остров в Котлин, возвел на нем мощные береговые батареи и форты крепости Кронштадт, которая, словно неприступный оборонительный вал, прикрывала подступы к Петербургу. Южной границей «Лужи» служило ингерманландское побережье с императорскими и великокняжескими резиденциями – Стрельной, Петергофом, Ораниенбаумом. Траверсе, которому приходилось экономить буквально на всем, облюбовал это мелководье, покрытое отмелями, для обучения судовых команд. Каждое лето здесь крейсировала практическая эскадра Балтийского флота, никогда не заходившая дальше Кронштадта. Эту-то часть залива остроословы и окрестили «Маркизовой лужей», усмотрев в этих плаваниях символ безвременья «Александрова царства». В министре-эмигранте

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

все чаще предпочитали видеть главного виновника морского упадка, который «прекраснейшее и любезнейшее творение Петра... уничтожил совершенно». Когда 7 ноября 1824 года на Петербург обрушилось невиданной мощи наводнение и разбушевавшаяся стихия, уничтожив портовые укрепления, разнесла в щепки все корабли, Траверсе обвинили и в этом.

Разумеется, подливал масла в огонь и сам Иван Иванович, отличавшийся вспыльчивым нравом и плохо знавший русский язык. О сумасбродствах чудака-маркиза ходило немало легенд. Однажды к нему на аудиенцию заявился моряк-вдовец, воспитывавший двух собственных детей и детей умершего друга. Пенсий тогда не полагалось, и моряк пришел за помощью сиротам, но получил отказ. Дважды он возвращался, и все повторялось, пока Траверсе не вспылил: «Ты что же, смеяться надо мной приходишь?» Когда моряк повторил просьбу, министр в запальчивости дал ему пощечину. Ветеран схватился было за кортик, но передумал и печально сказал, показывая на зардевшуюся

Знак ордена Святого Андрея Первозванного на орденской цепи и звезда ордена. Конец XVII века

щеку: «Ладно, ваше сиятельство, это – мне, а сиротам-то что?» Траверсе заплакал, схватил его за руку и... сироты получили пособие. В другой раз маркиз заказал свой портрет и не оговорил с художником цену, а потом счел ее непомерно высокой. Адмирал все-таки заплатил, после чего схватил нож и изрезал полотно...

В 1820-е годы министерская деятельность Траверсе была уже номинальной. Он тяжело заболел и не мог руководить министерством. Встречавший его в феврале 1820 года барон Врангель вспоминал, что маркиз бормотал что-то невнятное, словно по секрету. В марте 1821 года Траверсе во второй раз овдовел и удалился в свое имение Романшину в Лужском уезде, подав прошение об отставке. Император отставку не принял, а пожаловал ему орден Святого Андрея Первозванного и распорядился перенести министерство в Романшину, оставив Траверсе у руля правления. Какое-то время специальный курьер возил бумаги из столицы в Романшину, однако маркиз постепенно уходил от дел. Управление флотом перешло к начальнику Морского штаба Антону фон Моллеру.

Расположенный к маркизу Александр I часто останавливался в его окруженном вековыми лесами имении. Особенно любил император Островно в излучине Луги – озерный край, изобиловавший дичью. На одном из островков стояла деревянная беседка с колоннами, в которой император с маркизом любили чаевничать. В 1831 году, перед смертью, старый маркиз будто бы потерял речь и не успел сказать дочери Марии, в каком месте своего обширного сада он закопал медный сундучок с фамильными драгоценностями. Искатели кладов несколько раз перерывали сад, но сокровищ им найти так и не удалось...

Осталось духовное завещание Траверсе: «России нужен флот, чтобы флаг ее уважали». ❀

L'AMI INCONNU БУНИНА

И.А. Бунин.
Около 1900 года.
Нижний Новгород

АВТОР

АНАСТАСИЯ МАК КЕЙБ [ИРЛАНДИЯ]

В ЯНВАРЕ 1920 ГОДА ИЗ ОДЕССЫ ОТПЛЫЛ ПАРОХОД «СПАРТА». ВСЕ ПАЛУБЫ, ПРОХОДЫ, КАЮТЫ БЫЛИ ЗАБИТЫ ОТЧАЯВШИМИСЯ ЛЮДЬМИ: БОЛЬШИНСТВО ПОКИДАЛИ РОССИЮ НАВСЕГДА. В ИХ ЧИСЛЕ БЫЛИ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН И ЕГО ЖЕНА ВЕРА НИКОЛАЕВНА...

В КОНЦЕ МАРТА 1920 года Бунины прибыли в Париж. Потянулись серые, унылые дни: стесненность в средствах, таявшие день ото дня надежды на скорое возвращение,

громкие слова о единении и политические дразги в эмигрантской среде. Первое время Бунин почти ничего не писал, остро переживая новую реальность. «Сон, дикий сон! Давно ли все это было – сила, богат-

ство, полнота жизни – и все это было наше, наш дом, Россия! – записывает он в дневнике в июне 1921 года. – Полтава, городской сад. Екатер[инослав], Севастополь, залив. Графская пристань, блестящие морск. офицеры и матросы, длинная шляпка в десять гребцов... Сибирь, Москва, меха, драгоценности, сиб[ирский] экспресс, монастыри, соборы, Астрахань, Баку [...] И всему конец! И все это было ведь и моя жизнь! И вот ничего, и даже посл. родных никогда не увидишь! А собственно я и не заметил как следует, как погибла моя жизнь... Впрочем, в этом-то и милость Божия...».

С 1923 года Бунины переселились в Приморские Альпы, в прованский городок Грасс. В Париж они иногда возвращались лишь на зимние месяцы. Мягкий климат и прекрасные пейзажи французской Ривьеры напоминали Бунину любимый Крым. Именно здесь Иван Алексеевич смог вернуться к творчеству. Одним из первых произведений грасского периода стал рассказ «Неизвестный друг».

«Неизвестный друг» – это 14 коротких писем, написанных безымянному русскому писателю женщиной, глубоко тронутой его рассказами. Из писем ясно, что она русская дворянка, живет в Ирландии, на «самых западных берегах Европы» с мужем-французом и подростками детьми, что в ней «больше не нуждаются». Из-за положения мужа ей часто приходится бывать в обществе, принимать гостей, но близких друзей и подруг у нее в Ирландии нет. Сначала незнакомка пишет, не надеясь на реакцию писателя, после умоляет ей ответить, затем требует от него ответа и в конце концов, понимая, что не дожидается письма, перестает писать.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

СЛОВА ВАШИ ЗАПАЛИ В ДУШУ

Рассказ очарователен свежестью и непосредственностью писем героини, имя которой тоже не называется. А ведь прототип героини известен. Равно как и ее письма Ивану Алексеевичу. Наталья Петровна Эспозито – так звали женщину, жившую в Ирландии и переписывавшуюся с Буниным в 1901–1903 годах.

«Неизвестный друг» во многом отражает реальную историю Натальи Петровны, а в рассказе в письмах незнакомки используются фразы, описания событий и чувств из писем Эспозито. Кстати, именно она в переписке называла Бунина *L'amî inconnu* (фр. «неизвестный друг»).

«...Друзей у меня нет, да и не может быть, я слишком различна от здешних дам, а что касается до мужчин, то я не верю в дружбу между женщиной и женщиной. Разве только когда один на крайнем Востоке, а другая на крайнем Западе?..» – писала Наталья Петровна Бунину. И еще: «В России я не была со времени моего замужества, но тем не менее я чисто русская по вкусам и по натуре...» – писала Наталья Петровна Ивану Алексеевичу.

Бунин, в отличие от писателя, в своем рассказе на письма Эспозито отвечал.

Началась эта переписка спонтанно. В сентябре 1901 года редакция журнала «Русская мысль» передала Бунину письмо из Ирландии. Писала женщина, прочитавшая в журнале его рассказы «Костер», «В августе» и «Перевал»:

12 сентября 1901 года.

«Как видите, живу я далеко, далеко от вас, на самых западных пределах Европы и разделяют нас не только горы и реки, земли и моря, но вся наша прожитая жизнь, наша обстановка, наши вкусы и привычки; тем не менее слова, которые ваша рука набросала на листе бумаги, долетели до меня и запали мне в душу. Отчего? Кто знает! Быть может оттого, что и в моей жизни было много трудных и одиноких перевалов и самой не раз приходилось махнуть рукой на жизнь и говорить себе: «Будем брести, пока не свалимся. Дойдем – хорошо, не дойдем – все равно!» <...>

Грасс.

Начало XX века

Наталья

Эспозито-

Хлебникова.

1879 год.

Париж, первый

год замужества

Пишу вам потому, что вы думаете и чувствуете, как и я. Я не обладаю талантом высказывать мои мысли красноречиво и изящно, как вы, но вы даже и плохо высказанное поймете и увидите сразу, что побудило мое письмо. Если не ошиблась, то вы мне ответите...».

Бунин ответил. Может быть, потому, что в 1901 году он не только искал признания читателей, но и переживал разрыв со своей первой женой, Анной Цакни. С ней писатель прожил два года в Одессе, без «особенной любви», хотя дамой она была приятной: «Но вот эта приятность состояла из этого Ланжерона, больших волн на берегу и еще того, что каждый день к обеду была превосходная форель с белым вином, после чего мы часто ездили с ней в оперу».

В декабре 1901 года Эспозито получила ответ от Бунина (письма Ивана Алексеевича не сохранились) и тут же написала ему: 31 декабря 1901 года.

«Желаю вам счастья и благополучия на наступающий Новый год. Ваше письмо меня очень порадовало, оно именно такое, какого я от вас ожидала, хорошее и теплое... Скажите, заметно вам, что я пишу по-русски с затруднениями? С моими родственниками я переписываюсь редко, не о чем писать, наша жизнь разошлась, и общих интересов нет; я единственная русская не только в Дублине, но и по всей Ирландии, так что говорить по-русски не с кем».

О жизни Натальи Эспозито известно не так уж много. В письмах Наталья немного рассказывала о себе, о своей семье и муже – известном пианисте и композиторе Микеле Эспозито. Вот о нем сохранилось гораздо больше воспоминаний современников, а его портрет находится в Национальной галерее Дублина. Живы и родственники семьи Эспозито. В Дублине живет Морган Докрелл – внучатый племянник супруга Веры Эспозито, дочери Натальи Петровны. А в Милане проживает правнук Натальи Петровны – Джанфранко Порчелли. Мне удалось пообщаться с обоими.

ИЗ РОССИИ В ИРЛАНДИЮ

Наталья Эспозито, в девичестве Хлебникова, родилась в Санкт-Петербурге в 1858 году. Ее отец, Петр Алексеевич Хлебников, известный профессор физики Медико-хирургической академии, автор книги «Физика земного шара». Дед, Алексей Иванович Хлебников, потомственный почетный гражданин Астрахани, купец первой гильдии. Двоюродный брат Натальи – поэт Велимир Хлебников, который в числе выдающихся предков указывал не только отца, известного ботаника Владимира Хлебникова, но и дядю – Петра Алексеевича.

Когда Наталье Хлебниковой исполнилось 6 лет, ее родители разошлись, она осталась с отцом. В 1874 году Петр Алексеевич вышел в отставку и уехал с 15-летней дочерью за границу. Хлебниковы жили в Германии, Швейцарии, Франции, Италии. В Неаполе Наталья познакомилась с молодым, подающим надежды итальянским пианистом Микеле Эспозито. Его талантом был впечатлен гастролировавший в Неаполе в то время Антон Рубинштейн. Возможно, он и ввел итальянского пианиста в русские эмигрантские круги. Рубинштейн рекомендовал Эспозито уехать из Неаполя, получить жизненный и музыкальный опыт в других странах.

В 1878 году Наталья и Микеле объявили о помолвке и решили перебраться в Париж. Наталья, которой уже исполнилось 19 лет, была хорошо образованна, говорила на нескольких языках, имела свой доход. В Париж в сопровождении отца она поехала первой. Наталья встретилась с руководством компании Pleyel, производившей рояли, заручилась их поддержкой в организации концерта жениха, распечатала афиши и телеграфировала Микеле, сообщая, что для его приезда все готово.

Популярность в Париже пришла к Микеле достаточно быстро. Не без стараний Натальи. Он давал концерты в салонах богатых русских эмигрантов и

Микеле Эспозито
в молодости

состоятельных семей, например Ротшильдов.

Во Франции в июле 1879 года родилась первая дочь Натальи и Микеле – Бьянка. Семья начала испытывать материальные проблемы: несмотря на растущую известность, конкуренция в Париже среди пианистов была высокой, а страна еще оправлялась от поражения во Франко-прусской войне. Постоянного дохода не было. Както Микеле пожаловался на трудности своему другу Луиджи Каррачиоло – профессору вокала в Королевской ирландской академии в Дублине. И вот, благодаря стараниям Каррачиоло, из Академии Дублина Микеле получил предложение занять место профессора-преподавателя фортепиано. С небольшим, как показалось Эспозито, окладом. Микеле от предложения отказался, но Каррачиоло договорился об увеличении оплаты. Как пишут биографы пианиста, именно Наталья убедила мужа поехать в Дублин весной 1882 года. Наталья и Бьянка приехали к нему в июле.

Возможно, Микеле Эспозито не собирался оставаться в Дублине надолго, но именно здесь он прожил 46 лет, добился успеха, организовал симфонический оркестр, основал и развил ирландскую школу игры на фортепиано. А ведь когда Микеле прибыл в Дублин, он даже не говорил по-английски. Первое время Наталья выступала переводчиком на всех важных встречах мужа.

Им пришлось приложить немало усилий, чтобы приспособиться к жизни в новой стране. Наталье сложно было привыкнуть к ирландскому климату, да и все окружение, вероятно, представлялось необычным. На первый взгляд Дублин был обычным викторианским городом Соединенного Королевства. Но ирландское общество было глубоко разделено по религиозным, социальным и политическим убеждениям. Время переезда Эспозито в Ирландию – это годы волнений и настойчивых призывов к политической автономии страны. К тому же музыкальная жизнь Дублина оказалась весьма скромной по сравнению с Парижем и Неаполем. Существовавшая профессиональная концертная жизнь поддерживалась в основном приезжими артистами, не было профессионального оркестра, оперной или балетной труппы. Так что довольно быстро Микеле Эспозито стал ведущей фигурой музыкального мира Дублина.

РОДСТВЕННАЯ ДУША

В Ирландии у Натальи и Микеле родились еще трое детей: Вера, Нина и Марио. Дома дети говорили на трех языках: английском, итальянском и французском. Дочери получили образование в частном колледже. Сын Марио был развит не по годам. Наталья поощряла его интерес к науке, даже организовала дома лабораторию для опытов. Уже в зрелом возрасте в переписке с бельгийским историком Хубертом Сильвестром Марио вспоминал, что

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

мама часто рассказывала ему в детстве о Вольтере, Канте, Дарвине, а на его 11-летие подарила труд Александра фон Гумбольдта «Космос: план описания физического мира». Однако в подростковом возрасте Марио заинтересовался филологией и в итоге стал ведущим специалистом по средневековой ирландской литературе.

В начале XX века Микеле Эспозито подключился к организации фестиваля классической музыки Feis Ceoil – самого значительного музыкального конкурса Ирландии, существующего и в наши дни. Эспозито продолжал преподавать, основал Дублинское оркестровое общество и стал его дирижером, давал концерты, писал музыку. Все это требовало сил и времени, но и приносило хороший доход: семья в это время не испытывала финансовых затруднений. Биографы Эспозито пишут, что Наталья в то время держала дома салон, в котором принимала писателей и музыкантов. Однако близких по духу людей, видимо, не нашла. Иначе чем объяснить то, что, прочитав рассказы Бунина, она в 1901 году начала писать ему письма?

27 мая 1902 года.

«...Отчего вам, а не кому-либо другому? Потому что перед друзьями и знакомыми носишь маску благоразумия и равнодушия и перед ними стыдно жаловаться и изливать душу – у них у самих душ нет; а перед вами не стыдно – вы в ваших

рассказах свою душу всю показали, и как она мне симпатична и сродственна. <...> потому что в них я вижу вас таким, какой я сама была, я сама передумала и перечувствовала то, что вы описываете. Я даже на Женевском озере в лодке каталась и сама гребла, как и вы, я останавливалась и долго смотрела в синюю прозрачную глубину, отражающую глубину небес».

Среди знакомых Натальи и Микеле Эспозито был ирландский писатель Джеймс Джойс. Они встретились 15 июня 1904 года на ужине у общих знакомых. Вера Эспозито записала в

Ирландский пейзаж. Открытка, отправленная Н.П. Эспозито Бунину 6 апреля 1902 года: «Много благодарю за «Рассказы», которые получила сегодня утром. Меня радует, что Вы меня не забыли. Bien à vous. N. Esposito»

Джеймс Джойс. 1910-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

своем дневнике, что в тот вечер Джойс спел несколько песен под собственный аккомпанемент, и ее отец, впечатленный его тенором, пригласил Джойса зайти к ним. Пять дней спустя Наталья Эспозито с Верой, которая была актрисой, вышли после репетиции из Национального театрального общества и споткнулись о распростертое тело Джойса. Писатель был мертвецки пьян и не дошел до репетиции, на которой собирался присутствовать. Разбуженный Джойс поднял крик, требовал пустить его на репетицию, которая уже закончилась. После этого скандала Эспозито и Джойс больше не встречались. Старшая дочь Натальи, Бьянка Эспозито, преподавала итальянский в школе Берлитц в Дублине, где ее учеником был будущий писатель-драматург Сэмюэл Беккет. Именно Бьянка стала прототипом Адрианы Оттоленги в романе Беккета «Больше лает, чем кусает».

19 июля 1902 года.

«Вы жалеете о протекшей молодости, а вам всего 30 лет! Я много старше вас, а чувствую себя молодой и сильной, жизнь, люди по-прежнему меня интересуют, радость и горе меня волнуют так же сильно, как и в 20 лет. Иллюзий никаких я не потеряла, и я верю в счастье и любовь <...> и ловлю на ходу чудесные минуты, плачу за них дорого, но они того стоят, и утешаюсь мыслью, что к продолжительному счастью легко привыкнуть, и оно перестанет быть счастьем. Ваша молодость в ваших руках, от вас зависит удержать ее, если есть здоровье и работа. Работайте и любите, любите все – женщин и Россию, людей и животных, природу и мужиков – и добивайтесь взаимной любви, хорошо внушать любовь и сознавать свою силу; возбуждать ее по желанию, конечно, не всегда легко дается, но за то удовольствие победы!.. Бороться и достигать. Это же дает вам счастье, помогает жить. Вы молоды, жизнь в вас кипит ключом, не поддавайтесь унынию, увлекайтесь всем, хотя бы даже перепиской со мной, разве она вас не занимает?»

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

Любопытно, что младший брат Микеле Эспозито, Юджинио, также сделал музыкальную карьеру, но не в Ирландии или Италии, а в России. В Россию его пригласил Савва Мамонтов: Юджинио стал главным дирижером мамонтовского театра. Вторым дирижером театра в 1897 году стал Сергей Рахманинов, у которого остались не самые приятные воспоминания об импульсивном и эмоциональном итальянце.

При содействии Юджинио в России познакомились с музыкой Микеле Эспозито. В 1914 году Юджинио организовал в Москве концерт, на котором звучала музыка Эспозито. Микеле и Наталья планировали приехать на концерт. Наталья уже сорок лет не была в России, она хотела навестить отца, давно вернувшегося в Петербург. Но началась Первая мировая война. Поездка в Россию стала невозможной. Со своим братом Микеле увидится гораздо позже в Италии, Юджинио удалось выбраться из Советской России лишь в 1922-м.

С началом войны изменилась ситуация и в Ирландии. Стало не до музыки. В 1914 году закончило существование основанное Эспозито Дублинское оркестровое общество. Сложно сказать, как семья Эспозито относилась к Великой войне. Согласно газетным публикациям, Микеле давал благотворительные концерты в поддержку Красного Креста, а Наталья вошла в комитет по организации помощи итальянским солдатам и их семьям, проживающим в Великобритании...

В Ирландии тем временем нарастали национальные волнения. В 1916 году в Дублине началось Пасхальное восстание, подавленное властями. Зачинщики были расстреляны. Неизвестно, как относились Наталья и Микеле Эспозито к этим событиям, а вот их дети поддерживали идеи независимости страны. И потому удивительно, что в 1917 году Вера Эспо-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Композитор Микеле Эспозито, последние годы работы в Королевской ирландской академии в Дублине

зито вышла замуж за лейтенанта Мориса Докрелла, участника Англо-бурской войны. Он был из семьи протестантов, выступавших за сохранение союза с Великобританией, и не разделял антибританские взгляды Веры. По словам Моргана Докрелла, в начале 1950-х годов его отец, член парламента и тоже Морис Докрелл, пригласил жену своего брата Веру на

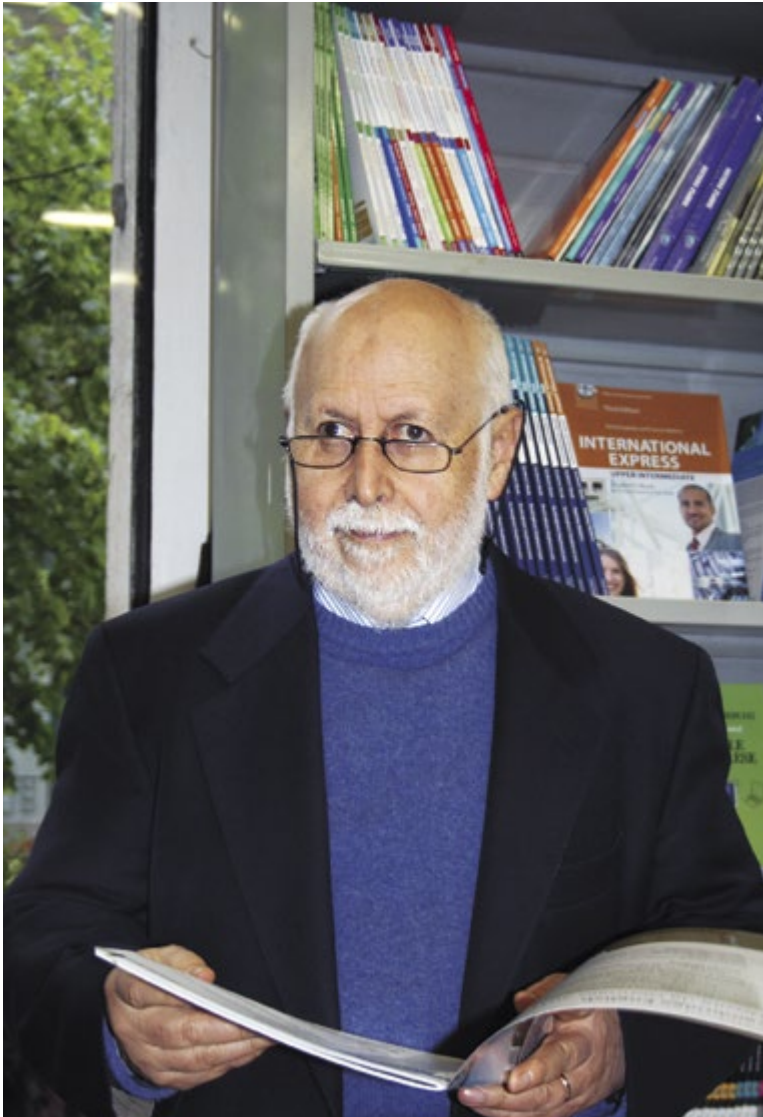
встречу с президентом Ирландии Имоном де Валера. В беседе с ним Вера вспоминала, как прятала оружие участников Ирландской республиканской армии (ИРА) в камине родительского дома. Знали ли об этом Микеле и Наталья Эспозито – неизвестно.

Что же касается Марио, то он поддерживал левую националистическую партию «Шинн Фейн», победившую на выборах 1918 года. Во время войны за независимость Ирландии (1919–1921) он выполнял роль тайного «почтальона»: Марио был освобожден от воинской повинности, его ни в чем не подозревали и разрешили посещать европейские библиотеки, где он занимался изучением средневековых манускриптов. Заодно он передавал сообщения подпольщикам в Ирландии и за ее пределами. Однако в 1920 году, вслед за матерью Натальей Эспозито, Марио навсегда покинул Ирландию и переехал в Италию. Они обосновались во Флоренции, куда в 1924 году переехали Вера и ее муж Морис Докрелл. Еще раньше младшая дочь, Нина, вышла замуж за итальянца Луиджи Порчелли и устроилась в Милане, где в 1914 году у нее родился сын. Об этом мне рассказал правнук Натальи Петровны –

Дублин.
Пасхальное
восстание.
1916 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Профессор
Джанфранко
Порчелли,
преподаватель
английского
языка,
правнук
Наталии
Петровны
Эспозито

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Джанфранко Порчелли, живущий сегодня в Милане. Микеле Эспозито и старшая дочь, Бьянка, приехали во Флоренцию только в 1928 году. Через год Микеле скончался. Наталья Петровна умерла 5 января 1944 года. Ее похоронили рядом с мужем – на кладбище городка Антелла.

Во время Второй мировой войны Марио участвовал в итальянском Сопротивлении. Правда, подробностями Морган Докрелл не располагает: Марио отличался скрытным характером, друзей у него было мало, жены никогда не было. Но вот интересная деталь: одна из книжных полок в доме Марио была сооружена из... немецких указателей движения для танков, которые он во вре-

мя оккупации демонтировал по ночам.

В 1957 году дом Эспозито во Флоренции посетил историк Джон Бойер Белл. Бьянка, Марио и Вера (муж ушел от нее еще в начале 1930-х годов)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иван
Алексеевич
Бунин
(1870–1953).
1929 год. Париж

жили вместе – они перебрались на верхний этаж дома, а нижний сдавали в аренду. Никто из них не работал. Марио изредка продавал книги из своей уникальной библиотеки. В доме проживало невероятное количество кошек. Их сестра Нина жила в Милане, работала преподавателем английского языка, переводила ирландскую литературу, но контакт с семьей не поддерживала.

Бьянка умерла в 1961 году, Вера – в 1967-м, Нина – в 1970-м. Все архивы семьи и сочинения Микеле Эспозито хранились у Марио. Он умер в 1975 году, передав свое имущество по завещанию Ассунте Мекаччи, женщине, что ухаживала за ним и его сестрами много лет. Последней просьбой Марио было сжечь все его документы и письма. Мекаччи выполнила его просьбу. Библиотека Марио была распродана...

Десять писем Наталии Эспозито Ивану Бунину хранятся в бунинском фонде Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева. Судя по тому, что писала Эспозито, Бунин отправил ей пять писем, фотографию и книги с автографом. Были ли среди документов, хранившихся у Марио, письма Ивана Алексеевича Бунина? Были ли они сожжены или до сих пор хранятся где-то? Эти вопросы пока остаются без ответа.

«Через пятнадцать, двадцать лет не будет, вероятно, ни меня, ни Вас в этом мире. До встречи в ином! Кто может быть уверен, что его нет? Ведь мы не понимаем даже своих собственных снов, созданий своего собственного воображения. Наше ли оно, это воображение, то есть, говоря точнее, то, что мы называем нашим воображением, нашими выдумками, нашими мечтами? Нашей ли воле подчиняемся мы, стремясь к той или иной душе, как я стремлюсь к Вашей? Прощайте. Или нет, все-таки до свидания» (Иван Бунин. «Неизвестный друг». Приморские Альпы. 1923 год).

свою эрудицию. Так, в одном из старинных манускриптов под заголовком «Философия крепкая» и соответствующей тайнописью читаем: «Аще кто сия словеса изумет, то правый философ будет; аще кто не умеет сих словес, несть ему называться философом». Самые ранние тайнописные записи появляются в русских

Как правило, при помощи тайнописи «шифровали» имя писца, информацию о времени и месте создания манускрипта, а также соответствующие молитвенные формулы («аминь», «слава Тебе, Боже!» и прочие). Для носителя традиционной книжной культуры прочтение тайнописей, за редким исключением, не составляло особого труда.

Все южно- и восточнославянские тайнописи, включая древнерусскую, так или иначе находятся в зависимости от греко-византийских, редко – латинских. Это не должно удивлять: ведь именно из Византии южными и восточными славянами было воспринято христианство, а вместе с ним и книжность со всеми ее атрибутами. Что касается тайнописи в кириллических книгах русского письма, то довольно часто источником для нее служили южнославянские тайнописные системы. Впрочем, в позднее Средневековье русские тайнописи уже сами порой являлись источником для южнославянских.

Большинство древнерусских тайнописей можно распределить по следующим основным группам: некириллические алфавиты, условные алфавиты, система замен, система измененных знаков, цифирная (также числовая или счетная) тайнопись, изменение обычного порядка букв, фигурное письмо и акростихи. Встречаются также комбинированные тайнописи, сочетающие в себе несколько разновидностей тайнописного письма. Яркий пример последних – подпись к миниатюре 1893 года с изображением городецкого купца Григория Прянишникова, предстоящего Христу Великому Архиепископу, из рукописной копии библейской книги «Песнь песней Соломона» с толкованием. Читается она следующим образом: «Григорей раб Божий приносить Иисусу Христу дело рукъ человеческихъ». В подписи использованы греческая азбука, глаголица и измененные кириллические буквы.

Помимо перечисленных систем к тайнописи также можно отнести так называемый «монокон-

АЛЕКСЕЙ ГУДКОВ, НИКОЛАЙ БУЦКИХ

дил», то есть способ письма, при котором пишущий почти не отрывает пера от бумаги и старается в один прием написать все слово, переплетая буквы и добавляя соединительные штрихи. А также некоторые типы замысловатой вязи – в частности, образцы сложнейшей лигатурной вязи из «Каллиграфического подлинника» Строгановых 1604 года, где над тайнописными строками киноварными чернилами приведена их расшифровка: «сия хитрость плоха, да закрыта», «зри, смотри, разумей», «вижу всю тайну человеческую; помилуй мя, Боже», «хоти мало, да мудре»...

Вязь. «Каллиграфический подлинник» Строгановых. 1604 год. Санкт-Петербургский институт истории РАН

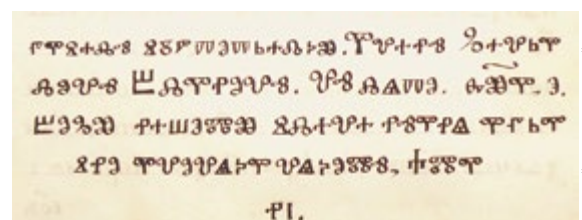
Комбинированная тайнопись. «Песнь песней Соломона» с толкованием. 1893 год. Российская государственная библиотека

ИННЫЕ ПИСЬМЕНА

Первым видом тайнописи в славяно-русской книжности явились некириллические алфавиты. Прежде всего глаголица и греческий; гораздо реже – латиница и изобретенная в XIV веке святителем Стефаном, епископом Пермским, пермская азбука. Как известно, оригинальным славянским письмом, которое, собственно, и создали святые Кирилл и Мефодий, была глаголица. Однако в качестве относительно распространенного славянского алфавита она просуществовала не более двух столетий, сохранившись продолжительное время лишь в Хорватии. Уже к XIV веку знакомство с глаголицей являлось у южных славян, за исключением хорватов, уделом узкой прослойки образованных книжников. На Руси же глаголица и вовсе никогда не употреблялась в качестве основного письма. И если в XI–XII веках многие русские книжники наряду с кириллицей также владели и глаголицей (именовавшейся в то время «куриловицей»), то начиная примерно с XIII столетия она все более забывается и переходит в разряд тайнописи, изредка употребляясь в качестве таковой вплоть до начала XX века. Так, глаголицей написана выходная запись фрагмента рукописи «Устав церковный», переписанной крупнейшим русским каллиграфом Иваном Блиновым в 7408 году «от сотворения мира» (1899/1900 год): «Писать сию тетрадку Иванъ Гавриловъ Блиновъ въ лето 7408-е. Богу нашему слава, ныне и присно, и во веки веком. Аминь».

Распространение тайнописи греческими буквами относится к периоду конца XIV – начала XVI века, то есть ко времени оживления сношений Москов-

Глаголическая тайнопись. Устав церковный. 1899/1900 год. Российская государственная библиотека

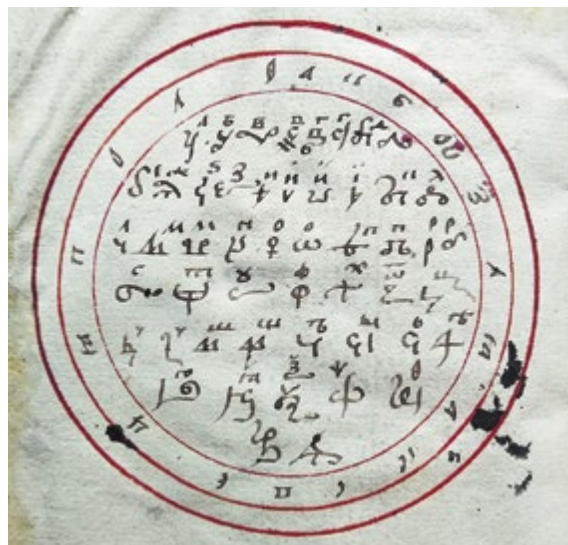

АЛЕКСЕЙ ГУДКОВ, НИКОЛАЙ БУЦКИХ

ской Руси с греками и южными славянами – примеров греческой тайнописи ранее XV столетия пока не выявлено. Интересно, что, записывая славянские слова греческим письмом, русские книгописцы иногда даже пытались изобразить звуки, отсутствовавшие в греческом языке («ж», «ц», «ч» и прочие). С этой целью писец либо ставил хоть чем-то похожую по произношению греческую букву, либо придумывал оригинальное начертание. Порой греческое письмо имело славянские вкрапления. Пример подобной тайнописи – запись священника Гавриила 6964 года «от сотворения мира» (1455/1456 год) в Прологе XV века, переписанном в Старой Руссе: «...а подписаѣ поп ѡаурило роѡественѣи в лето 6964 при великом кнѡѣ баѡилиѣ баѡилиѣѡиѣ при архѣепѡте ѡѡн Кѣѡѡскоѡ вс» («...а подписал поп Гаврило Рожествен[ск]ии в лето 6964 при великом кн[я]зе Василии Василиевичи при архиеп[и]с[ко]пе Ион[е] Киевском вс[ея Руси]»). В конце XVI столетия употребление греческой азбуки в качестве тайнописи постепенно сходит на нет.

Тайнопись латиницей появляется в России еще позже – на рубеже XVI–XVII веков, на фоне активизировавшихся культурных связей с Польшей и Западной Европой. Наиболее ранний пример ее употребления фиксируется на полях рукописи Хронографа начала XVII столетия, где при упоминании военных походов русских князей встречаются написанные готическим почерком слова *bitwa* («битва») и *robieni polk* («побиени[е] полк[ов]»).

Обособленное место в группе «иных писмѣн» занимает изобретенная Стефаном Пермским пермская (зырянская) азбука (анбур), не привившаяся, однако, на практике и уже в XV столетии употреблявшаяся главным образом как тайнопись. Последние записи ею – часто употребляемое писцами слово «зри» («смотри») – относятся к XVII веку. Составляя тайнописные записи, древнерусские книжники не

АЛЕКСЕЙ ГУДКОВ, НИКОЛАЙ БУЦКИХ

ограничивались существующими алфавитами, но также изобретали собственные. В основе большинства из них лежит видоизмененная кириллица, реже – греческое письмо или глаголица. Даже в абсолютно оригинальных на первый взгляд условных азбуках прослеживается связь с материнской основой. Ключи к соответствующим алфавитам помещались, как правило, в грамматических руководствах. Например, в одной из рукописных грамматик XVII столетия встречается помещенная в круг «лопяцевская азбука» с подписанными сверху кириллическими буквами – название азбуки читается во внутреннем кольце против часовой стрелки.

«Лопяцевская азбука».
Грамматика.
XVII век.
Российская национальная библиотека

Простая литорея.
Азбуковник.
1613 год.
Российская национальная библиотека

ПОДМЕННЫЕ БУКВЫ И ИЗМЕНЕННЫЕ ЗНАКИ

Наиболее распространенной из славяно-русских тайнописей являлась система замен одних согласных букв другими – так называемая «литорея» или «литорская» (риторская) система. Самая популярная разновидность литореи – простая литорея – заключается в замене первых десяти согласных букв последующими десятию: б = щ, в = ш, г = ч, д = ц, ж = х, з = ф, к = т, л = с, м = р, н = п. При этом сложные церковнославянские литеры («ѣ», «ѡ» и прочие) в последовательность не включаются, а гласные не изменяются. Древнейший из известных образцов «литорской» тайнописи – пятистрочная запись на Шенкурском Прологе 1229 года, утраченном во время московского пожара в 1812-м. Характерный пример простой литореи – подпись под изображением богослова и переводчика Максима Грека в Азбуковнике 1613 года: «Ратлирь Чметь» («Максимъ Грекъ»).

Помимо простой существовали также другие разновидности литореи с иными, более сложными алгоритмами замены букв, ключи к которым регулярно встречаются в древнерусских рукописях. Различные варианты усложненной риторской тайнописи получили название «мудрая литорея». Исследователь славянских тайнописей Михаил Сперанский насчитывал не менее 17 разновидностей мудрой литореи – все они встречаются в рукописях не старше XVII века. Так, в одном из календарных сборников XVII столетия приведены ключи сразу к нескольким видам риторской азбуки. Ключи оформлены в виде кругов, в центр которых вписано слово «буква», написанное соответствующим вариантом литореи, включая простую («фупха», «ручъса», «шутша», «пущра»).

К мудрой литорее примыкает тайнопись «в квадратах» – еще более усложненный вид риторской азбуки, в которой замене подлежат не только согласные, но и гласные буквы.

Четыре вида
литореи
с ключами.
Календарный
сборник.
XVII век.
Российская
государственная
библиотека

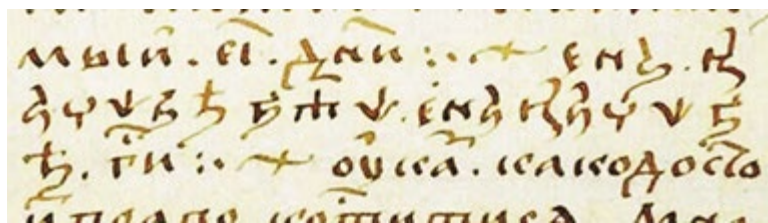
Цифирная тайнопись. Минея
служебная. XVI век. Российская
национальная библиотека

Уже в памятниках XIV столетия встречается тайнопись в форме измененных букв кириллического алфавита, имеющая, в свою очередь, две разновидности: в одном случае писцы деформировали буквы, переворачивали их или прибавляли к обычным начертаниям новые элементы; в другом – писали лишь отдельные части букв, однако с таким расчетом, чтобы между разными буквами не было совпадений. Последняя разновидность подобной тайнописи получила название «полусловица». Известна целая пергаменная рукопись XIV века, переписанная полусловицей, что является уникальным случаем для тайнописи, – Псалтырь с добавлениями из Ватиканской библиотеки. Она же – первый из известных образцов данной тайнописной системы. Другой ранний пример употребления тайнописи в виде измененных литер кириллического письма встречается в Смоленской Псалтыри 1395 года, переписанной иноком Лукой. Яркие образцы этого типа тайнописи также содержатся в сборной рукописи 1549 года, переписанной «попом Титом Крутицким». Тайнописный фрагмент, приведенный на фото, расшифровывается так: «Слава Тебе, Б[о]же, слава Тебе, Г[осподи]». Тайнопись Тита была прочитана благодаря находке в манускрипте XIV столетия, где соответствующее тайнописное место было записано обычным письмом.

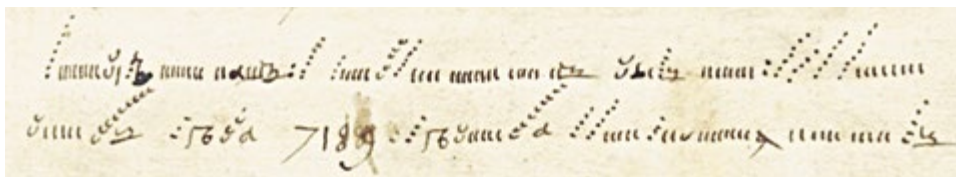
Тайнопись
Тита. Сборник.
1549 год.
Российская
государственная
библиотека

«ТРЕСУГУБАЯ СТОРИЦА»

Вторым по популярности видом тайнописи, уступавшим лишь простой литорее, была цифирная тайнопись, один из наиболее ранних примеров которой зафиксирован в псковском Апостоле 1307 года. В основу цифирной тайнописи лег тот факт, что большинство кириллических букв по образцу греческих имело определенное числовое значение. До введения Петром I так называемых арабских цифр числа записывались именно буквами и их комбинациями, причем в изданиях на церковнославянском языке кириллические цифры употребляются и сегодня: а = 1, в = 2, г = 3, д = 4, е = 5, с = 6, з = 7, и = 8, ѿ = 9, і = 10, к = 20, л = 30, м = 40, н = 50, ѿ̑ = 60, о = 70, п = 80, ч = 90, р = 100, с = 200, т = 300, у = 400, ф = 500, х = 600, ѱ = 700, ѿ̑̑ = 800, ц = 900; вѣ = 12; лѣ = 33; ѱоз = 777 и так далее. Чтобы отличить буквы от цифр, над буквами с числовым значением ставился специальный знак – титло ("). Титло могло ставиться как над каждой буквой в отдельности, так и покрывать все число. В случае тайнописи вместо одной желаемой буквы приводятся две или несколько букв, сумма числовых значений которых дает число, обозначаемое нужной буквой. Как то: а̑(1) + а̑(1) = в (2). Буквы, не имеющие числового значения, при этом не изменяются. Скажем, один из возможных вариантов записи слова «аминь» цифровой тайнописью будет выглядеть так: «а. к̑к. д̑д. к̑л. ѿ̑». Характерный образец цифровой тайнописи содержит писцовая записка одной из Миней XVI столетия на июль–август: «а. м̑м. д̑д. р̑р. а. к̑л. ѿ̑. р̑р. д̑д. ю. ѿ̑. к̑л. д̑д. а̑в. у. а̑в. к̑л. а. а̑в. м̑л. к̑л. г̑в. к̑к. у. к̑к. г̑в. к̑л. д̑д. ю. к̑к. к̑л. м̑л. а̑в. м̑л. а̑в. н̑н. ѿ̑. ш̑. к̑л. м̑л. ю. н̑н. у. ѿ̑. м̑л. ю. а. к̑л.

АЛЕКСЕЙ ГУДКОВ, НИКОЛАЙ БУЦКИХ

Другой вид числовой тайнописи – значковая тайнопись. В своем построении данная тайнопись подразумевает простые начертания, отдельные для букв-единиц, букв-десятков и букв-сотен, которые в разных рукописях могут незначительно отличаться. Например, в значковой тайнописи сборника, переписанного в ноябре 1680 года, единицы обозначаются вертикальными черточками, десятки – точками, а сотни – полукружиями. Записанная цифрами тайнописная запись выглядит так: «80, 8, 200, 1, 30, ь, 8, 2, ашъ, 20, 70, 40, 5, 500, 70, 4, 8, 5, 2, ь, 200, ы, 50, ь, 8, 20, 70, 50, 70, 80, 8, 200, 5, 900, ь, 30, ь, 300, а, 7189, 40, ь, 200, 5, 900, а, 50, 70, 5, 40, 2, 100, 8, а...» («Писаль Ивашько Мефодиев сын иконописецъ лета 7189 месеца ноемврия...»).

«ЧИН БУКВ СОБЛЮДАЯ»

Весьма распространенным видом тайнописи было изменение обычного порядка букв в слове. При использовании подобной тайнописи употребляли несколько приемов: написание слов в обратном порядке, перестановка букв и слогов внутри слова, расположение слов в условном порядке, зеркальное письмо. Простейший пример тайнописной записи с измененным порядком букв дает «выход» рукописи «Поучения Исаака Сирина» XVI века. Писец зашифровал в ней свое имя: «ъданеГ

йыншерг ъласип А» («А писалъ грешный Генадь»). Пожалуй, наиболее «затейливым» вариантом изменения буквенного строя является зеркальное письмо, когда та или иная фраза записывается в зеркальном отражении. Каллиграф Иван Блинов применил его в писцовой записи к Апокалипсису 1895 года. Если поднести к ней зеркало, получаем следующий текст: «Сию книгу писалъ Иванъ Г. Блиновъ дер. Кудашихи в 7403 лето».

Еще по византийским книгам известен такой вид тайнописи, как фигурное письмо. Впрочем, к тайнописи большинство подобных записей относится лишь условно – речь идет, скорее, о красоте. Чаше всего тексты оформлялись в виде креста. Но известны и иные виды фигурной тайнописи. В частности, рукопись «Орел Российский» – своеобразная энциклопедия барочной книжности за авторством Симеона Полоцкого – дает нам пример фигурного письма в форме сердца. При этом сам текст с благопожеланиями царю Алексею Михайловичу и членам его семьи помещен под евангельским заголовком «от избытка сердца уста глаголють» (Лк. 6:45). С проникновением в Россию в XVII веке силлабической поэзии появляется и такой специфический вид тайнописи, как акростих (также «акростихида», «краестроение» и «краеграние»),

Значковая тайнопись. Сборник. 1680 год. Библиотека Российской академии наук

АЛЕКСЕЙ ГУДКОВ, НИКОЛАЙ БУЦКИХ

АЛЕКСЕЙ ГУДКОВ, НИКОЛАЙ БУЦКИХ

Фигурное письмо. «Орел Российский». 1667 год. Библиотека Российской академии наук

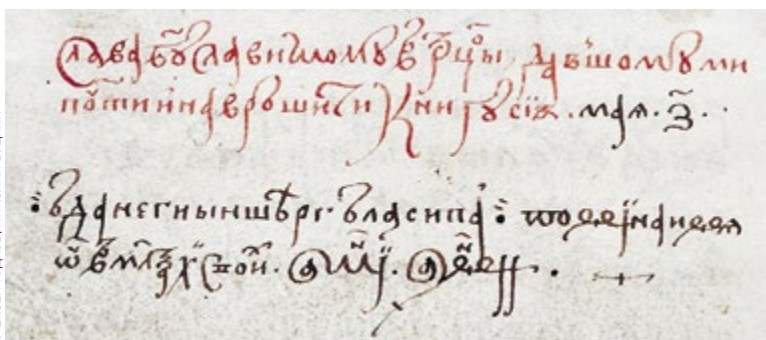
при котором шифруемый текст складывается из начальных букв каждой строки стихотворения. Акростих в своих сочинениях использовали такие выдающиеся книжники XVII столетия, как Симеон Полоцкий и Карион Истомин. В вышеупомянутом «Орле Российском» Симеон Полоцкий поместил панегирик царю Алексею Михайловичу, оформленный в виде акростиха, по первым буквам столбцов которого читаем: «Царю Алексею Михайловичу подай Господи многа лета». Кроме того, существует ряд тайнописных записей, которые не поддаются строгой классификации. Например, в Киевском летописце 1695 года встречаем довольно незамысловатую тайнопись в виде двух столбцов на полях рукописи. Запись гласит: «А писалъ Дмитрий Ионинъ сынъ поповъ».

АЛЕКСЕЙ ГУДКОВ, НИКОЛАЙ БУЦКИХ

Обратное письмо. «Поучения Исаака Сирина». XVI век. Российская национальная библиотека

Тайнопись «в столбцах». Киевский летописец. 1695 год. Российская национальная библиотека

АЛЕКСЕЙ ГУДКОВ, НИКОЛАЙ БУЦКИХ

АЛЕКСЕЙ ГУДКОВ, НИКОЛАЙ БУЦКИХ

Другой пример авторской тайнописи находим в конце рукописи «Орел Российский»: под тайнописной записью, в которой он зашифровал свое имя, Симеон Полоцкий поместил ключ к ее прочтению («третье на пред, чин букв соблюдая», то есть «третья буква наперед») и перечень литер в алфавитном порядке, с выделенными черным буквами имени «Сѹмевн».

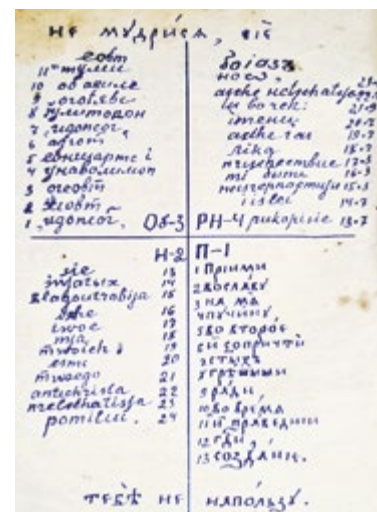
ЗАГАДКИ И РАЗГАДКИ

Подавляющее большинство тайнописных записей славяно-русских манускриптов прочитывается современными исследователями без каких-либо проблем. Тем не менее и сегодня на пути изучения древнерусских тайнописей встречаются весьма сложные задачи и неразрешенные загадки. Встречались они и ранее. Так, лишь в XIX столетии были расшифрованы забытые тайнописи, отлитые на знаменитом звенигородском колоколе – уникальном памятнике, созданном в 1667–1668 годах по приказу царя Алексея Михайловича и уничтоженном советскими властями в 1941-м. Запись, включавшая шесть отдельных тайнописных систем, как и следовало ожидать, содержала информацию об обстоятельствах отливки колокола. Автором всех шести тайнописей, по всей видимости, являлся сам Алексей Михайлович, известный любитель «хитрого» и «затейливого» письма. Прочтение тайнописей стало возможным благодаря сохранившейся рукописи с их дешифровкой («Подписи новы на колоколах в Савине монастыре Сторожевского»). В 2016 году филологи Андрей Зализняк и Алексей Гишпиус расшифровали сложнейшую тайнопись за авторством Серапиона – новгородского книжника XV века. Тайнописная запись, привлекая внимание ученых, содержится в рукописном сборнике, составленном Серапионом в 1431 году. Оказалось, что за тайнописью Серапиона скрывалось довольно распространенное в русской книжности греческое стихотворение, которое в переводе на современный русский язык звучит так: «О человек! Если ты достигнешь небес и облаков, и если ты сочтешь шагами землю и морскую глубину, и если ты превзойдешь оленя в скорости бега, и если ты станешь обладателем золота и сапфира, ты не избежешь надгробного камня длиной в три локтя». Другая, не столь сложная и известная, но крайне интересная по форме тайнописная запись была дешифрована в октябре 2019 года Анной Михеевой, сотрудницей лаборатории археографических исследований Уральского университета. Обнародованию тайнописи предшествовало приобщение осенью того же года Санкт-Петербургским коллекционером Виктором Смирновым необычного манускрипта: невзрачная рукопись на тетрадных листах содержала копию «Трезвонов» – собрание служб святым, начало которых сопровождалось колокольным трезвонном. Манускрипт был переписан в 1946 году с печатного издания 1914 года. Создатель рукописи не ограничился копированием богослужебного текста и поместил в конце книги оригинальную тайнописную запись, озаглавив ее словами «не мудрися, сие тебе не на пользу». Запись сочетает в себе сразу несколько типов тайнописи: латиницу, обратный порядок букв в словах и самих слов. Итог ее дешифровки таков: «Приими Господи, рукопис[ан]ие сие во славу святых Твоих и излей на мя благоутробия Твоего неисчерпаемую пучину. И помиловану ми быти во Второе и страшное пришествие Твое. И сопричти мя тогда лика святых Твоих, Господи, аще и аз грешный есть, но помилуй, имени ради святого Твоего. Ты бо рех: аще не тщатся во время, елика бо прельщатся имути и праведники. Но о, Господи, помилуй, бо и аз создание Твое». По сей день имеется ряд так и не прочитанных тайнописных записей. В частности, в уже упомянутом собрании Виктора Смирнова подобной записью завершается список Жития святителя Николая Мирликийского: «Выписано и сличено 1895 года апреля 1. Списал сию благодухновенную книгу с. т. к. е. ф. к. с. р.». Но, пожалуй, наиболее известная из не расшифрованных на сегодня славяно-русских тайнописей принадлежит псковскому священнику Диомиду – переписчику Апостола 1307 года. Текст зашифрованной записи гласит: «пять земель, две тме, море, мудры разумееть». Что имел в виду книгописец, пока не ясно. ❶

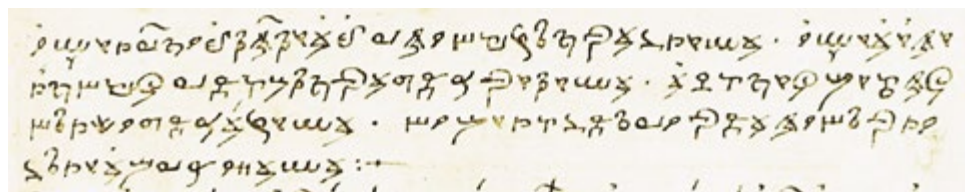
Тайнописи
звенигородского
колокола.
1667 год. Копия
Г.И. Спасского.
XIX век

Тайнопись
Серапиона.
Сборник.
1431 год.
Российская
государственная
библиотека

пиона – новгородского книжника XV века. Тайнописная запись, привлекая внимание ученых, содержится в рукописном сборнике, составленном Серапионом в 1431 году. Оказалось, что за тайнописью Серапиона скрывалось довольно распространенное в русской книжности греческое стихотворение, которое в переводе на современный русский язык звучит так: «О человек! Если ты достигнешь небес и облаков, и если ты сочтешь шагами землю и морскую глубину, и если ты превзойдешь оленя в скорости бега, и если ты станешь обладателем золота и сапфира, ты не избежешь надгробного камня длиной в три локтя». Другая, не столь сложная и известная, но крайне интересная по форме тайнописная запись была дешифрована в октябре 2019 года Анной Михеевой, сотрудницей лаборатории археографических исследований Уральского университета. Обнародованию тайнописи предшествовало приобщение осенью того же года Санкт-Петербургским коллекционером Виктором Смирновым необычного манускрипта: невзрачная рукопись на тетрадных листах содержала копию «Трезвонов» – собрание служб святым, начало которых сопровождалось колокольным трезвонном. Манускрипт был переписан в 1946 году с печатного издания 1914 года. Создатель рукописи не ограничился копированием богослужебного текста и поместил в конце книги оригинальную тайнописную запись, озаглавив ее словами «не мудрися, сие тебе не на пользу». Запись сочетает в себе сразу несколько типов тайнописи: латиницу, обратный порядок букв в словах и самих слов. Итог ее дешифровки таков: «Приими Господи, рукопис[ан]ие сие во славу святых Твоих и излей на мя благоутробия Твоего неисчерпаемую пучину. И помиловану ми быти во Второе и страшное пришествие Твое. И сопричти мя тогда лика святых Твоих, Господи, аще и аз грешный есть, но помилуй, имени ради святого Твоего. Ты бо рех: аще не тщатся во время, елика бо прельщатся имути и праведники. Но о, Господи, помилуй, бо и аз создание Твое». По сей день имеется ряд так и не прочитанных тайнописных записей. В частности, в уже упомянутом собрании Виктора Смирнова подобной записью завершается список Жития святителя Николая Мирликийского: «Выписано и сличено 1895 года апреля 1. Списал сию благодухновенную книгу с. т. к. е. ф. к. с. р.». Но, пожалуй, наиболее известная из не расшифрованных на сегодня славяно-русских тайнописей принадлежит псковскому священнику Диомиду – переписчику Апостола 1307 года. Текст зашифрованной записи гласит: «пять земель, две тме, море, мудры разумееть». Что имел в виду книгописец, пока не ясно. ❶

Комбинированная тайнопись.
«Трезвоны». 1946 год. Собрание
В.В. Смирнова

НЕВОЛЬНЫЙ СТРАННИК

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

КНИГУ О СВОИХ ПОХОЖДЕНИЯХ ОН НАЗВАЛ ОЧЕНЬ ТОЧНО: «НЕЩАСТНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНИЯ». У КУПЦА ВАСИЛИЯ ЯКОВЛЕВИЧА БАРАНЩИКОВА БЫЛИ НА ТО ОСНОВАНИЯ. ОН БЫЛ ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ РУССКИХ, ПОБЫВАВШИХ НА ОСТРОВАХ КАРИБСКОГО МОРЯ. ПРАВДА, АМЕРИКУ ОН ОТКРЫВАЛ НЕ С ТОРГОВОЙ МИССИЕЙ, А УГОДИВ В РАБСТВО.

РОДИТЕЛИ ВАСИЛИЯ Баранщикова, родившиеся в Нижнем Новгороде в 1756 году, по всей видимости, были выходцами из крестьян. В 23 года молодой человек уже обладал некоторым капиталом, что позволило ему записаться в купцы второй гильдии. Баранщиков занимался выделкой и продажей кожи. Дела у него шли не особенно хорошо: долги росли, а жену с тремя детьми нужно было содержать. В начале 1780 года Василий пытался

исправить ситуацию: загрузившись «кожевенным товаром», отправился на великопостную

Первое издание «Нещастных приключений» для того времени считалось «очень опрятным». 1787 год

Нижний Новгород XVIII века. Гравюра Питера ван дер Аа

ярмарку в Ростов. Расторговался хорошо. Но был ограблен. Домой ему возвращаться не хотелось: там ждали кредиторы. Василий продал лошадей и на вырученные деньги поехал в Петербург искать удачи. И, кажется, нашел: нанялся матросом на корабль «с зарплатою кроме пищи на каждый месяц по десяти рублей», как он вспоминал потом в своей книге. В середине сентября 1780 года судно направилось во Францию с «мачтовым лесом».

В Копенгагене, где корабль остановился для пополнения продовольственных запасов, и начались его «невольные» странствия. За кружкой пива Баранщиков познакомился с датскими матросами. Переводчиком выступал некий «нарядный плут», представившийся русским из Риги. Пьяного Баранщикова заманили на датский корабль, где без церемоний приковали за ногу в трюме.

В СОЛДАТЫ НА РАЙСКИЙ ОСТРОВ

На другой день русскому пленнику объяснили, что его везут в Америку. «Нарядный плут» призывал Василия не горевать, обещал «житье доброе», говорил, что и сам был поневоле отвезен в Новый Свет, а теперь уж и в деле со всеми. В трюме томились еще шесть человек: швед и пять немцев. Уже в море узников расковали, переодели датскими матросами и заставили выполнять черную работу.

В июне 1781 года корабль причалил к небольшому острову Святого Фомы – одному из Виргинских островов в Карибском море, которым тогда владела Дания. Всех семерых пленников «поверстали» в солдаты. В этом, собственно, и со-

Плантация сахарного тростника на островах Карибского моря в начале XIX века

стоял замысел похитителей: добровольно ехать на райский тропический остров в те времена желающих не было. Платили солдатам «в сутки по 12 штиверов датской серебряной монеты», что в пересчете на российские деньги получалось несколько меньше, нежели Баранщиков зарабатывал матросом. Помимо жалованья он получал «печеного хлеба по фунту и литру самого плохого, по их названию шкофта. Оный гораздо хуже нашего российского, да и черен, ибо состоит из произрастания, называемого датчанами платна банана, и варили кофий всякое утро по нарочитой чашке с сахарным песком...».

«Банану» Василий видел впервые, вполне ею был доволен, употреблял во всех вариантах приготовления: «банана очень сытна, оную можно есть, кроме сырой, соленую, вареную, печеную и жареную». Выдавали солдатам в день и по одному кокосу – совсем, как оказывается, не диковинный плод в екатерининской России. Баранщиков пишет, что кокосы, продававшиеся на рынках Санкт-Петербурга, известны «всем почти россиянам». А вот о сахарном песке в русском народе полагали, «будто есть сего песку целые горы». Баранщиков развеивает миф: «плод сей подобен российской траве ангелике или, попросту назвать, борщу или коровнику» (разновидность купыря. – Прим. авт.). Впечатлило его и то, как островитяне с помощью диких обезьян добывали кокосы. Окажись обезьяна на пальме, жители «нарочно обезьян пугают, дразнят, мечут в них небольшие камешками; напротив того, обезьяны с дерева кокосова бросают поворно спелые орехи».

ДЕСЯТЬ КЛЕЙМ «МИШЕЛЯ НИКОЛАЕВА»

В общем, жилось на датской службе неплохо. Только имя Василий офицеры не могли выговорить и нарекли русского легионера «Мишель Николаев». В свою очередь, Баранщиков «никак не мог приобыкнуть к датскому языку и сделался непонятен в учении ружьем». Первое время это было ему даже на пользу: за провинности Василия не били палками, как других солдат, понимавших датский язык. Через два месяца службы «Мишеля» обменяли на двух негров, и он оказался у испанского генерала с острова Пуэрто-Рико. У нового хозяина левую руку пленника заклеили сразу 9 клеймами: «1) святою Мариею, держащею в правой руке розу, а в левой тюльпан, 2) кораблем с опущенным якорем на канате в воду, 3) сияющим солнцем, 4) северною звездою, 5) полумесяцем, 6) четырьмя маленькими северными звездами, 7) а на кисти той левой руки осьмью угольником, 8) клеймом, означющим 1783 год, 9) буквами М.Н., то есть Мишель Николаев». Зачем

Пуэрто-Рико довольно крупный остров, который начал активно заселяться именно в годы путешествия Баранщикова

понадобилось столько странных клейм, Баранщиков не объясняет, распространяясь вместо того о болезненной процедуре выведения «изящных татуировок» с помощью «железных машинок» с иглами, натертыми порошком.

На этом острове Баранщиков прожил полтора года. При этом ничего о жизни его обитателей не сообщает. Видимо, сосредоточился на службе: чистил кастрюли и котлы на кухне, рубил дрова, носил воду и... к «неожиданной радости» научился говорить по-испански. Да так, что растрогал генеральскую супругу историей своего пленения и брошенными на произвол судьбы детьми. Генерал по просьбе супруги пленника освободил, выдал испанский паспорт, щедро вознаградив суммой, эквивалентной 13 российским рублям, и устроил матросом на итальянский купеческий корабль, следующий в Геную.

У берегов Северной Африки странника ждало самое «несчастное» приключение: корабль захватили «тунисские» пираты. Баранщикова «принужденно обрезают в магометанскую свою веру», заклеили солнцем на правой руке и отдали пиратскому капитану Магомету.

КАША С ТЮЛЕНЬИМ ЖИРОМ

На сей раз Василия нарекли Ислямом. Капитан отвез новоиспеченного раба к себе домой – в Палестину, в город «Вифлием», как пишет Баранщиков. Видимо, это был небольшой портовый город, который сейчас трудно идентифицировать. К библейскому Вифлеему он отношения не имеет. Магомет определил Исляма прислуживать «кофишенком» – варить кофе, что случилось ему делать до 15 раз в день. Также приходилось ему развлекать четырех жен хозяина – в этом Баранщиков по-настоящему преуспел. Турецкий язык он освоил быстро. Василий удивлял и смешил барышень тем, как едят кашу по-русски. Сварил из «сарацинского пшена» (риса) горшок каши, приправив ее тюленьим жиром – «та каша разопрела, и у него горшок треснул». Кофишенк

Бенжамен Патерсен. Вид Английской набережной и Галерного двора с Васильевского острова в Санкт-Петербурге

на глазах изумленных дам «нарочно съел горшок каши и встал как будто голоден». Скверный на вкус тюлений жир Баранщиков положил, потому как сливочное масло в «Вифлиеме» было дорого. Но жен больше впечатлило, что кашеед остался невредим: вслед за горшком, по их мнению, «должно брюху треснуть». Представление Василий повторял перед Магометом и его гостями – у всех пользовался успехом, так что его и деньгами одаривали. А потому как не всякий горшок лопался, «умудрился он покупать пузыри и нарочно кричал, что каша поспела, и, положив пузырь на огонь, производил такой звук, будто бы горшок лопнул».

Пробыв у Магомета более полутора лет, Баранщиков решил бежать. Но дороги он не знал и был пойман на третий день. В наказание его жестоко били самшитовыми палками по пяткам, после чего ходить он не мог целый месяц. Едва оправившись, задумал новый побег. Помог ему хозяин одного из купеческих кораблей в порту – грек Христофор. Василий поведал ему свою историю. Христофор спрятал пленника у себя на корабле и обещал доставить к русскому посланнику в Константинополь – при условии, что он послужит ему в качестве матроса во время торгового рейда в Венецию.

КЛЕЙМО «ПРАВОСЛАВНОЕ»

Христофор оказался человеком увлекающимся. В ближайшем порту, Яффе, он вдруг решил присоединиться к группе европейцев, направляющихся в Иерусалим. До Святого города шли пешком три дня. В отличие от прочих попутчиков Христофор с Василием собирались совершить паломничество. «К нещастию», в храм Гроба Господня они не попали: паломников собралось слишком мало, и они не смогли заплатить установленную султаном подать за посещение храма. Баранщиков обмерил шагами святыню вокруг, и на сей раз, «к счастью», греческий священник из соседней церкви присоединил «при-

Провинциальный город Османской империи XVIII века.

Примерно так выглядела жизнь «Вифлиема» у Баранщикова

нужденно обрезанного» к православно́й вере. В качестве подтверждения он заклеил правую руку Василия образом Распятия Господня. Уверял, будто мусульмане теперь им будут «гнушаться, а особливо если к чему он прикоснется или возьмет что, то оную вещь должны они, по закону Магометову, продать или бросить».

В Венеции, по строгости законов в отношении приезжих, пришлось Баранщикову рассказать свои злоключения с самого начала и предъявить испанский паспорт. Власти так прониклись сочувствием, что выдали скитальцу венецианский паспорт «с изображением на оном почитающего в Венеции Святого Апостола и евангелиста Марка». Имея два паспорта, тут бы Василию удобно было сразу отправиться в Россию, тем паче «многие благоприятствовали» ему. Но он решил не изменять данному слову и плыть с Христофором до османской столицы. Помотав своего матроса по Малой Азии, Христофор наконец высадил его в Константинополе, не заплатив за службу «ни одной копейки».

Венеция XVIII века. Видимо, здесь Баранщиков освоил итальянский язык

«НУЖДОЮ ОТУРЧАЛ»

Баранщиков тут же направился в район Пера – к русскому посланнику Якову Ивановичу Булгакову. Здесь его поджидало очередное несчастье – на сей раз в лице «домоправителя» российского дипломата. Из-за вспышки моровой язвы Булгаков переселился в летнюю резиденцию на мысе Бююк-дере, куда никого из Константинополя не пускали. А на «домоправителя» история Баранщикова впечатления не произвела – он велел ему больше не приходить, пригрозив сдать турецким властям. Напоследок добавил: «много вас таких бродяг, и вы все рассказываете, что нуждою отурчали».

Вместо «бродяг» Василий встречал в городе русских купцов, упрашивая их взять его в Россию. Но никто не осмелился на такое пойти – по мнению торговцев, то была «великая» опасность.

«Обремененный крайнею бедностью, пошел в унынии и слезах» к пристани, где швартуются иностранные корабли. Нашел там черновую работу, получая в пересчете на российские деньги до 1 рубля 20 копеек в день. Вспоминая его прошлые заработки, вроде бы неплохо. Однако «по дороговизне харча в Константинополе» заработка едва хватало только на питание. А обувь, как отмечает Василий, также была в дороговизне, притом не выдерживала более трех недель носки. Так он маялся в порту полгода, пока не нашел наконец именно «отуреченного бродягу», да к тому же земляка – бывшего сапожника из Арзамаса по имени Гусман. Из «бродяги» он давно превратил-

Яков Иванович Булгаков (1743–1809), искусный дипломат, много сделавший для российско-турецких отношений

ся в состоятельного мусульманина, показал Баранщикову свой дом на престижной улице Топхане, трех жен... Скитальцем он заинтересовался: говорил, что после моровой язвы русских в городе осталось очень мало, и склонял Василия принять ислам, обещая такую же устроенную жизнь. По наивности Баранщиков тут и выложил ему историю с пленением и «принужденным обрезанием». После чего Гусман сразу переменялся, при своих женах отчитывал земляка по-турецки: «Для чего ж ты, будучи в Магометовом законе, носишь одежду греческую? Ты знаешь ли, что за сие смерть определена?»

НЕВОЛЬНИК У ЗЕМЛЯКА

Страшал Гусман неспроста. Запер ошарашенного Василия дома, а сам сходил за имамом Ибрагимом – своим приятелем, выписавшим Баранщикову документ о добровольном принятии ислама с наречением имени Ислям. Затем «сей изверг Гусман» надел на него турецкую чалму и повел на заработки. Баранщикову надлежало выдавать себя за новообращенного, не понимающего турецкий язык, а только он «в четыре дни научен читать имамом Ибрагим Бабою» одной мусульманской молитве. Дело в том, что неофитам разрешалось в течение недели просить у правоверных мусульман милость. Так они ходили по домам состоятельных турок и мечетям: Гусман приво-

Святая София, византийский храм, служивший главной мечетью османской столицы

дил слушателей в изумление рассказами о приключениях новообращенного, Баранщиков, в свою очередь, тараторил заученную молитву. Побывали они и в главной мечети города – бывшем храме Святой Софии. Баранщиков знал об этой великой православной святыни, но на ее великолепие никакого внимания не обратил, видимо, слишком был подавлен происходящим.

За неделю насобирали они огромную сумму – 240 рублей в российском эквиваленте. Василию досталась только половина, остальное забрал Гусман, припугнув земляка доносом о его христианском клейме на правой руке.

Великий визирь за переход в ислам помимо щедрого вознаграждения взял Баранщикова на службу янычаром. Началась новая жизнь... Служил янычар Ислям в качестве стражника у дворцовых врат, имея при себе «изрядное платье, два пистоleta и кинжал».

Обучение янычар стрельбе из ружья

Не прошло и недели, как Гусман задумал новую аферу, а может, и сжалился над земляком – действиям его порой трудно найти объяснение. Предложил Василию жениться на 18-летней сестре своей жены. Для убедительности привел еще и имама Ибрагима, утверждавшего, что по мусульманскому закону нужно непременно жениться. Помня «Гусманово коварство», отказаться Баранщиков не решился.

НЕВОЛЬНИК У ЖЕНЫ

До самого бракосочетания лица невесты он не видел: из-за паранджи он мог видеть только глаза и руки, ногти на которых были выкрашены в красный цвет. Брак был закреплен договором, по которому, если Ислям «оставит свою жену, буде она нелюба ему покажется, то должен заплатить ей 50 левков, то есть 30 рублей пени; ибо там всякий муж имеет право свою жену бросить или отослать от себя, заплатив по договору деньги».

Из холостяцкой казармы Василий переселился в дом тестя, неподалеку от Топхане. Молодая жена оказалась набожной и «всегда подозревала его в вере мусульманской». Однажды даже донесла на мужа имаму о «неумовении и нечтении молитв», за что Исляма едва не подвергли наказанию.

Баранщикова приводила в «крайнее удивление и содрогание» жестокость наказаний у османов. С места службы он лицеизредел голову анатолийского пашы, выставленную на всеобщее обозрение с указанием вины чиновника. Продавец хлеба без трех пальцев на руке поведаль, как карают за обвешивание на рынке: если проверяющий выяснит, что «нет против положенного весу хотя в одном хлебе 10 драхм (около 130 граммов. – Прим. авт.)», то палач тут же отрубает торговцу палец на руке. За обвес в 3–9 драхм бьют по пяткам палками.

Баранщиков прослужил янычаром почти год. При этом ни разу «не был ни ружьем, ни на сабле, ниже стрелять из пистолетов обучаем». Вместо того Гусман научил его шить турецкие сапоги, да так хорошо, что «крепкое шитье»

Исляма стало известно в районе и приносило хороший доход. Солидный заработок янычара-сапожника приметил имам Ибрагим. На сей раз он «духовною властью» повелел взять Баранщикову вторую жену – дескать, так по закону положено с его доходом... Василий после этого окончательно решил бежать в Россию. Ему повезло встретиться с русским дипкурьером, который из сочувствия подробно описал страждущему дорогу до российской границы и то, «как ему в пути должно поступать или обходиться с разными жителями».

В РОССИЮ ЗА «ДОБРОМ»

К побегу Василий подготовился тщательно. Бежать надлежало сразу после получения жалованья на смотре у великого визиря. Собираясь на смотр, он взял с собой два паспорта – испанский и венецианский. Жене объяснил, что это русские деньги, которые ему обещал обменивать российский курьер. Для великого визиря тесть придел Василия в лучшем виде: «дал ему богатый свой шелковый кушак, или пояс, золотом перетканый, кинжал, оправленный жемчугом, красными и зелеными яхонтами, и два пистоleta с золотою насечкою». Получив жалованье, Баранщиков отправился к своему сообщнику – греку Спиридону. Переоделся у него в греческую одежду и на следующий день, 29 июля 1785 года, отправился в путь. Шел непрерывно почти полгода, «претерпевая в незнаемой дороге великие трудности». Василий подробно записал свой путь, проходивший по землям нынешних Болгарии, Румынии, Молдавии и Западной Украины. Задержался он только на берегу Дуная в поселениях казаков-староверов. По всей видимости, то были ближайшие к Босфору казачьи села в районе болгарской Силистры, где староверы живут до сих пор. Василий пишет, что познакомился с ними еще в Константинополе, куда казаки привозили соленую рыбу. Знакомые казаки приняли Баранщикова «очень ласково» и убеждали остаться, го-

Киев на гравюре XVIII века. В Киев Баранщиков прибыл под арестом из Васильковского форпоста

ворили, что в России «добра не найдешь». Баранщиков, напротив, искал на родине «добра» и пытался заручиться попутчиком: увещал староверов, что императрица беглых казаков прощает, дает «в Херсоне на поселение дом, лошадь, корову и овцу и несколько денег». На бывалых казаков обещания не подействовали, и Василий продолжил путь один. На Западной Украине деньги у него закончились, пришлось просить подаяние. Язык и милостыня довели его до Киева. Председатель Киевского наместничества генерал Семен Ермолаевич Ширков облагодетельствовал Баранщикова «яко первого выходца из Турции»: пожаловал ему 5 рублей на дорогу, выдал российский паспорт и отправил в родной Нижний Новгород.

ПЕРЕМЕНА «ЗЛОПОЛУЧИЙ ВО БЛАГО»

На родине Баранщикова ждало продолжение «нечастий». Один ребенок его умер, жена с двумя детьми пребывала «в самой сущей бедности». Тот еще был вид и у самого пришельца – супруга «не скоро его узнала». Городской магистрат затребовал с него, как с купца второй гильдии, подати за прошедшие шесть лет. А так как

Солеварение было тяжелейшим трудом – соль разъедала кожу и вызывала заболевания органов дыхания

платить ему было нечем, Василия взяли под стражу. Через полтора месяца все же освободили – вступился нижегородский губернатор Иван Михайлович Ребендер, который заинтересовался «путешественником», лично расспросил его и пожаловал 15 рублей.

Едва Баранщиков освободился, появились кредиторы, требовавшие уплату долгов на 230 рублей. Пришлось продать дом, причем всего за 45 рублей. Баранщиков взывал к милосердию, в доказательство своих злоключений показывал многочисленные клейма на теле, предъявлял два паспорта, демонстрировал знание испанского, итальянского и турецкого языков, уверяя притом, что «столь простому человеку, как бы он худо ни говорил, научиться вскорости не можно». Кредиторов это не тронуло. В уплату оставшегося долга городской магистрат постановил отрабатывать Баранщикову восемь лет на соляных варницах в Балахне – по существу, на каторге. Только благодаря заступничеству губернатора его освободили и выдали пропуск в Санкт-Петербург. В столицу он прибыл в конце апреля 1787 года. Отбыл десятидневное покаяние в Александро-Невской лавре. После чего был приобщен Святых Христовых Тайн и получил соответствующий «билет». С этим билетом и рассказом о странствиях он «являлся у многих знатных особ», находя у них интерес и сочувствие. Вроде бы Баранщиков удостоился и аудиенции императрицы Екатерины II. Благодетели заплатили его долги и помогли вскоре издать книгу о странствиях, что также принесло доход. «Виновников перемены злополучий его во благо» он перечислил поименно в конце своей книги.

Неизвестно, насколько дальнейшая жизнь Василия Яковлевича была «во благо» – каких-либо сведений о нем не сохранилось. Неизвестно даже, когда он умер. Книга же его стала весьма популярной. «Нечастные приключения Василья Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода, в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 г.» за шесть

лет выдержали четыре издания – последнее в 1793 году. Кажется, и земляки смиростивились над путешественником. Во всяком случае, нижегородский поэт Яков Орлов написал оду родному городу, где Баранщиков упоминается среди великих горожан наряду с Мининым и Кулибиным:

*Вот Нижний каковых на свет
людей рождает,*

*Баранщикова-свет еще ли свет
не знает?*

Эхо: знает!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КНИЖНЫЕ

После Отечественной войны 1812 года «Нешастный приключения» были забыты. Только в самом конце XIX века книгу заметили некоторые литераторы, в частности Николай Лесков. «Дрянной человек», приспособленец, «удалецкими скасками» выпрашивающий милость у влиятельных людей – так немилосердно отчитывал темпераментный писатель Баранщикова. Надо сказать, тогда Лесков ополчился на Николая Ашинова – «вольного казака», пыгавшегося создать русское поселение в Эфиопии. В связи с Ашиновым писатель и вспоминает Баранщикова – вроде того, что два сапога пара, авантюристы.

Другие исследователи считали Баранщикова лицом вымышленным – настолько невероятными казались его «приключения». Авторство книги приписывали Федору Васильевичу Каржавину – путешественнику и литератору, примерно в те же годы побывавшему на островах Карибского моря (см.: «Русский мир.ru» №10 за 2020 год, статья «Исполнен русским неунывающим духом». – Прим. ред.). Хотя если сопоставить даты, в год публикации книги Каржавин был еще в Америке – в Россию он вернулся только в 1790 году. Как будто в ответ скептикам в 1900 году в архивах был найден и опубликован «Допрос, снятый с нижегородского купца Василия Яковлева Баранщикова, явившегося добровольно из-за границы». Тем не менее даже во второй половине XX века сохранялось представление о художественном характере «Нешастных приключений».

Современные исследователи винят уже самого Василия в «сочинительстве», в том, что он частенько привирает; очевидна несуразность хронологии событий. Действительно, все «приключения» за границей никак не укладываются в описываемые пять с небольшим лет. В оправдание Баранщикову можно сказать, что писать книгу ему кто-то помогал – об этом говорят и повествование от третьего лица, и неровность стиля. Сей факт отметили еще в журнале «Зеркало света» сразу после первого издания книги: «приметно из расположения, что не са-

Предполагаемый портрет Федора Васильевича Каржавина (1745–1812), общественного деятеля, литератора и путешественника. В 1776 году он побывал на острове Мартиника в Карибском море

В 1962 году по мотивам «Нешастных приключений» Роберт Штильмарк написал историческую повесть

мым путешественником писана, [издатель] употребил смешанный и неприятный слог, доказывающий нерадение». Постороннему переписчику запутаться в годах и месяцах, где герой сколько провел, несложно. К тому же, если отбросить невероятные сроки на путешествия по морю, то пребывание на островах, в Палестине и Константинополе выглядит вполне правдоподобно. А плавал на кораблях Баранщиков порой действительно как будто кругами: прямой путь в Америку – более пяти месяцев (для сравнения: Колумб пересек Атлантику за пять недель), из Смирны (ныне Измир) в Константинополь – три недели (а это менее 400 километров).

Отдельная тема – история насильственного перехода в ислам и жизнь в Палестине. На основании того, что об этом не упоминается в «Допросе», некоторые считают данный эпизод вымышленным – с тем, чтобы скрыть добровольное вероотступничество при поступлении в янычары. В самом деле, в исламе нет практики «принужденно обрезать». Странно и то, что капитан «тунизских» пиратов живет в Палестине и более полутора лет в море не ходит. Но много интересных деталей об этих событиях Василий приводит – вряд ли он их придумал. То, например, как итальянского моряка пираты бросили за борт, когда он пытался увещевать их на хорошем турецком языке; наказание за побег в «Вифлиеме», опять же развлечение с горшком каши, где приводятся выражения и на турецком языке. Ну а в «Допросе» Баранщиков вообще не сообщает о каком-либо переходе в ислам и службе янычаром – ясно, что поначалу он пытался этот факт скрыть. Собственно, так же как и службу у датчан на острове Святого Фомы. Книга вызывает и другие вопросы: почему «Мишелью Николаеву» на Пуэрто-Рико поставили сразу 9 клейм, где и зачем автор научился итальянскому языку, насколько «принужденно» Гусман «омусульманил» его и заставил жениться? В общем, исследователям своей книги Василий Баранщиков задал много загадок. ■

СКВОЗЬ ЯРКОЕ СТЕКЛО

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

В СЕРЕДИНЕ 1990-Х БУДУЩИЙ ИСТОРИК ТАТЬЯНА КНЯЖИЦКАЯ БЫЛА СТУДЕНТКОЙ ЛГУ И СИДЕЛА НА СКУЧНОЙ ЛЕКЦИИ. ПОДРУГА ДАЛА ЕЙ ЖУРНАЛ «НАШЕ НАСЛЕДИЕ» СО СТАТЬЕЙ ИСТОРИКА БОРИСА КИРИКОВА О ВИТРАЖАХ. ТАТЬЯНА ЧИТАЛА, ЛИСТАЛА КАРТИНКИ И ЗАПОМНИЛА ФРАЗУ: «ИСТОРИЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО ВИТРАЖА ЕЩЕ НЕ НАПИСАНА». ЧТО-ТО ЩЕЛКНУЛО. ТАТЬЯНА СТАЛА ХОДИТЬ ПО ПАРАДНЫМ, ИСКАТЬ ВИТРАЖИ И ИЗУЧАТЬ ЛИТЕРАТУРУ. НАПИСАЛА КУРСОВУЮ РАБОТУ О ВИТРАЖАХ, ПОТОМ ДИПЛОМНУЮ, А ЗАТЕМ И КАНДИДАТСКУЮ ДИССЕРТАЦИЮ.

В 1990-Е КОДОВЫЕ ЗАМКИ на входных дверях в парадные еще только появлялись. Практически в любой жилой дом можно было свободно зайти и любоваться метлахской плиткой, резными дверями, оконными витражами. Татьяне хотелось запечатлеть каждую деталь, чтобы сохранить хотя бы изображение ускользающей эпохи. Она делала черно-белые фотографии на фотоаппарат-мыльницу – они не передавали и десятой части изящества дореволюционных витражей, зато дали начало большой мечте. Хотелось сделать цветные изображения, издать альбом, показать людям красоту, спрятанную за дверями старых домов Петербурга.

В 2007 году Татьяна организовала сайт «Витражи в России». Он стал средством связи с витражистами, площадкой для публикаций исследователей. А потом наступило время цифровой фотографии и соцсетей. Началось массовое увлечение краеведением.

– Все эти перемены подняли множество проблем с сохранением исторического наследия Петербурга, в котором витражи – самое уязвимое, – говорит Татьяна. – Намеренное и неосознанное уничтожение витражей происходило весь XX век, потери есть и сейчас. До сих пор не создана всеобъемлющая база данных по петербургским витражам, и мы даже не ведаем, что храним, а что потеряли.

ПЕРЕСЧИТАТЬ ВИТРАЖИ

В 2019 году Татьяна и коллеги-градозащитники решили сделать переучет петербургских витражей. Подсчитать, сколько их осталось, в каком они состоянии, где находятся аварийные цветные окна, которым нужна срочная помощь. Да и понять: как вообще город и горожане справляются с этой сложнейшей задачей – сохранить обветшавшие витражи? И справляются ли? Так родился проект «Витражи Санкт-Петербурга: инвентаризация». В нем трое организаторов: Татьяна, градозащитник Александра Тесакова и представитель Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры Сергей Васильев. Через соцсети находят добровольцев, которые проходят инструктаж и получают анкету для описания витража – это своего рода паспорт на произведение искусства. В нем отмечают виды стекол, сохранность, технику, в которой выполнено витражное окно.

– Бывает, волонтеры ошибаются, делают описание витражей или архитектурного стекла советского и нашего времени, неверно определяют технику создания. Они очень ответственные и присылают массу материалов, – улыбается Татьяна. – Я разбираюсь по фотографиям, при необходимости иду обследовать по конкретному адресу конкретное витражное окно. Но главная сложность не в этом. Попадать в парадные – вот это бывает проблемой. Везде кодовые замки, местами есть охрана. Волонтеры имеют письма от ВООПИиК, где написано, что и зачем они делают и просьба к жителям содействовать нашей работе, но это не всегда помогает. Осенью прошлого года нас было всего человек 20, сейчас – более 60. Состав не постоянный, но есть основное ядро увлеченных людей, и мы очень ценим их помощь. Кто наши волонтеры? Самые разные люди. Это и пенсионеры, и студенты, и молодые мамы. Есть библиотекари, строители, бухгалтеры.

Историк Татьяна Княжицкая – автор проекта «Витражи Санкт-Петербурга: инвентаризация»

АНДРЕЙ СЕВАШКО

Каждый получает определенный участок на карте города, и дальше надо его весь обойти, зайти в каждый дом, в каждую парадную, с пристрастием разглядывая не только окна, но и двери, межлестничные перегородки. Часто витражи, стекла с вытравленными узорами или фацетной кромкой бывают незаметны под толстыми наслоениями краски.

Работу начали с Василеостровского района. Обследовали, зашли в каждый дом, сфотографировали каждый витраж, рассеяли информацию по соцсетям и интернет-сообществам и даже издали книгу с фотографиями и описанием витражей Васильевского острова. На очереди – Петроградский и Центральный районы Петербурга.

– Наша задача – провести районное исследование старинных витражей Петербурга, сколько осилим, – рассказывает Татьяна. – На весь город мы не замахиваемся, это очень большой объем работы.

ТРАНСПАРАНТНЫЕ КАРТИНЫ

В XIX веке слова «витраж» в русском языке не было. А называли разноцветные узоры в окнах, ширмах и дверях «транспарантные картины» (от франц. transparent – прозрачный), «живопись на стекле» или просто – «разноцветное стекло». Слово «витраж» появилось перед самой революцией (от лат. vitro – стекло), а окончательно прижилось только в советское время.

– Сегодня «витраж» – это условное название, – объясняет Татьяна. – Мы говорим о любом архитектурном стекле начала XX века: сюда входят и стеклянные кирпичи Фальконье, и гравировка, и травление, и разные виды цветного и фактурного стекла. Все они использовались для создания витражей в разных техниках.

Считается, что цветные стекла в оконных проемах появились в VI веке. Они известны по раскопкам на территории древнего Рима и Византии.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Т. КНЯЖИЦКОЙ

Обычно витраж ассоциируется с эпохой Средневековья, когда витражное искусство достигло расцвета в Западной Европе. На витражах изображали сцены из Священного Писания, они стали «Библией для бедных», не умеющих читать. В пространстве храма витражу было отведено важное место, ведь именно сочетание цветных картин и света – проходящего сквозь них днем и отраженного от свечей в сумерках – создавало особенную атмосферу, настраивающую прихожан на возвышенный лад. Философы, литераторы, богословы разрабатывали символику разноцветных окон. Алхимики пытались сварить стекла необыкновенных цветов. За эффектность, сияние и блеск витражи называли большими драгоценностями, и это на самом деле были весьма дорогостоящие и трудоемкие в исполнении произведения.

А в эпоху Просвещения произошел упадок искусства витража: научная революция и рациональная философия подорвали основы религиозного мировоззрения, а вместе с ним померкла и ценность витражных окон для общественного сознания.

Лозунг «Больше света!», выдвинутый в защиту научного знания, многие воспринимали прямолинейно: тогда многие витражи были выставлены из окон и заменены обычным бесцветным стеклом.

– У нас после революции произошла похожая ситуация, – замечает Татьяна, – все повторяется на новом витке истории.

В России первая волна моды на витражи возникла в эпоху романтизма, тогда в русском обществе был высок интерес к эпохе европейского Средневековья, поэзии немецких романтиков, к изучению древностей. Именно тогда появились первые попытки изготовления витражей в России на базе собственных стекольных заводов. Ведь у нас не было собственной традиции витражного искусства.

В православной культуре витраж долгое время воспринимался как икона на стекле. Стекло – материал хрупкий, а значит, образ, на нем запечатленный, может пострадать. В XVI веке существовал запрет писать иконы на стекле, и долгое время он негласно сохранялся как традиция. В древнерусском храмовом зодчестве

Фрагмент витража «Богоматерь с младенцем» с подписью мастерской «М. Франк и Ко». Подписи на витражах обычно ставили в нижнем углу, около рамы

ПРЕДОСТАВЛЕНО Т. КНЯЖИЦКОЙ

Витраж по мотивам фрески Василия Васнецова – образ Богоматери с младенцем – создан в начале XX века и находился в окне крестильни Института им. Д.О. Отта. В 1947-м витраж перенесен в церковь Смоленской иконы Божией Матери на Смоленском кладбище. Ныне установлен в алтаре

были попытки использования цветных стекол в окнах, но они единичны. В России холодно, окна маленькие, да и уровень развития стеклоделия не позволял делать цветные оконные стекла.

Мода на транспарантные картины в начале XIX века захватила образованное общество. Витражи начали привозить из-за рубежа: они стали предметами коллекционирования, ими оформляли интерьеры – подлинными старинными расписными стеклами из Европы вставляли в окна дворянских особняков и императорских дворцов. Витражные стекла были модной новинкой, и цену им добавлял дефицит.

На волне бешеного спроса некоторые частные заводы пытались делать транспарантные стекла, но удачных экспериментов было мало. Технологии изготовления разноцветного плоского

стекла не были развиты, и первые витражи представляли собой своего рода калейдоскопическую мозаику, когда красные, желтые, синие или зеленые стекла вставляли в рамы вместо обычного оконного стекла. Деревянные дачные домики до сих пор так украшают – нарядно и недорого.

ПО МОНАРШЕЙ ВОЛЕ

– В российских храмах витражи появились только в XIX веке, и произошло это по воле императора Николая I, – объясняет Татьяна Княжицкая.

С эпохи Петра I начался процесс обмирщения в русской культуре, и икона постепенно сближалась со светской живописью. К 1830-м годам, когда мода на транспаранты была в разгаре, религиозная живопись в храмах перестала зависеть от носителя изображения. Были иконы мозаичные, на фарфоро-

вых пластах и так далее, запрет на стеклянные иконы сам себя изжил.

И в этот момент в Петербурге велись грандиозные работы по строительству Исаакиевского собора – главного храма страны. Император Николай I был инициатором установки в нем запрестольного стеклянного образа, как тогда называли витраж в алтарном окне. В России не было завода, который бы мог справиться с такой сложной и ответственной задачей, исполнителей нашли в Германии. Выбор пал на мюнхенское «Заведение живописи на стекле» при Королевской фарфоровой мануфактуре. Площадь витража – огромной стеклянной картины с изображением Воскресшего Спасителя – для того момента была грандиозной не только для России, но и для Европы: 28,5 квадратного метра. Государственной казне он обо-

шелся в колоссальную сумму – 24 400 рублей ассигнациями. Сам факт установки в кафедральном храме Петербурга стеклянного образа с изображением Христа стал разрешением для появления в интерьерах православных храмов витражей.

– Появление в кафедральном храме столицы стеклянной картины с изображением Иисуса Христа стало результатом взаимодействия западной и восточной христианских традиций, своеобразным синтезом фигуративного католического витража и запрестольной православной иконы, – отмечает Татьяна. Финальным аккордом в теме религиозного витража стали иконостасы, целиком выполненные из цветного стекла. Такой иконостас был установлен в церкви Иулиана Тарсийского в Царском Селе. К сожалению, сохранилось только черно-белое его изображение.

– Витражей из петербургских храмов до наших дней дошло совсем немного. Эпоха атеизма освятила разрушение храмов, а булыжник пролетариата добил витражи. Кое-что сохранилось в музеях. Буквально несколько витражей сберегли в церквях. Один из самых замечательных находится в церкви на Смоленском кладбище. Он создан в одной из самых известных петербургских витражных мастерских в начале XX века по мотивам фрески Василия Васнецова. Это образ Богоматери с младенцем, – говорит Татьяна.

РОБКИЕ ШАГИ ПО СТЕКЛЫШКУ

Витраж в Исаакиевском соборе – ключевой памятник в истории витражного искусства в нашей стране. Он был привезен из Германии, но, будучи «пересажен» на русскую почву, потребовал особенной заботы. В первые же годы после установки витраж стал «болеть» – от сильных сквозняков, гулявших в соборе, несколько стекол выпало и разбилось. Чтобы сохранить ценные расписные пластинки, под окно установили помост,

Монументальный витраж с образом Воскресшего Спасителя украшает Исаакиевский собор. Это один из самых ранних и самых важных витражей в истории русского искусства

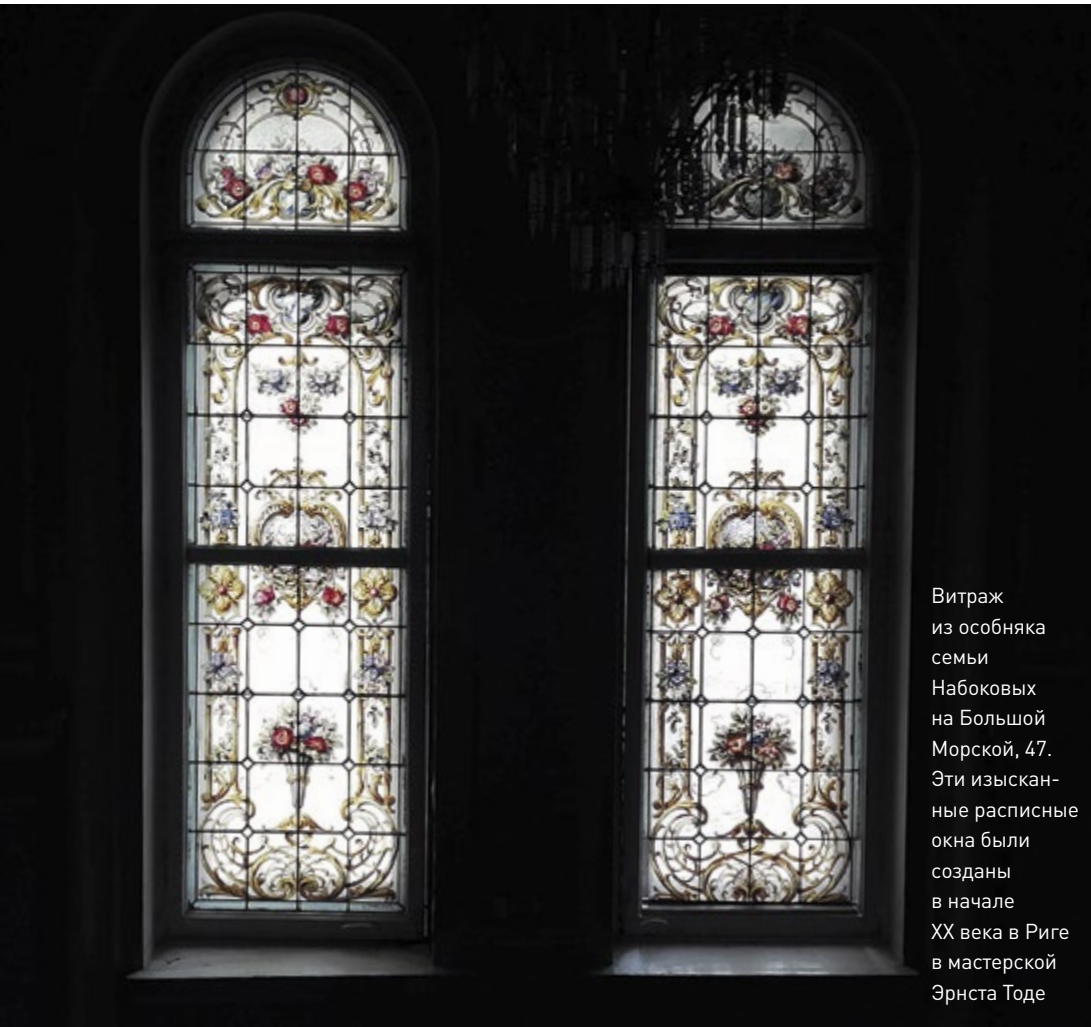
ПРЕДОСТАВЛЕНО Т. КНЯЖИЦКОЙ

обитый тканью. Утраты надо было чем-то компенсировать: темные дыры, появившиеся в венце вокруг лика Христа, для начала прикрыли тканью с росписью. Стало ясно, что для содержания дорогого окна нужны собственные художники, владеющие витражным ремеслом. Так в штате мастеров Императорского стеклянного завода появились люди, в приказном порядке приступившие к освоению нового дела. К середине XIX века здесь появилась группа художников, которые писали картины на больших стеклянных пластах и освоили технику сборки витража на свинцовый профиль.

– Работы Александра Перница, однофамильцев Павла и Григория Васильевых, Ивана Муринова, написанные на больших стеклах как на холсте, предназначались в первую очередь

для императорских дворцов и церквей. На стекле воспроизводились копии произведений художников-академистов XIX века или мастеров итальянского Возрождения. В таких расписных витражах ценилась точность передачи оригинала. А к концу XIX – началу XX века, когда в Европе завоевал популярность стиль ар-нуво с его любовью к изящным линиям, природным формам, лаконичному цветовому решению в декоративном искусстве, в витражах стали цениться другие качества: красота цветного стекла, необычные стилизованные узоры, цветочные мотивы, свободно располагающиеся в поле окна. И тогда витраж пережил новое рождение, а эпоха модерна стала для этого искусства новым ярким этапом, – рассказывает Татьяна Княжицкая.

Витраж из особняка семьи Набоковых на Большой Морской, 47. Эти изысканные расписные окна были созданы в начале XX века в Риге в мастерской Эрнста Тоде

ПРЕДОСТАВЛЕНО Т. КНЯЖИЦКОЙ

ЦВЕТЫ И ВЕНКИ

В начале XX века в России появился символизм, а с ним и интерес к мистическим переживаниям. Расцвет витражного искусства в эпоху модерна в России переплелся с поэзией, живописью, философией. – Появились эксперименты по созданию синестетических произведений искусства, цветомузыки. Когда в едином стилистическом ключе оформлялось все, что в быту окружает человека. Идея превратить жизненную обстановку в произведение искусства реализовывалась через проектирование архитектурного объекта и всего, что его наполняет, вплоть до одежды хозяев и переплетов книг, в едином стиле. И это мы сегодня можем наблюдать даже в петербургских доходных домах начала XX века, где элементы оформления фасадов

повторяются в отделке интерьеров, где художественная отделка применялась даже для самых утилитарных предметов. И витражи идеально вписались в Серебряный век русской культуры как своей материальной составляющей – стекло и металл были на пике востребованности, так и нематери-

Фрагмент витража Эрнста Тоде в доме Набокова

ПРЕДОСТАВЛЕНО Т. КНЯЖИЦКОЙ

альной – духовной, – говорит Татьяна.

Она объясняет: современник далек от Средневековья, но близок к модерну. Наверное, поэтому красота готического витража завораживает, но не так понятна большинству, как окна ар-нуво.

– В петербургских витражах начала XX века много цветов и листьев – это было характерно для модерна. Особенность именно Петербурга – обилие классицистических мотивов, венков и гирлянд в лепнине, художественном металле и в витражах, – рассказывает исследователь.

Большинство из сохранившихся витражей в петербургских зданиях относится ко второй половине XIX – началу XX века. На протяжении всего XIX столетия русская стекольная промышленность не обеспечивала спрос на произведения художественного стеклоделия. Древние и современные витражи импортировали из Западной Европы. Европейский модерн задавал тон. Так в Петербурге появились гербы и аллегорические фигуры из цветных стекол. Геральдика должна была напомнить о знатности рода.

Корпус петербургских витражей того времени очень обширен. Это были сотни разноцветных окон: на лестницах доходных домов – поскромнее, в основном орнаментального характера, в особняках и общественных сооружениях – с сюжетами, фигурами, сложными композициями. Татьяна Княжицкая считает, что к началу XX века Россия в области искусства витража догнала Европу.

Конец эпохи петербургского витража обозначил 1917 год. Витражные мастерские прекратили свое существование. Мозаики, изразцовые печи и камины, лепнина, зеркала и витражи – изящное убранство бывших доходных домов – остались без хозяина. И стремительно уничтожались как приметы ненавистного «старого мира», не имеющие художественной ценности.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Т. КНЯЖИЦКОЙ

ХРУПКИЕ ГИГАНТЫ

– Мы можем составить только некоторое представление о количестве витражей в дореволюционной архитектуре по тому, что сохранилось сейчас, – говорит Татьяна. – Например, в Василеостровском районе мы говорим о 41 адресе, где сохранились витражи или другие варианты декоративного остекления, в Петроградском – более 100 адресов. Я думаю, в общем и целом мы потеряли свыше 70 процентов витражного наследия города. Подсчитать утраты невозможно. Ведь никто не знает, сколько витражей было создано до революции. Чтобы по-настоящему оценить то, чем владеешь, надо отойти на расстояние от момента «сейчас», а это можно сделать, только прожив этот момент и оглянувшись на него уже из будущего. Мы глядим на прошлое и уже оцениваем все то, что нам дала эпоха модерна. А от советской эпохи мы отошли еще на недостаточное расстояние, еще не растощдествились с нею окончательно и пока мало ценим ее достижения.

Первые советские витражи появились перед Великой Отече-

Витраж в наземном вестибюле станции метро «Гостиный Двор». На нем изображен расстрел демонстрации 4 июля 1917 года

Фрагмент витража на станции «Гостиный Двор». Год установки – 1977-й

ПРЕДОСТАВЛЕНО Т. КНЯЖИЦКОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Т. КНЯЖИЦКОЙ

ственной войной. Это было молодое искусство, которое еще не выработало своего собственного изобразительного языка. Сюжеты были новые – про власть рабочих и крестьян и новую жизнь при этой власти, а техника исполнения – старая. – Только после войны, в 1950-е, в искусстве советского витража произошли кардинальные изменения – появились новые материалы, а с ними и другие масштабы, иная мощь звучания. Витражи обрели монументальность – уже не просто окна, а целые стеклянные стены из толстых литых стекол на цементной связке появились в архитектуре. Вместо изящества витражей в частных особняках и на лестницах жилых домов появились огромные, будто собранные гигантами из стеклянных камней, панно и картины. Они предназначались для крупных общественных сооружений и громко говорили не с отдельным человеком – со всем народом о светлом будущем и почитании героев, которые это будущее приближают. Витражное искусство той поры транслировало идею счастливой, почти райской жизни при ком-

мунизме в обществе будущего, – объясняет Татьяна.

В жилое пространство витражи возвращаются ближе к эпохе перестройки. В 1970–1980-е наряду с монументальными работами появились камерные, наблюдается возврат к дореволюционной свинцово-паечной технике.

А с 1990-х, с распадом СССР, когда появился частный заказчик, судьба витража в нашей стране снова переменялась. Частное жилое строительство требовало разнообразия в отделке интерьеров.

– В Россию пришли новые материалы и технологии производства декоративных работ, в том числе изящная техника Тиффани, способы создать картину на окне из дешевых материалов. Многие советские мастера, привыкшие работать по государственному заказам, не смогли пережить этот сложный момент и нашли себе другую работу. Те, кто перестроился, как и молодежь, работают сегодня в основном в технике Тиффани и спекания стекла, создают работы для частных квартир и особняков. В общественных зданиях встречаются

Фрагмент витража «Побеждающая революция» на станции метро «Ново-черкасская». Выполнен в 1985 году

ся сложные экспериментальные работы. Сегодня искусство витража снова на пике востребованности, – рассказывает Татьяна.

СБЕРЕЧЬ УЗОРНОЕ ОКНО

Еще во время учебы друзья над Татьяной шутили: «Ну что ты уперлась в свои стеклышки, ничего, кроме них, не видишь. Это же просто декоративное искусство!» Но для нее за витражом стоит нечто большее, чем узоры. По ее мнению, если воссоздать историю российского витража, мы получим собственную опору, появится традиция, которую можно будет дальше развивать и обогащать на основе того, что уже было создано в России.

Для Татьяны витраж не только объект материальной культуры, но и «точка входа в иное, духовное измерение».

– В Средневековье витражную розу воспринимали как «глаз Божий», именно готические окна трансформировали восприятие реальности человеком: с «я» на «мир земной и мир божественный». На рубеже XVIII и XIX, XIX и XX веков тоже происходили перемены в умонастроениях, тогда усиливались мистические настроения, связанные со стремлением постичь запредельное. Сейчас, наверное, такой переломный момент в мировоззрении эпохи. Если рассматривать наш проект как инструмент взаимодействия с обществом, мы решаем комплекс задач. Защита, сохранение и воссоздание утраченного. А еще воспитание внимательного отношения к среде проживания и сохранение «духа места», а это влечет за собой уважительное отношение к каждому человеку. Именно об этом говорят мне витражи, собранные из множества разноцветных стекол в прекрасное целое. Марк Шагал сказал замечательные слова: «Витраж – это прозрачная перегородка между моим сердцем и сердцевиной мироздания». И я чувствую так же, – объясняет свою миссию Татьяна Княжицкая. ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ ИСТОРИИ СИТКИ

УБРАТЬ НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ

АВТОР

ДМИТРИЙ ЗЛОДОРОВ [ВАШИНГТОН]

ВОЙНА ПРОТИВ СОБСТВЕННОЙ ИСТОРИИ, ВОЛНАМИ ПРОКАТИВШАЯСЯ ПО США В СВЯЗИ С МАССОВЫМИ АКЦИЯМИ ПРОТЕСТА ИЗ-ЗА УБИЙСТВ АФРОАМЕРИКАНЦЕВ, ДОКАТИЛАСЬ И ДО РУССКОГО НАСЛЕДИЯ. ВЛАСТИ ГОРОДА СИТКИ НА АЛЯСКЕ – РАНЕЕ НОВО-АРХАНГЕЛЬСКА, БЫВШЕЙ СТОЛИЦЫ РУССКОЙ АМЕРИКИ – ПОД ДАВЛЕНИЕМ ГРУППЫ АКТИВИСТОВ ИЗ ЧИСЛА МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕШИЛИ ПЕРЕНЕСТИ ПАМЯТНИК ЕЕ ПЕРВОМУ ПРАВИТЕЛЮ, АЛЕКСАНДРУ БАРАНОВУ, ИЗ ЦЕНТРА ГОРОДА В МЕСТНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ.

«**П**РИГОВОР» БЫЛ приведен в исполнение 29 сентября. «Статую отделили от постамента и перенесли в музей, расположенный в нескольких десятках метров от ее прежнего места. Там ее смогут увидеть все посетители», – объяснил «Русскому миру.ру» управляющий городской администрацией Ситки Джон Лич.

Конфликт, продолжавшийся почти тридцать лет, завершился буднично. Несколько рабочих сняли установленный в 1989 году памятник с огромного камня, на котором он находился, и с помощью небольшого крана перевезли его к новому «месту жительства». Все было сделано аккуратно, но Александр Андреевич, перевязанный веревкой и подвешенный на крюке подъемника,

смотрелся сиротливо. Никто из жителей не пришел посмотреть на историческое для города событие.

Между тем еще недавно здесь кипели нешуточные страсти, проходили митинги, в которых участвовали десятки представителей коренного населения из народности тлинкитов. Они требовали убрать памятник, обвиняя Баранова в том, что тот убивал и поработал их предков. Под соответствующей петицией тлинкиты собрали около 2 тысяч подписей. Петицию Координационного совета организаций российских соотечественников в США (КСОРС) с призывом оставить памятник на месте поддержали свыше 6 тысяч человек, что немногим уступает численности населения всей Ситки. Проблема, однако, заключалась в том, что в самом городе русская диаспора, по сути, не представлена, поэтому ее мнение всерьез не рассматривалось.

Памятник Александру Баранову еще стоит на прежнем месте в центре Ситки

«БИТВА» ПРИ АССАМБЛЕЕ

Двое представителей ассамблеи Ситки – Валори Нельсон и Кевин Мошер – все-таки выдвинули на рассмотрение резолюцию, предлагавшую оставить памятник работы скульптора Джоан Багби-Джексон на месте. Правда, на заседании 14 июля ее даже не рассматривали, поскольку резолюция о переносе стояла в повестке дня раньше и была принята почти единогласно.

Кевин Мошер признался, что не имеет ничего против смены прописки памятника. Однако он выступил против того, чтобы Ситка таким образом присоединялась к другим американским городам, где уничтожаются памятники. «Я бы хотел видеть откровенную дискуссию, в ходе которой мы уважали бы мнения друг друга», – сказал он.

В итоге единственной, кто открыто выступил против переноса, осталась Нельсон, которая в интервью «Русскому миру.ру» предположила, что вопрос был решен еще до заседания. По ее словам, три члена ассамблеи и представители местных племен сразу же после голосования представили детальный план переноса, стало быть, он был проработан заранее. Мэр Ситки Гэри Пэкстон отверг это предположение. «Никаких заблаговременных обсуждений на эту тему не было», – сказал он «Русскому миру.ру».

Нельсон, которая прежде и сама была мэром Ситки, призналась, что прошедшая дискуссия оказалась для нее очень трудной и эмоциональной. «Я не могу охарактеризовать свои ощущения никак иначе, как разочарование», – призналась она.

Похоже, общую точку зрения большинства членов ассамблеи выразил Торн Кристиансон, которому, кстати, и было поручено вместе с представителями племен проработать вопрос о переносе памятника. «Этот перенос нас несколько не смущает», – сказал он. – Меня абсолютно не волнует, что думают русские, они сейчас нам не друзья. И я не удивлюсь, что они с радостью будут искать здесь проблему».

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ ИСТОРИИ СИТКИ

Муниципальные служащие перевозят памятник Баранову в музей

СТАРЫЕ СЧЕТЫ

Чем же Александр Андреевич Баранов так не угодил современным жителям основанного им города? Пожалуй, точнее и ярче других ответил на этот вопрос один из жителей Ситки, представитель местной некоммерческой организации «Берег Аляски» Дэвид Сэм: «Этот человек – насильник и колонизатор. Он слишком много взял от народа, ко-

торый так непохож на него. Взял за деньги».

В свою очередь, президент Конгресса русских американцев (КРА) Наталия Сабельник признает право коренных жителей Аляски по-разному относиться к первому правителю Русской Америки, но напоминает, что его второй женой была дочь одного из алеутских вождей. Даже сам по себе этот факт заставляет как минимум усомниться в справедливости столь жестких обвинений в адрес Баранова. Сторонники версии о жестокости Баранова умалчивают, а может быть, просто не знают, что тот всего лишь защищал свои поселения от нападения тлинкитов, которые воевали не только с русскими, но и с соседними народами, включая миролюбивых алеутов. По сути, первый правитель Русской Америки отвечал им на том языке, который они понимали, – на языке оружия.

Опустевший постамент

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ ИСТОРИИ СИТКИ

В 1799 году тлинкиты подписали договор, по которому добровольно за согласованную стоимость передали русским остров, называвшийся тогда Ситка, а сейчас, между прочим, носящий имя Баранова. Именно тогда и был основан Ново-Архангельск. Спустя три года Александр Андреевич покинул эти места, оставив небольшой гарнизон. Тлинкиты же, воспользовавшись тем, что основная часть русских ушла на промысел, ночью напали на поселение и захватили его, убив полтора десятка человек, в том числе алеутов. Ушедших на охоту промысловиков они также перебили. Узнав о случившемся, Баранов снарядил миссию, чтобы вернуть приобретенные на законных основаниях земли. В 1804 году русские напали на тлинкитские поселения, но это был ответ на агрессию. Правитель Русской Америки и сам участвовал в осаде, был ранен. В знак победы он восстановил на отвоеванных территориях Ново-Архангельск. Кстати, в 1807 году за отражение набегов индейцев Баранов был награжден орденом Святой Анны 2-й степени. Следует отметить, что до прихода русских тлинкиты жили в землянках и не думали ни о какой цивилизации. Именно благодаря промышленникам на Аляске появились школы, публичные библиотеки, больницы, мастерские и заводы. «Фактически русские принесли на Аляску цивилизацию, плодами которой сейчас пользуются тлинкиты, требовавшие переноса памятника. Прежде чем обвинять Баранова в геноциде, им нужно вернуться в прошлое, отказаться от образования, медицинского обслуживания, комфортного жилья», – говорит историк Александр Молодин. Российские соотечественники опасаются, что решение властей Ситки может открыть ящик Пандоры и негативно отразиться на сохранении всей

Стенды музея, посвященные основанию Ново-Архангельска и русско-тлинкитскому конфликту 1802–1804 годов

русской истории в США. «Мы считаем, что снос статуи – это стирание нашего российского исторического наследия», – отметили авторы уже упомянутой петиции КСОРС. «В разных уголках страны сносят памятники генералам армии Юга, добрались даже до Колумба – дескать, он способствовал порабощению местного населения. Будем надеяться, что до русского наследия эта цепочка не дойдет – все-таки оно не такое уж огромное здесь», – говорит Наталия Сабельник. Глава Конгресса русских американцев, кстати, считает, что перенос статуи в музей далеко не худший вариант. По ее мнению, если бы было принято решение вынести вопрос на голосование в ноябре, это могло бы привести к очередному всплеску напряженности. «Из двух зол выбирают меньшее, до выборов в Ситке еще мно-

гое могло бы произойти, сторонники переноса выступали эмоционально. Мы же сейчас видим, что в разных частях США у памятников то руку отламывают, то голову снесут. Не хотелось бы, что монумент Баранову постигла та же судьба. В конце концов перенос лучше, чем уничтожение», – отметила она. По ее мнению, русским и тлинкитам следует искать точки соприкосновения, а не конфликтовать. «Есть пример Свято-Елизаветинской крепости на Гавайях, где нам удалось найти компромисс с местным населением и сохранить ее русское название, добавив к нему и гавайское. Я большой оптимист и надеюсь, что на Аляске мы тоже сумеем найти общий язык. Мы должны уважать друг друга и понимать, что история всегда останется историей», – считает Сабельник.

ПРЕДОСТАВЛЕНО МУЗЕЕМ ИСТОРИИ СИТКИ

Памятник Баранову нашел временное пристанище в музее

ПАМЯТНИК НЕ ПРОДАЕТСЯ

Когда тучи над статуей Баранова стали сгущаться, ее попытался выкупить основанный российским предпринимателем Андреем Филатовым фонд Art Russe, отправивший письмо властям Ситки. Параллельно запрос был направлен властям Нью-Йорка, решившим демонтировать памятник президенту США Теодору Рузвельту, но оттуда ответ не поступил. Зато городские руководители Ситки отреагировали быстро, пообещав, что вопрос

будет решаться цивилизованно и публично.

«Для меня это прежде всего сохранение памяти государственных деятелей, повлиявших на историю России, на развитие ее государственности, – объяснил Филатов желание выкупить памятники. – Александр Андреевич Баранов – первый глава русских поселений в Северной Америке, участвовал в создании новых торговых связей России – с Китаем и Америкой. Теодору Рузвельту мы должны быть благодарны

за поддержку России в тяжелой войне с Японией: именно Америка под президентством Рузвельта выступила посредником в мирных переговорах 1905 года, а подписанный в США Портсмутский мирный договор был заключен на таких выгодных для России условиях, что Витте вернулся домой победителем».

В итоге власти Ситки приняли решение перенести памятник в музей, где монумент присоединится к экспонатам, связанным с русским наследием. Здесь хранятся найденные во время раскопок фрагменты корабля «Святой Петр», на котором Витус Беринг в июле 1741 года достиг берегов Аляски. В залах музея представлены русские иконы и одеяния духовенства, украшения и прочие предметы, которыми торговали русские, а также документы, связанные с продажей Аляски США в 1867 году.

Представители русской диаспоры на Аляске уверены, что статуя Баранова попала в хорошие руки. «Исполнительный директор музея Хол Спакман очень уважительно относится к русской истории, он лично был против переноса памятника», – говорит руководитель Русского культурного центра на Аляске Анна Верная. «Мне нравится эта статуя, она хорошо выполнена, очень красивая. Она стала причиной множества споров в Ситке, и я счастлив, что наш музей, приняв ее, помог тем самым найти компромисс. Теперь наши гости смогут лучше узнать о месте Баранова в истории», – считает Хол Спакман. Он уверен, что первый правитель Русской Америки сыграл огромную роль в истории Аляски и память о нем необходимо беречь. «Без сомнения, историки еще будут изучать и интерпретировать его деятельность и влияние на наш штат и на страну в целом. Одни назовут его дальновидным и эффективным руководителем, другие – человеком, порабоцевавшим местное население. Но вне зависимости от этого Баранов – это важнейшая эпоха в истории Аляски», – считает американский ученый. ■

МЕЧТА МАСТЕРА

АВТОР

МАРИНА БЕРЕЖНЕВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ОН ОСТАНОВИЛ МЕНЯ НА ЗАСЫПАННОЙ СНЕГОМ
АЛЛЕЕ ПОДМОСКОВНОГО ДЕТСКОГО ЛАГЕРЯ,
ГДЕ ОТДЫХАЛИ ДЕТИ ИЗ ДОНБАССА. СПРОСИЛ:
«ВЫ ИЗ ДОНЕЦКА?»

— Д А, — ОТВЕТИ-
ла я незнако-
мому седовла-
сому мужчине
с внимательными и грустными
глазами.

— Тогда, возможно, вы сможете
передать мои пожелания пра-
вительству ДНР, возможно, там
удастся создать промышленное
производство музыкальных ин-
струментов?

Тема разговора застала меня вра-
сплох. Да и времени на долгие
беседы не было, поэтому я по-
обещала Владимиру Кузьмичу —
так представился собеседник, —
что мы с ним еще обязательно
встретимся и поговорим. На
прощание он протянул мне ви-
зитку с ярко-желтой балалайкой
и необычной фамилией, врезав-
шейся в память, — Люткус.

СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ ТРУДОВОГО СТАЖА

Встретиться удалось только ле-
том. После карантина. В ма-
ленькой квартирке Владимира
Кузьмича состоялся обстоятель-
ный разговор о нем самом и о
том, что стало делом его жиз-
ни — о создании народных музы-
кальных инструментов. Хозяин
квартирки все выносил и вы-
носил на кухню панельной
многоэтажки сияющие лаком
и поражающие тонкой резь-
бой балалайки, домры, гитары.
Мизерную часть того огромного
оркестра, что за долгие годы соз-
дали руки мастера.

Говорили о многом. Очень впе-
чатлил рассказ о трудном воен-
ном детстве. Так получилось, что
в 1941 году мама четырехлетне-
го Вовки, оставив его в детском

доме в Кашире, ушла на фронт.
Она последовала примеру сво-
их сестер, которые тоже пошли
воевать.

В Кашире впервые мальчишка
увидел, как провожали из сосед-
него госпиталя выздоровевших
раненых — с балалайкой. Мо-
жет, это детское воспоминание
о звонком, ярком инструмен-
те и стало определяющим в его
жизни.

Несмотря на то, что в детский
дом родители регулярно присы-
лали деньги на питание для Вов-
ки, мальчишка чуть не умер с го-
лоду по вине нечистых на руку
сотрудников детского учрежде-
ния. Когда мама в 1943 году за-
брала сына из детдома, он был
очень истощен. Мальчика пере-
правили к бабушке, у которой
подросток стал совсем неуправ-
ляемым.

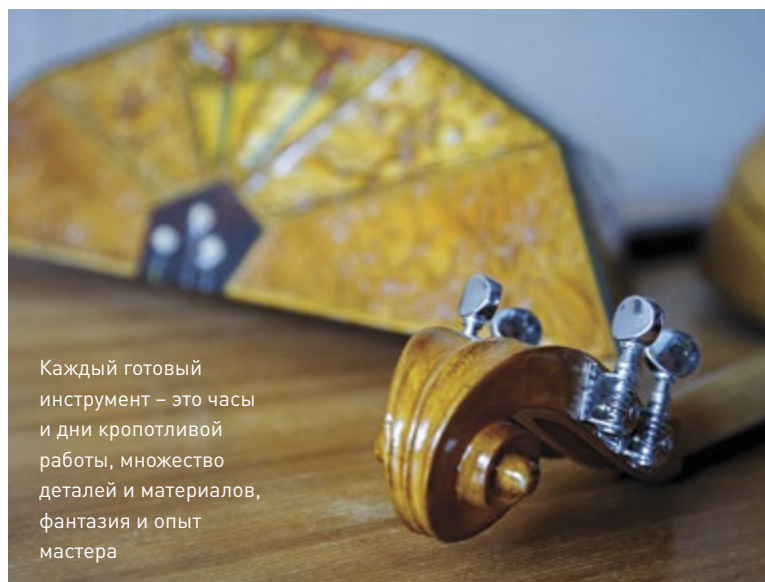
— А знаете, в этом году исполня-
ется семьдесят лет моему трудо-
вому стажу. — Владимир Кузьмич
прихлебывает чай и улыбается,
наслаждаясь нашим с фотогра-
фом потрясением.

Дело в том, что не испытывав-
ший рвения к наукам Вовка
Люткус в неполные 14 лет был
отправлен родителями рабо-
тать. Куда? На фабрику музы-
кальных инструментов. Случи-
лось это в 1950 году.

— Ну, профсоюз разрешил. Мы
с мамой ездили в профсоюз.
Мне разрешили сначала учить-
ся. А потом, когда мне испол-
нилось 14 лет, уже пошел прак-
тический процесс работы. В то
время все делалось кустарно,
а чтобы механизировать про-
цесс, не хватало грамотешки, —
рассказывает Владимир Кузь-
мич. — И когда я это понял, то
поступил в вечернюю школу и
окончил ее, а затем поступил в
институт, чтобы реформировать
именно этот вид деятельности.

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ

Московская эксперименталь-
ная фабрика музыкальных ин-
струментов (МЭФМИ) была ос-
нована в столице еще в 1930-е
годы. В тот период, когда туда
пришел на работу Володя Лют-
кус, фабрика была уже предпри-

Каждый готовый
инструмент — это часы
и дни кропотливой
работы, множество
деталей и материалов,
фантазия и опыт
мастера

ятием, выпускавшим широкий ассортимент музыкальных инструментов – от гитар и баянов до балалаек и домр. Некоторые инструменты шли на экспорт. В 1970–1980-е годы фабрику возглавлял Альфред Гинзбург – еще одна легенда советского мира музыки.

А инструменты, созданные руками Владимира Люткуса, легко «приживались» во многих музыкальных коллективах – от Ансамбля имени Александрова до Калужского муниципального оркестра.

К сожалению, в 1990-е годы фабрика, как и многие другие предприятия, погибла. И погребла под своими руинами мечту Владимира Люткуса о налаживании промышленного производства музыкальных инструментов. И надо признать, что сегодня, в век высоких технологий, в такой сфере, как производство музыкальных инструментов, Россия, увы, отброшена в эпоху кустарей и мелких мастерских. В них, конечно, порой изготавливаются настоящие шедевры, но они физически неспособны выдать качественный массовый продукт.

Владимира Кузьмича это обстоятельство заставляет снова и снова возвращаться к больной теме. Он уверен, музыкальные инструменты у нас в стране можно и нужно производить. Причем не только кустарно – в мастерских, разбросанных по всей России, – но и налаживать промышленный выпуск качественных недорогих инструментов. Ведь они необходимы для музыкальных школ, детских оркестров.

– Я считаю это преступлением – все перевести на кустарный лад! – горячится мастер.

Он вложил немало сил и труда в то, чтобы музыкальный инструмент стал доступным практически любому человеку. Для того чтобы сделать свою мечту былью, Владимир Кузьмич поступил в вуз, а затем перешел на работу в НИКТИМП – Научно-исследовательский и конструкторско-технологический институт музыкальной промышленности.

Резьба на корпусе инструмента – ноу-хау мастера – не только для красоты

Каждый инструмент неповторим

Но никакие исследования не смогли побороть законы экономики. Поставщики, снабжавшие древесиной фабрику музыкальных инструментов, перейдя на коммерческие рельсы, посчитали дальнейшие поставки нерентабельными. Государству в

1990-е было не до музыкальных фабрик. Да и сегодня особого интереса к отрасли оно не проявляет. Как уже говорилось, в России производство остается кустарным, и дошло даже до того, что балалайку – исконный русский инструмент – закупают порой в Китае и Португалии! Ведь минимальная цена приличной балалайки российского производства колеблется от 10 до 25 тысяч рублей. Для родителей учеников музыкальных школ это значительная сумма, да и для самой школы, возжелай она организовать оркестр народных инструментов – тоже. Но мастеров мало, молодых мастеров почти совсем нет. А производительность одного мастера-профессионала – одно-два изделия в месяц. Это капля в море. Одно слово – печаль...

Очень красивые инструменты демонстрирует нам Владимир Кузьмич. Мы вертим в руках покрытые резьбой инструменты, восхищаясь кропотливостью работы. Но наше восхищение не радует мастера.

– Я сейчас кустарь, кого я могу родить еще? Такого же кустаря! – возмущается Люткус, человек, на счету которого десятки патентов на изобретения.

Гитара поет
в руках своего
создателя

РЕЗЬБА ПРОТИВ СКОЛЬЖЕНИЯ

Первым стал в 1973 году патент на банджо-гитару: Владимир Люткус придумал, как с помощью синтетической пленки на деке добиться более яркого звучания инструмента. Дальше были еще патенты, каждый из которых был направлен на оптимизацию или улучшение качества создаваемых инструментов. Важной своей наработкой Владимир Кузьмич считает включение резьбы в технологический процесс изготовления мандолины.

– Почему резьба? Во время игры гладкий корпус мандолины скользит по фраку. До того,

как я применил этот способ, многие музыканты использовали наклеенный на корпус инструмента поролон или липкую ленту, но это демпфер, который искажает звучание, – объясняет мастер. – Резь-

Поделки малышей хоть и неказисты внешне, но звучат уже правильно

ба устраняет этот недостаток, да и внешний вид изделия улучшается... Потом я патентовать изобретения перестал, потому что при советской власти 120 рублей нам платили за изобретение, а если оно успешно внедрялось – еще больше... А сейчас ты еще сам должен заплатить, чтобы зарегистрировать изобретение. И уже в 1990-х патентовать изобретения в нашей сфере перестали практически все мастера. Мы продолжаем беседовать и рассматривать уникальные изделия Люткуса. Узорное покрытие одной из балалаек кажется созданным с помощью выжигания. На ней – цветы и травы, медведь и березы.

– Одно из моих изобретений – холодное выжигание, – с гордостью рассказывает Владимир Кузьмич. – Оно полностью исключает детский травматизм – ожоги, поражение электрическим током. Делается с помощью шариковой ручки с черной пастой. Почему нельзя выжигать узор выжигательным аппаратом? Потому что разрушается клеточная структура древесины!

О детях Владимир Кузьмич упомянул неслучайно. Более восемнадцати лет Люткус занимался с детьми московской общеобразовательной школы №16 художественной и пропиальной резьбой. Образцы работ его воспитанников поражают своей сложностью и совершенством. Да и наше с ним знакомство состоялось в детском лагере, где он занимался с ребяташками.

Но, к сожалению, практически никто из ребят пока не выбрал своей стезей то, что когда-то полностью захватило трудного подростка Володю Люткуса. И все-таки он не теряет надежды, что когда-нибудь в ближайшем будущем сойдут с конвейера балалайки и домры российского производства, сверкая лаковыми боками, поражая великолепием узоров, благородным тембром и богатым звучанием. 🍷

СИБИРИ РАДОЖИТЕЛЬ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ПОДНИМАТЬСЯ В ТОБОЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ ПО СОФИЙСКОМУ ВЗВОЗУ НЕЛЕГКО. КРУТИЗНА ТАКАЯ, ЧТО НЕПОНЯТНО, КАК МОЖНО БЫЛО ПО НЕМУ ЧТО-ТО «ВЗВОЗИТЬ». ЭТО СЕЙЧАС ПО СКЛОНУ ИДЕТ ШИРОКАЯ КРЕПКАЯ ЛЕСТНИЦА, А В ПЕРВЫЙ ВЕК СУЩЕСТВОВАНИЯ ТОБОЛЬСКА ЗДЕСЬ ПРОХОДИЛА ОБЫЧНАЯ ДОРОГА.

РАНЫШЕ ПРИНЯТО было считать, что Тобольск основал Ермак. Покоритель Сибири здесь действительно отметил: в 1582 году в нескольких километрах от кремля произошла битва дружины Ермака с сибирским ханом Кучумом. Но все же Тобольск основал пятью годами позднее письменный голова Данила Чулков. С казаками и стрельцами Данила шел по Иртышу на ла-

дых-стругах. Крутая гора на правом берегу подходила для возведения острога. По преданию, казаки разобрали лабьи для крепостной стены – оттого за городом закрепилось прозвище Тоболеск Ладейный. Взбираясь по лестнице, убеждаешься, что это – миф. Кроме того, что лабьи русским первопроходцам еще бы пригодились, зачем было тащить на гору бревна, если наверху леса в достатке?

ПО ЛАДОНИ АНГЕЛА

Сейчас на вершине горы – единственный в Сибири каменный кремль, или, как говорят тоболяки, «кремѣль». Белокаменная корона выросла здесь в XVII–XVIII веках: Софийский собор в стиле сибирского барокко, массивный, пятибашенный Гостиный двор, нависшая над взвозом Рентерея (Казенная палата, где хранилась губернская казна. – Прим. авт.), трехкупольные «святые врата». Архитектором и строителем большинства сооружений стал местный ученый-энциклопедист Семен Ремезов.

Вид из кремля – впечатляющий: широкая петля Иртыша, опоясывающая лежащий как на ладони нижний город. Ладонь тут, кстати, ангельская. По легенде, в 1620 году первому архиепископу Тобольскому и Сибирскому, Киприану, по дороге к месту своей кафедры было видение: ангел Божий накрыл нижний посад огненной ладонью, на кончиках пальцев которой должны быть возведены

Тобольский кремль и церковь Захария и Елизаветы – «средний палец» на руке ангела

церкви. В награду ангел обещал городу людей, «Богом поцелованных». Киприан послушался, и одна за другой на берегу Иртыша поднимались церкви: Пятницкая, Крестовоздвиженская, Благовещенская, Захария и Елизаветы, Богоявленская. Ремезову легенда понравилась, растущий город он представлял как всего посланника Божия: «Подобен сибирский град Тоболеск – ангелу! Правая его рука – палатный разряд. На длани имущий нижний посад, левая рука – соборная церковь и стена каменного столпа, правый бок – яр до Иртыша, левый – увал и река Курдюмка, правое крыло – Тобол до степи, левое – Иртыш. Этот ангел является всей Сибири радоджителем и изрядное украшение...» Талантов небольшой Тобольск в самом деле дал немало: Семен Ремезов, писатель Петр Ершов, композитор Александр Алябьев, химик Дмитрий Менделеев... К стенам кремля никто никогда не подступал. Одна у города на-

пасть – пожары. Сильнейших пожаров, после которых город, по существу, строился заново, в XVII–XVIII веках случилось как минимум шесть. Рука ангела действительно была огненная. Оттого Петр I всячески поощрял в Тобольске каменное строительство. И вообще возлагал на Сибирь большие надежды: губернатором в Тобольск отправил богатейшего вельможу, князя Матвея Гагарина. Правда, родовое богатство не помогло: в итоге Гагарин в 1721 году был казнен царем за лихоимство.

В нижнем посаде по-прежнему возвышаются только церкви

Самый ранний план Тобольска, сделанный Семеном Ремезовым в 1701 году

При Петре I Тобольск стал центром торговли с Китаем и Средней Азией. В Гостином дворе были устроены надежные склады и очень технологичные по тем временам погреба, позволявшие долгое время хранить скоропортящийся товар.

Специалист Тобольского музея-заповедника Яна Абдуллина утверждает, что бухарские купцы имели здесь свои дворы и становились постоянными жителями города. Караван из Бухары в XVIII веке шел в Тобольск довольно быстро – около сорока дней. Здешние погреба не теряли популярности и в конце XIX века, хотя сам Тобольск к тому времени давно утратил свое значение – основные сибирские дороги прошли на 500 километров южнее города. Оценить инженерный гений Ремезова в Гостином дворе не представлялось возможным – музеи кремля были закрыты из-за пандемии Covid-19. А вот восхождение на колокольню Софийского собора Яна мне устроила.

ССЫЛЬНЫЙ НЕОДУШЕВЛЕННЫЙ

Подъем на колокольню удивил: вместо кирпичных ступеней и полумрака – новенькая гранитная лестница, освещение, хромированные перила. Вид с колокольни прекрасный. Мешал только ветер, продувавший все пространство и безуспешно пытавшийся раскачать многотонный колокол, отлитый в наше время. А вот самый известный обитатель софийской колокольни в размерах был довольно скромн, зато богат своей историей. Это был «первосыльный неодоушевленный» – тот самый набатный колокол, который в 1591 году собрал угличан после убийства царевича Дмитрия. Волнения, как известно, закончились расправой над заподозренными в убийстве. Следственная комиссия во главе с князем Шуйским пришла к выводу, что царевич погиб в результате несчастного случая. Колокол сбросили с колокольни и вырвали ему язык, отрубили подвесное ухо, отхлестали плетью и отправили в сибирскую ссылку вместе с самыми активными бунтовщиками. Колокол весом около 320 килограммов угличане тащили волоком по земле. Таким образом сыльные добирались в Тобольск почти год. Бывший тогда воеводой города князь Федор Михайлович Лобанов-Ростовский приказал заклеить колокол надписью «первосыльный неодоушевленный с Углича». Службу колоколу определили весьма почетную: отбивать часы с соборной колокольни и бить в набат в случае пожара. По воспоминаниям современников, «голос» сыльного был очень резкий и громкий. Однако около 1780 года колокольню разобрали. Для колоколов соорудили деревянную звонницу рядом с собором. Нынешняя колокольня – 1797 года постройки. С нее угличский колокол продолжал отбивать часы до первой трети XIX века, пока окончательно не превратился в достопримечательность. О медном бунтаре писали сыльные декабристы, на самой колокольне появилась

Моста через Иртыш в нижнем городе нет, что туристов радует – можно покататься на пароме

Звонница у архиерейского дома с копией угличского колокола

надпись о судьбе колокола. Ну, и чтобы он был доступен всем любопытным, в 1836 году для колокола соорудили небольшую звонницу возле резиденции архиерея. В 1891 году во время путешествия по Сибири цесаревич Николай Александрович заинтересовался «первосыльным», поднимался на звонницу, разглядывал колокол. Своего отражения в нем не заметил – и представить не мог, что он будет в Тобольске последним сыльным...

А в 1892 году по просьбам угличан император Александр III решил вернуть сыльный колокол на родину. На опустевшую тобольскую звонницу повесили копию из папье-маше. Сейчас и звонница восстановлена, и колокол на ней висит настоящий, как две капли воды похожий на оригинал.

Колокол колоколом, а сыльной истории города посвящен це-

лый музей. Находится в Тюремном замке здесь же – в кремле. Экспозиция дает возможность попытаться представить, каково было тут на пересылке Федору Достоевскому и Николаю Чернышевскому. И... самому пожить как каторжник. В одном из арестантских корпусов замка расположился хостел «Узник». «Вход только для проживающих» – извещает табличка на двери. В «номере» – крохотное зарешеченное окошко, низкий сводчатый потолок, двухъярусные нары... Только матрасы мягкие – спать на досках, видимо, даже самые яркие поклонники аутентичности не захотят. Во дворах замка царит атмосфера зоны более позднего периода: вышки, прогулочные камеры, расстрельная стена. Заключенных здесь содержали до 1989 года. И для царского-то времени удивительно, что такое заведение располагалось рядом с домом губернатора – а для советского? Устроить тюрьму для особо опасных преступников прямо в центре города! Головорезы тут содержались отъявленные: на стене даже сохранилась надпись, строго запрещающая входить в зону женщинам без офицерского конвоя. В годы репрессий через тюрьму прошло и немало политических заключенных. В память о репрессированных у расстрельной стены лежит гранитный бульжник. Смотрится он довольно странно, поскольку не имеет никаких надписей и знаков.

ТОБОЛЬСК ДЕРЕВЕНСКИЙ

Сравнивая панорамную фотографию нижнего посада 1912 года и нынешний вид из кремля, кажется, что эта часть города почти не изменилась: те же избы, двух- или трехэтажные каменные дома. Все так же заметна «церковная рука» ангела. Особенно рельефна она в косых лучах вечернего солнца. Не все церкви находятся в «ангельском» состоянии, но хорошо, что хоть сохранились.

Спускаюсь в нижний посад по Никольскому взвозу – самому пологому заезду в кремль. Вырыли его лопатами в 1820-х годах, замостили брусом и досками. Вообще, деревянные мостовые в городе сохранялись до начала XX века, приводя в изумление путешественников и вновь прибывших чиновников. Деревянное покрытие улиц ушло в небытие только с появлением грузовых автомобилей.

В отличие от Софийского Никольский до сих пор «взвоз» – главная дорога, соединяющая верхний и нижний город. Под самой горой – остроконечный католический костел, построенный для ссыльных поляков.

Почему взвоз Никольский? Нетрудно догадаться, что название дано по Никольской церкви. И правда, церковь такая у самого взвоза стояла – красовалась на краю обрыва за кремлевской стеной. О судьбе церкви строители взвоза, видимо, не задумывались, хотя осыпания склонов одолевали Тобольск с момента основания. Никольская церковь немного недотянула до появления защитных георешеток – в результате осыпей разваливалась на глазах в середине XX века, и ничто не могло ее спасти.

У подножия холма солидные здания XIX века разбавлены вычурным малоэтажным «новоделом». Дальше от кремля – деревня деревней. Одни избы. Асфальт – только на двух-трех главных улицах. Но и там бродят коровы и бараны: на обочине надо глядеть в оба, чтобы не угодить в навозный «сюрприз». Здесь особенно кстати звучат уроки вежливости,

которые преподают в местных городских автобусах: «Судари, выходя из автобуса, не забывайте подавать руку сударыням». А вообще – вполне уютное место, дома крепкие и ухоженные.

Вид на реку Абрамку, каменную мечеть и Крестовоздвиженскую церковь. 1912 год

МЕЧЕТЬ ИЗ КАЗАНА

Решил дойти до мечети на улице Пушкина. Поэт здесь, к слову, ни при чем – в старом Тобольске это была татарско-бухарская слобода. Прогулка ослож-

Католический костел появляется неожиданно у Никольского взвоза

нялась тем, что мост через речку Абрамку разобрали для реконструкции. Мост этот еще в деревянном виде запечатлен на фотографии начала XX века. Правда, закладывать большой крюк, чтобы попасть на западную половину нижнего города, нужно только в том случае, если едешь на машине. А пешеходные мостики есть на многих поперечных улицах – они и на карте обозначены. На поверку мостики оказались наскоро сооруженными деревянными настилами из досок, поддонов, ящиков и старых дверей. Конструкции шаткие, но и старики по ним речку переходят. Тем более что это раньше Абрамка была не чета нынешней – тогда по ней сплавляли лес и суда ходили, теперь же она сузилась до размеров ручья.

Мечеть с виду совсем не «историческая», скорее, это определение подходит к расположенной неподалеку рубленой избе с зеленым минаретом на крыше. Однако карта неумолима: не старая изба, а именно новенькая кирпичная – единственная дореволюционная мечеть города. Сооружение в самом деле загадочное. Неизвестна дата постройки – то ли 1890 год, то ли 1905-й. Каменный фундамент стоит на бревнах. Мусульманин, коловший дрова у соседнего дома, рассказал, что мечеть строилась на общие пожертвования. Яна Абдуллина утверждает, что средства выделил почетный житель города, купец-бухарец Тохтасын Айтмухаметов. В народе распространена также версия о «золотом казане». Старый казан достался в подарок Тохтасыну на охоте от хантов. Очистив его от копоти, мусульмане увидели, что казан вылит из золота. Подарок продали, а на вырученные деньги построили мечеть. Осталось ли что-то в фасаде оригинального после реставрации, мой собеседник ответить не смог. Радовался, что внутри мечеть оборудована современной аппаратурой – датчиками движения и кондиционерами.

**ЕВАНГЕЛИЕ
И «КОНЕК-ГОРБУНОК»**

Снизу кажется, что кремль возвышается на отдельно стоящем холме. Однако на северо-восток от кремля, за перешейком, между Никольским взвозом и обрывом у Тюремного замка, холм расширяется и переходит в новый город.

Чем дальше от кремля, тем заметнее переход от архитектуры XVIII века к веку нынешнему. Да и памятники здесь интересные, хотя все сплошь современные. Пожалуй, самый выразительный из них поставлен Федору Михайловичу Достоевскому в сквере у Петропавловской церкви. В 1850 году по дороге на каторгу писатель пробыл в пересыльной тюрьме Тобольска десять дней, ставших судьбоносными. Жена декабриста Михаила Фонвизина Наталья добилась свидания с Достоевским и подарила ему Евангелие. С раскрытым Евангелием, освободившим руки от кандалов, и сидит задумчивый Федор Михайлович. Памятник установлен в 2010 году, автор – московский скульптор Михаил Перелясцев.

Чуть дальше, в сквере Петра Ершова, сразу несколько скульптур Перелясцева: автор бессмертной сказки с Коньком-Горбунком, Жар-птица, Иван-дурак, фонтан «чудо-юдо рыба-кит» с Тобольским кремлем на спине... Дети в восторге – лазают по громадному киту. Наверное, хорошо запомнят сюжет главного произведения Ершова. На моих глазах брат с сестрой пытались спихнуть царя в чан с кипятком – в скульптуре царь лишь осторожно пробует ногой воду в чане.

Памятник сказочнику в его родном Тобольске был и раньше. Стоял он в нижнем городе на месте дома Ершовых. А в начале 1990-х пропал: местные говорят, что бессовестные люди сдали на металлолом. Нынешнему монументу от «металлистов» тоже досталось: вскоре после его открытия в 2008 году Коньку-Горбунку отпилили хвост.

С Ершовым связана одна старая городская легенда. Петр Павло-

Лестница
на Софийском
взвозе – самый
короткий путь
в кремль

«Два раза перекрестился, –
Бух в котел – и там сварился!»

вич был очень любвеобильным. В одном его преследовало несчастье – обожаемые жены умирали через несколько лет совместной жизни. В 1853 году после внезапной смерти второй супруги Ершов поднимался по Софийскому взвозу и размышлял о своей горестной судьбе. Как вдруг услышал внутренний голос: если поднимешься по этой лестнице вслепую и ни разу не запнешься, такое несчастье больше не повторится. Писатель очень старался преодолеть лестницу с закрытыми глазами. И получил желаемое – через несколько месяцев он обвенчался с генеральской дочерью Еленой Черкасовой, ставшей для него подругой жизни до конца дней. Кстати, и в наше время можно заметить людей, поднимающихся по Софийскому взвозу вслепую. Правда, награда за такой подъем в народном сознании несколько трансформировалась: что загадешь, то и сбудется.

ДЕКАБРИСТЫ И ОТРОКИ ЭФЕССКИЕ

Кстати, год смерти третьей жены Петра Ершова неизвестен, на старом Завальном кладбище писатель похоронен вместе со своей первой женой, Серафимой. Это всего в километре от сквера Ершова. Найти могилу, как оказалось, не так легко. На скромном надгробии значится, что здесь лежит «Автор народной сказки Конек-Горбунок».

Михаил Переяславец отметил-ся и на этом кладбище: памятник его работы стоит на могиле исследователя севера Западной Сибири Александра Дунина-Горкавича. На Завальном кладбище похоронены многие известные личности города, однако оно такое тесное – без проводника там обойтись трудно. Легко найти только могилы декабристов – все они под стеной кладбищенской церкви.

Эта скромная церковь весьма примечательна. Не только сво-

им редким посвящением Семи отрокам Эфесским. Это единственный храм в Тюменской области, который не закрывался в советские годы. Несколько лет он служил кафедральным храмом Тобольской епархии. В 1937 году после расстрела священников и упразднения прихода церковь отстояли прихожане. Сторожившая храм Агриппина не дала разорить его явившимся комсомольцам:

Ротонда в кремле изначально планировалась как сооружение против оползней

Губернский музей – первый краеведческий музей Сибири, построенный в 1890 году

заперлась в церкви и держала оборону, по разным данным, от нескольких дней до месяца. Питалась просфорами. Церковь – единственная в городе сохранила оригинальный иконостас конца XVIII века. Взглянуть на него, к сожалению, не удалось – явился я на кладбище в неурочный час. А окна храма закрывали массивные ставни. Сквер с Памятником женам декабристов вплотную прилегает к кладбищу. Видимо, так было задумано – жены поближе к мужьям. Если так, то единство судеб не особенно заметно: барышня в ротонде на памятнике получилась довольно праздничная, больше для фотосессии молодоженов подходит. Кстати, они сюда часто наведываются, для них же здесь соорудили романтическую композицию с искусственным газоном. А настоящие жены декабристов на самом деле и так рядом с мужьями на Завальном кладбище покоятся.

**МЕНДЕЛЕЕВ
И РОБИНЗОН КРУЗО**

Напротив Завального кладбища стоит памятник... Робинзону Крузо! Герой Даниэля Дефо изображен на лыжах замерзающим вместе с другом Пятницей. Сюжет взят из «Дальнейших приключений Робинзона Крузо» – почти неизвестной у нас второй части романа Дефо. Уютная жизнь в Англии Робинзону скоро наскучила, и он снова отправился странствовать: Южная Америка, Мадагаскар, Китай. В Поднебесной путешественник решил подзаработать. Накупил разного товара и караваном через Россию направился на родину. В Тобольске Крузо задержался на восемь месяцев – «в течение мрачной и суровой зимы». В начале XVIII века Сибирь для европейцев представлялась загадочной «Тартарией», настоящим медвежьим углом. Дефо пересказывает полумифические представления о Тартарии, где в морозы «покрывают лицо меховой маской», лошади «стоят в подземельях», а люди пьют воду, смешанную с водкой. Все же в Тобольске Робинзон встретил «хорошее общество», так что зимовка его прошла «очень весело и хорошо». Авторы монумента явно хотели соединить обе части романа. Во-первых, Пятница погиб во время путешествия, и Робинзон пребывал в Сибири в одиночку. Кроме того, герои окружены фонтанами – с улицы кажется, что они на необитаемом острове...

Что касается советских памятников, то в Тобольске не осталось почти ни одного Ленина. Едва ли не единственный советский – гранитный Дмитрий Иванович Менделеев, расположившийся неподалеку от кремля. В 2014 году по соседству с памятником появилась площадь в виде огромной таблицы Менделеева. Гуляешь по гранитным плитам с латунными аббревиатурами химических элементов и невольно химию вспоминаешь... Знатoki, правда, нашли в таблице ошибку: в ячейке 29 вместо меди (CU) оказался углерод (C).

Декорации фильма «Тобол» остались в музее и составляют целую экспозицию

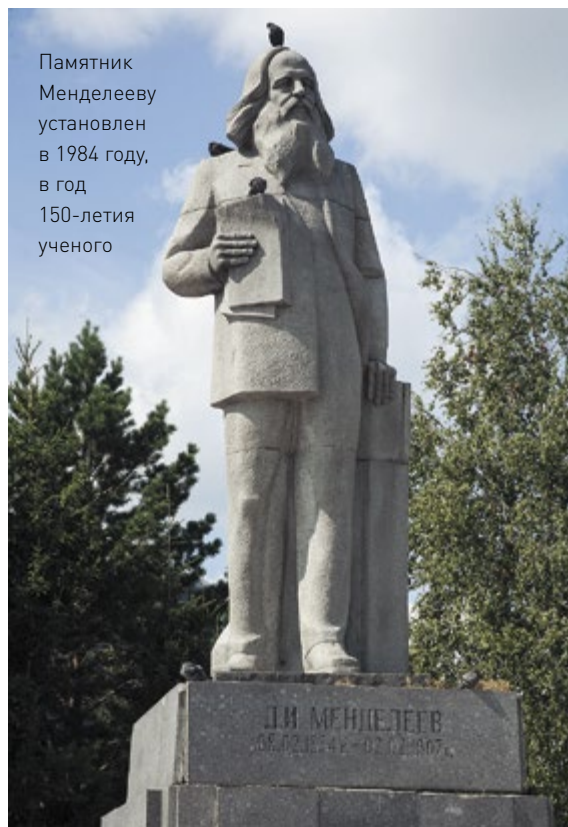
В архитектурном плане Тобольск очень разнородный город. Нижний город, кремль, XIX век, дальше от центра – сталинские трех- и пятиэтажки, затем «новый город» – микрорайоны из панельных многоэтажек 1970–1980-х годов. Строительство нефтехимического комбината, начатое в 1974 году

как всесоюзная ударная комсомольская стройка, перевернуло жизнь города. Тобольск превратился в промышленный центр, за пятнадцать лет население увеличилось вдвое, достигнув 100 тысяч человек.

За новым городом поднимается город «новейший» – высотные новостройки, стройплощадки, башенные краны, промплощадки... Вместе эти разные Тобольски отлично уживаются, не мешают друг другу.

Говорят, апогеем единства разноликого города стали съемки фильма «Тобол» в 2017 году. Они длились восемь месяцев и, кажется, не разочаровали создателей картины: в Тобольске нашлось все необходимое, и главное – люди. Актеры местного театра играли эпизодические роли, в массовке снимались все желающие – от мэра до не всегда трезвых завсегдатаев старого кладбища. Причем последних даже особо гримировать не пришлось. Особенно после того, как они отпустили бороды и волосы – бородатым на съемках платили с надбавкой. А роли пленных шведских офицеров, строивших Рентерею, исполнили сотрудники кремлевского музея.

В самом деле, Тобольск показал себя изобильным радостелем. 🍷

Памятник Менделееву установлен в 1984 году, в год 150-летия ученого

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«ИНФОРМНАУКА» на сайте
www.informnauka.com

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru